

Учреждение образования
«Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина»

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ:
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ, УГОЛОВНО-
ПРАВОВЫЕ И УГОЛОВНО-
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ**

Сборник материалов
Республиканской научно-практической
интернет-конференции
Брест, 23 марта 2017 г.

БрГУ имени А. С. Пушкина
2017

УДК 341
ББК 67.9
У 26

Рекомендовано редакционно-издательским советом Учреждения образования
«Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

Рецензенты:

М. В. Андрияшко,

заведующий кафедрой государственного управления и уголовно-правовых дисциплин
УО «БрГУ», кандидат юридических наук, доцент

Т. А. Горупа,

заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин УО «БрГУ имени
А. С. Пушкина», кандидат юридических наук, доцент

Редакционная коллегия:

О. Н. Иванчина,

заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин УО «БрГУ имени
А. С. Пушкина», кандидат философских наук, доцент (гл. ред.)

Г. И. Займист,

кандидат философских наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
УО «БрГУ имени А. С. Пушкина»

С. М. Храмов,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
УО «БрГУ имени А. С. Пушкина»

У 26 Противодействие преступности: криминологические, уголовно-правовые
и уголовно-процессуальные аспекты: сб. материалов Респ. науч.-практ. интернет-
конф., Брест, 23 марта 2017 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина; редкол.:
О. Н. Иванчина (гл. ред.) [и др.]. – Брест : БрГУ, 2017. – 206 с.

В сборник вошли материалы Республиканской научно-практической интернет-
конференции, состоявшейся 23 марта 2017 г. на юридическом факультете Брестского
государственного университета имени А. С. Пушкина. Материалы отражают
актуальные проблемы уголовного права и криминологии, уголовного процесса и
прокурорского надзора, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности.

В рамках конференции состоялась секция молодых ученых (студентов,
магистрантов, аспирантов), тексты выступлений которых печатаются в сборнике.

Издание адресовано студентам, магистрантам, аспирантам, научно-
педагогическим работникам, а также практикующим юристам.

Ответственность за языковое, стилистическое оформление, содержание и
уникальность материалов, а также за точность приведённых данных несут авторы.

УДК 341
ББК 67.9

© УО «Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина,
2017

УДК 343

В. В. ЛОСЕВ

Минск, НИЦ проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК МЕРА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ И ПРЕСТУПНОСТИ: ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ

Противодействие коррупции и преступности осуществляется комплексом организационных, правовых и иных мер. Одна из таких мер – криминологическая (в ряде других государств – антикоррупционная) экспертиза проектов законов и других нормативных правовых актов, а также актов действующего законодательства.

Криминологическая экспертиза – одно из основных направлений такой отрасли современной криминологии, как криминология правообразования (криминология закона). Сегодня криминологическая экспертиза – важный элемент правотворчества.

Международно-правовые акты в сфере противодействия коррупции (Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 31 октября 2003 г., № 58/4 ратифицирована Законом Республики Беларусь от 25 ноября 2004 г., № 344-З, вступила в силу для Республики Беларусь 14 декабря 2005 г.), Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию, принята Комитетом министров Совета Европы 27 января 1999 г., ратифицирована Законом Республики Беларусь от 26 мая 2003 г., № 199-З, вступила в силу для Республики Беларусь 1 марта 2008 г. [и др.]), говоря в целом о необходимости предупреждения коррупции, не содержат термины «антикоррупционная экспертиза», «криминологическая экспертиза» нормативных правовых актов (их проектов) и указаний об обязательном её проведении.

Вместе с тем в Конвенции ООН против коррупции 2003 г. определено, что «каждое Государство-участник стремится периодически проводить оценку соответствующих правовых документов и административных мер с целью определения их адекватности с точки зрения предупреждения коррупции и борьбы с ней» (ст. 5 «Политика и практика предупреждения и противодействия коррупции»). Порядок и методы такой оценки может устанавливать каждое государство самостоятельно.

На постсоветском пространстве пришли к выводу, что антикоррупционная (криминологическая) экспертиза является одной из наиболее оптимальных форм оценки коррупционных (криминогенных) рисков в деятельности нормотворческих органов. В большинстве государств-участников СНГ предусмотрено проведение антикоррупционной экспертизы, что основано в т. ч. на модельном законодательстве СНГ.

Антикоррупционная экспертиза правовых актов прямо названа в Модельном законе СНГ «Основы законодательства об антикоррупционной политике» (постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 15 ноября 2003 г., № 22-15 (далее – МПА СНГ)) в качестве одной из мер предупреждения коррупционных правонарушений (ст. 10). Понятие такой экспертизы определено как деятельность специалистов (экспертов) по выявлению и описанию коррупциогенных факторов, относящихся к действующим правовым актам и их проектам, разработке рекомендаций, направленных на устранение или ограничение действия таких

факторов (ст. 1). Антискоррупционная экспертиза названа видом криминологической экспертизы (ст. 14).

Правовые и организационные вопросы развиты и конкретизированы в Модельном законе СНГ «Об антискоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (постановление МПА СНГ от 17 мая 2012 г., № 37-12), а также в Комментариях к Модельному закону «Об антискоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (постановление МПА СНГ от 29 ноября 2013 г., № 39–23).

Поскольку антискоррупционная экспертиза – это частный случай криминологической экспертизы нормативных правовых актов (их проектов) как более широкого понятия, в Беларуси (а также в Казахстане) была учреждена именно криминологическая экспертиза. Её цель – выявление рисков криминогенного характера (в т. ч. коррупциогенных рисков) в нормативных правовых актах (их проектах) для последующего устранения.

В 2004 г. Закон Республики Беларусь от 10 января 2000 г., № 361-3 «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» был дополнен ст. 49-1 «Криминологическая экспертиза проектов нормативных правовых актов» (Закон Республики Беларусь от 1 ноября 2004 г., № 321-3). Поскольку тогда ещё не был создан специализированный орган, уполномоченный проводить криминологические экспертизы, в первоначальной редакции этой ст. было определено, что такая экспертиза должна проводиться различными государственными органами в зависимости от вида нормативных правовых актов:

- проектов декретов и указов Президента Республики Беларусь, постановлений Совета Министров Республики Беларусь – Министерством юстиции Республики Беларусь;

- проектов законов, вносимых в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь, а также изменений и (или) дополнений, внесённых в законопроект в Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь, – Национальным центром законопроектной деятельности при Президенте Республики Беларусь;

- проектов нормативных правовых актов министерств, иных республиканских органов государственного управления, Национального банка Республики Беларусь, местных исполнительных и распорядительных органов, других государственных органов – их юридическими службами, а проектов нормативных правовых актов местных Советов депутатов – юридическими службами соответствующих местных исполнительных и распорядительных органов.

Государственные органы (организации) при отсутствии у них специалистов, обладающих необходимыми профессиональными навыками для проведения криминологической экспертизы, могли в установленном порядке привлекать специалистов научных и иных организаций, в первую очередь государственных.

Было определено, что обязательной криминологической экспертизе подлежат проекты нормативных правовых актов, направленные на регулирование общественных отношений в финансово-экономической сфере, в сферах государственной службы, судебной и правоохранительной деятельности, социальной защиты, здравоохранения, образования, охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов.

В первоначальной редакции Закона Республики Беларусь от 20 июля 2006 г., № 165-3 «О борьбе с коррупцией» о криминологической экспертизе как мере противодействия коррупции еще не говорилось.

Указом Президента Республики Беларусь от 3 августа 2006 г., № 482 «О создании государственного учреждения» на базе Республиканского центра анализа и прогнозирования преступности реорганизуемого научно-исследовательского учреждения «Научно-исследовательский институт проблем криминологии, криминалистики и судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Беларусь» было создано государственное учреждение «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Прокуратуры (с мая 2007 г. – Генеральной прокуратуры) Республики Беларусь» (далее – НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь), входящее в систему органов прокуратуры и непосредственно подчиняющееся Генеральному прокурору Республики Беларусь.

Названным Указом Президента Республики Беларусь на НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь были возложены, наряду с иными, полномочия по проведению криминологической экспертизы проектов правовых актов и действующих правовых актов.

Об этом говорится и в п. 4 Положения о порядке проведения криминологической экспертизы, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 29 мая 2007 г., № 244 «О криминологической экспертизе» в целях дальнейшего совершенствования системы мер по предупреждению преступности и создания надлежащих условий для прогнозирования возможных криминогенных последствий принятия законов Республики Беларусь (так в первоначальной редакции; с 2011 г. – принятия/издания правовых актов).

Сегодня НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь является единственным государственным органом, правомочным проводить обязательную криминологическую экспертизу. Это обеспечивает, с одной стороны, независимость экспертизы от правотворческих органов, с другой – общую методологию проведения экспертиз и единые подходы к выявлению криминогенных (в т. ч. коррупциогенных) рисков на основе опыта экспертной работы.

После создания НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь ст. 49-1 «Криминологическая экспертиза проектов нормативных правовых актов» Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» была изложена в новой редакции: «Проекты нормативных правовых актов подлежат криминологической экспертизе в случаях и порядке, установленных Президентом Республики Беларусь» (Закон Республики Беларусь от 15 июля 2008 г., № 410-3).

Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г., № 453-3 «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» в ст. 22 отнёс проведение криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов к одной из основных мер общей профилактики правонарушений. Это же положение приведено и в ст. 22 нового Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г., № 122-3 «Об основах деятельности по профилактике правонарушений».

В 2011 г. система мер борьбы с коррупцией (ст. 5 Закона Республики Беларусь 2006 г. «О борьбе с коррупцией») была дополнена указанием на такую меру, как проведение в установленном порядке криминологической экспертизы проектов правовых актов Республики Беларусь, ранее принятых (изданных) правовых актов Республики Беларусь (Закон Республики Беларусь от 22 декабря 2011 г., № 32-3). Об этом сказано и в ст. 5 нового Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г., № 305-3

«О борьбе с коррупцией». Более того, в новом законе впервые среди принципов борьбы с коррупцией назван приоритет мер предупреждения коррупции (ст. 4).

До 2011 г. включительно обязательной криминологической экспертизе подлежали только проекты законов Республики Беларусь. В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 6 июня 2011 г., № 230 «О мерах по совершенствованию криминологической экспертизы» в целях предотвращения возможных криминогенных последствий принятия (издания) правовых актов, обеспечения их эффективного влияния на укрепление законности и правопорядка сфера проведения обязательной криминологической экспертизы стала последовательно расширяться.

В частности, было определено (с учетом вносимых в последующем изменений), что с 1 января 2012 г. проведение криминологической экспертизы обязательно в отношении проектов правовых актов Совета Министров Республики Беларусь, относящихся к гражданскому, гражданскому процессуальному, хозяйственному процессуальному законодательству, законодательству о финансово-кредитной системе, предпринимательской, хозяйственной (экономической) деятельности, а также проектов правовых актов Комитета государственного контроля, Национального банка, Управления делами Президента Республики Беларусь, Следственного комитета Республики Беларусь.

С 1 июля 2013 г. проведение криминологической экспертизы стало обязательно в отношении проектов правовых актов Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь. С 1 января 2014 г. – в отношении проектов правовых актов Совета Министров Республики Беларусь, относящихся к конституционному законодательству, законодательству о труде и занятости населения, о браке и семье, жилищному законодательству, законодательству о социальной защите и социальном страховании, о здравоохранении, в области образования, научной, научно-технической и инновационной деятельности, информации и информатизации, культуры, физической культуры и спорта, туризма, об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов, в области обороны, национальной безопасности, правоохранительной деятельности, борьбы с преступностью и судебно-экспертной деятельности, об административных правонарушениях, к процессуально-исполнительному законодательству об административных правонарушениях, законодательству об уголовной ответственности, уголовно-процессуальному, уголовно-исполнительному, законодательству о таможенном регулировании.

С 1 января 2015 г. проведение криминологической экспертизы обязательно в отношении проектов правовых актов Президента Республики Беларусь, относящихся к гражданскому, гражданскому процессуальному, хозяйственному процессуальному законодательству, законодательству о финансово-кредитной системе, предпринимательской, хозяйственной (экономической) деятельности, а с 1 января 2017 г. – уже в отношении практически всех проектов правовых актов Президента Республики Беларусь.

Для научно-методического обеспечения в НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь были разработаны Методические рекомендации по проведению криминологической экспертизы проектов правовых актов (правовых актов) (утв. приказом Генерального прокурора Республики Беларусь от 13 декабря 2011 г., № 46), Инструкция по проведению криминологической экспертизы (утв. решением Учёного совета НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь 27 июня 2013 г., № 2) и ряд других методических рекомендаций.

Как определено в Положении о порядке проведения криминологической экспертизы (утв. Указом Президента Республики Беларусь от 29 мая 2007 г., № 244),

проведение криминологической экспертизы проекта правового акта осуществляется, как правило, после проведения его обязательной юридической экспертизы. Криминологическая экспертиза проекта закона, вносимого на рассмотрение Президента Республики Беларусь для направления (согласования направления) в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь, проекта правового акта Президента Республики Беларусь, других проектов правовых актов, вносимых на рассмотрение Президента Республики Беларусь, должна быть проведена перед их внесением в установленном порядке на рассмотрение Главы государства.

Криминологическая экспертиза ранее принятого (изданного) правового акта проводится по решению Президента Республики Беларусь, Администрации Президента Республики Беларусь или Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

Заключение криминологической экспертизы по проекту правового акта имеет не рекомендательный, а обязательный для его разработчика характер, который после получения отрицательного заключения должен организовать доработку проекта. После доработки в соответствии с заключением криминологической экспертизы проект правового акта подлежит согласованию с заинтересованными государственными органами и иными организациями, после чего повторно направляется как на обязательную юридическую экспертизу, так и на криминологическую экспертизу.

В 2016 г. в среднем в день для проведения криминологической экспертизы в НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь поступали 4 проекта правовых актов. С учетом того, что с 1 января 2017 г. такая экспертиза стала обязательной в отношении практически всех проектов правовых актов Президента Республики Беларусь, объём работы только увеличивается. Следовательно, всё более активным становится участие НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь в правотворчестве, укреплении законности и правопорядка, предупреждении преступности и коррупции.

УДК 343.344

В. А. РОБАК

КЮИ (ф) АГПРФ, кандидат юридических наук, доцент

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 222 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТ. 295, 295¹ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В соответствии с ч. 1 ст. 222 Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) предусматривается ответственность за следующие деяния: «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов (за исключением гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, его основных частей и патронов к нему, огнестрельного оружия ограниченного поражения, его основных частей и патронов к нему)» [1].

В соответствии с ч. 2 ст. 295 Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) предусматривается ответственность за следующие деяния: «Незаконные изготовление, приобретение, передача во владение, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение огнестрельного оружия (кроме охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия), боеприпасов (кроме боеприпасов к охотничьему огнестрельному гладкоствольному оружию), взрывчатых веществ,

взрывных устройств, либо незаконные изготовление, приобретение, передача во владение, сбыт, перевозка, пересылка или ношение составных частей или компонентов огнестрельного оружия (кроме составных частей и компонентов охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия), либо незаконные изготовление или сбыт основных частей взрывных устройств» [2].

На основе анализа указанных норм можно сделать вывод, что в соответствии с УК РФ, за незаконные действия в сфере оборота оружия, предусматривается ответственность за следующие деяния: приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение; в соответствии с УК Республики Беларусь: изготовление, приобретение, передача во владение, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение.

Следует отметить, что УК РФ предусматривает ответственность за незаконное изготовление огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов в отдельной норме (ст. 223 УК РФ), которая предусматривает более строгое наказание. По нашему мнению, учитывая, что указанные деяния представляют собой большую степень общественной опасности, предусмотрение более строгой ответственности за их совершение является целесообразным.

Также необходимо отметить, что УК Республики Беларусь, предусматривает ответственность за незаконную пересылку указанных предметов, что по нашему мнению является крайне целесообразным. Отсутствие ответственности за такое деяние в УК РФ является пробелом.

Следует отметить, что в соответствии со ст. 222 УК РФ (чч. 1–3), предметом данного преступления являются: огнестрельное оружие, его основные части, боеприпасы (за исключением гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, его основных частей и патронов к нему, огнестрельного оружия ограниченного поражения, его основных частей и патронов к нему). В соответствии со ст. 295 УК Республики Беларусь, предметом данного преступления являются: огнестрельное оружие (кроме охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия), боеприпасы (кроме боеприпасов к охотничьему огнестрельному гладкоствольному оружию), взрывчатые вещества, взрывные устройства, составные части или компоненты огнестрельного оружия (кроме составных частей и компонентов охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия), основные части взрывных устройств. Следует отметить, что УК РФ предусматривает ответственность за незаконные действия с взрывчатыми веществами и взрывными устройствами в отдельной норме (ст. 223¹), которая предусматривает более строгое наказание. По нашему мнению, учитывая, что незаконный оборот указанных предметов представляет собой более высокую общественную опасность, предусмотрение более строгой ответственности за данные деяния является целесообразным.

Отдельно, по нашему мнению, целесообразно остановиться на сравнительной характеристике преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 222 УК РФ и ст. 295¹. УК Республики Беларусь.

В соответствии с ч. 4 ст. 222 УК РФ предусматривается ответственность за следующие деяния: «незаконный сбыт гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, огнестрельного оружия ограниченного поражения, газового оружия, холодного оружия, в том числе метательного оружия» [1].

Предметом указанного преступления является: гражданское огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие, огнестрельное оружие ограниченного поражения, газовое оружие, холодное оружие, метательное оружие.

Гражданское оружие – оружие, предназначенное для использования гражданами Российской Федерации в целях самообороны, для занятий спортом и охоты, а также в культурных и образовательных целях. Гражданское огнестрельное оружие должно исключать ведение огня очередями и иметь ёмкость магазина (барабана) не более 10 патронов. Дульная энергия при выстреле из гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия патронами травматического действия не должна превышать 150 Дж.

Огнестрельное оружие ограниченного поражения – короткоствольное оружие и бесствольное оружие, предназначенные для механического поражения живой цели на расстоянии метаемым снарядом патрона травматического действия, получающим направленное движение за счёт энергии порохового или иного заряда, и не предназначенные для причинения смерти человеку.

Газовое оружие – оружие, предназначенное для временного химического поражения живой цели путём применения слезоточивых или раздражающих веществ.

Холодное оружие – оружие, предназначенное для поражения цели при помощи мускульной силы человека при непосредственном контакте с объектом поражения.

Метательное оружие – оружие, предназначенное для поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение при помощи мускульной силы человека или механического устройства [3].

В соответствии с ч. 1 ст. 295¹ УК Республики Беларусь предусматривается ответственность за следующие деяния: «незаконные приобретение, передача во владение, хранение, перевозка, пересылка или ношение охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия или боеприпасов к нему либо незаконные приобретение, передача во владение, перевозка, пересылка или ношение составных частей или компонентов охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия, совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такие же действия», ч. 2: «незаконные изготовление либо сбыт охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия, его составных частей, компонентов или боеприпасов к нему» [2].

Предметом указанного преступления является: охотничье огнестрельное гладкоствольное оружие, боеприпасы к охотничьему огнестрельному гладкоствольному оружию, составные части или компоненты к охотничьему огнестрельному гладкоствольному оружию.

На основе анализа указанных норм можно сделать вывод, что предмет преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 222 УК РФ шире, чем предмет преступления, предусмотренного ст. 295¹ УК Республики Беларусь. По нашему мнению, учитывая то положение, что предметы, указанные в ч. 4 ст. 222 УК РФ представляют непосредственную опасность для здоровья и жизни человека криминализация деяний относительно их незаконного оборота является целесообразной.

Также необходимо отметить, что в соответствии с ч. 4 ст. 222 УК РФ ответственность предусматривается только за сбыт указанных предметов, в соответствии со ст. 295¹ УК Республики Беларусь ответственность предусматривается за незаконные приобретение, передачу во владение, хранение, перевозку, пересылку или ношение указанных предметов, при условии совершения таких действий в течение года после наложения административного взыскания за такие же действия (ч. 1), а также за незаконные изготовление или сбыт указанных предметов (ч. 2).

По нашему мнению, учитывая положение, что вследствие незаконных действий, относительно указанных предметов, в свободный оборот попадают предметы,

представляющие непосредственную угрозу для здоровья и жизни людей, предусмотрение уголовной ответственности за незаконные действия относительно их оборота является целесообразным. По нашему мнению, позиция белорусского законодателя, установившего ответственность за возможные незаконные действия с охотничьим огнестрельным гладкоствольным оружием или боеприпасами к нему является, безусловно, обоснованной, а отсутствие ответственности за указанные действия в УК РФ является пробелом.

На основе указанного, по нашему мнению, можно сделать вывод, что нормы, предусматривающие ответственность за незаконный оборот оружия в УК РФ и УК Республики Беларусь, не являются совершенными и их доработка позитивно отразится на противодействии преступности не только в сфере незаконного оборота оружия, но и на противодействии вооружённой преступности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 07.03.2017 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант-Плюс». – М., 2017.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. : с изм., внес. заключением Конституц. суда от 11.03.2004 г., № 3-171/2004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Об оружии [Электронный ресурс] : Федер. закон, 13 дек. 1996 г., № 150-ФЗ : в ред. Федер. закона от 06.07.2016 : с изм., внес. постановлением Конституц. суда Рос. Федерации от 29.02.2012 г., № 16-П // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант-Плюс». – М., 2017.

УДК 343.347:342.9

И. Н. КОРОСТАШОВА

Днепр, УТДФ, кандидат юридических наук, доцент

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ (МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И НОРМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА)

Фальсифицированные лекарственные средства представляют большую опасность для здоровья и жизни людей. Общественная опасность этой преступной деятельности усугубляется тем, что потребителями лекарственных средств (далее – ЛС) являются люди, нуждающиеся в соответствующем лечении, для которых применение ЛС является жизненной необходимостью, связанной с наличием или возникновением различных заболеваний.

Следует сказать, что сегодня основные сложности противодействия фальсификации, перемещению через таможенные границы и введения в оборот фальсифицированных ЛС связаны, в том числе, с тем, что определить реальные масштабы их обращения на рынке практически невозможно, т. к. официальные статистические данные отражают только количество выявленных фальсифицированных ЛС. Кроме того, технологии изготовления фальсифицированной

продукции постоянно совершенствуются, в связи с чем отличить оригинальный препарат от фальсификата не только для потребителя, но и для специалиста достаточно сложно. Установление факта подделки является возможным для тех, кто обладает специальными знаниями, опытом и технологиями. Ещё сложнее установить причинную связь между применением лекарственных средств и ухудшением состояния здоровья или даже смертью больного. Кроме того, пациенты практически никогда не обращаются в контролирующие и правоохранительные органы, в случае если ЛС, которые они применяют, не дают положительного эффекта. В крайнем случае, они могут сказать об этом своему врачу. Поэтому, как таковой статистики, свидетельствующей о количестве лиц, пострадавших от фальсифицированных ЛС, тоже не существует, а отдельные зафиксированные случаи применения фальсифицированных ЛС, повлекшие утрату здоровья и/или гибель людей, не могут быть показателем истинных масштабов этой преступной деятельности.

Так, в 2016 г. в Северной Америке зарегистрировано более чем 1 000 смертей от передозировки препаратом «фентанил», выявлено 95 000 доз фальсифицированного фентанила и произведено 13 арестов причастных лиц; в Азии выявлено 7 фабрик, производивших фальсифицированные ЛС, закрыто 350 точек, которые торговали фальсифицированными и несоответствующими стандартам ЛС; в Африке выявлено 44 тонны фальсифицированных ЛС и произведено 17 арестов; в Европе – выявлено 75 000 доз не лицензированных стероидов и антидепрессантов, произведено 6 арестов причастных лиц [1].

В Украине (в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 2 Закона Украины «О лекарственных средствах» от 4 апреля 1996 г.) фальсифицированным лекарственным средством является лекарственное средство, которое умышленно промаркировано неидентично (несоответственно) сведениям (одному или нескольким из них) про лекарственное средство с соответствующим названием, которое внесено в Государственный реестр лекарственных средств, а также лекарственное средство, умышленно подделанное иным способом, и не соответствует сведениям (одному или нескольким из них), в том числе составу лекарственного средства с соответствующим названием, которые внесены в Государственный реестр лекарственных средств Украины [2].

Всемирная организация здравоохранения (далее – ВОЗ) впервые обратила внимание на проблемы, связанные с фальсификацией ЛС в 1987 г., поскольку данная преступная деятельность тогда уже начала приобретать угрожающий характер. Сегодня ВОЗ заявляет о глобальных масштабах проблемы, связанной с фальсификацией ЛС. Так, по сведениям ВОЗ, «фальсифицированная лекарственная продукция производится во многих странах и во всех регионах мира. Этот вопрос затрагивает все страны во всех регионах мира от Северной Америки и Европы до Африки к югу от Сахары, Юго-Восточной Азии и Латинской Америки. То, что раньше считалось проблемой развивающихся стран и стран с низким уровнем дохода, сегодня касается всех. Тем не менее, наибольшее бремя проблемы ложится на страны с низким и средним доходом и страны, переживающие конфликты или гражданские беспорядки, где системы здравоохранения ослаблены или отсутствуют» [3]. Таким образом, ни одна страна не является полностью защищённой от попадания на её рынок, в т. ч. в легальную торговую сеть фальсифицированных ЛС.

Глава Комитета Верховного Совета Украины по вопросам охраны здоровья в 2012 г. заявляла, что по данным исследований консалтинговых компаний в США, несмотря на технические и финансовые возможности, наличие самых современных систем защиты и жёсткого контроля, объём оборота фальсифицированных лекарств

достигает 10–20 %. В ЕС, где этим проблемам уделяется чрезвычайно большое внимание, средний уровень объёма выявленных фальсифицированных ЛС составляет в среднем 8 % (в Германии – приблизительно 4 %, в Италии – до 15 %). По оценкам экспертов, объёмы продажи поддельных лекарственных средств во всём мире могут достигать 75 млрд. долларов США [4].

Из вышесказанного следует, что фальсификация лекарственных средств приобрела транснациональный характер. Серьёзность этой проблемы привлекла внимание всего мирового сообщества. Поэтому по инициативе Совета Европы была разработана «Конвенция по противодействию фальсификации медицинской продукции и аналогичным преступлениям, связанным с угрозой жизни для населения» (The Medicrime Convention Combating counterfeiting of medical products and similar crimes involving threats to public health - MEDICRIME) [5]. Данная Конвенция была подписана 28 октября 2011 года рядом стран, среди которых: Австрия, Кипр, Финляндия, Германия, Франция, Исландия, Италия, Португалия, Россия, Швейцария, Украина и Израиль. В то же время и другим странам была предоставлена возможность присоединиться к указанной Конвенции, которая вступила в силу с 1 января 2016 г. В настоящее время Конвенция MEDICRIME ратифицирована соответствующими органами 9 стран, среди которых: Украина, Испания, Венгрия, Молдавия, Гвинея, Армения, Албания, Бельгия и Франция [6].

Целью Конвенции является предотвращение и борьба с угрозами для здоровья населения. Согласно ст. 3 Конвенции, сферой её действия являются ЛС, независимо от того, находятся они под защитой прав на интеллектуальную собственность или нет, носят общий характер или нет. Также действие Конвенции распространяется на аксессуаров, предназначенные для использования совместно с медицинскими устройствами, а также активные вещества, наполнители запасных частей и материалов, используемых в производстве ЛС.

Конвенция MEDICRIME рекомендует странам-участницам ввести:

- уголовную ответственность за изготовление контрафактной медицинской продукции, поставку, предложение поставки и оборот фальсифицированной медицинской продукции, подделку документов, несанкционированное изготовление или поставку медицинской продукции, введение на рынок изделий медицинского назначения, не соответствующих требованиям законодательства;

- защиту прав жертв преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией;

- содействие национальному и международному сотрудничеству.

Административное и уголовное законодательство Украины, России, Республики Беларусь и других стран СНГ довольно давно содержат нормы, определённым образом способствующие противодействию подобного рода правонарушениям. Например, в уголовном законодательстве Украины предусмотрена уголовная ответственность за «умышленное введение в оборот на рынке Украины (выпуск на рынок) небезопасной продукции (ст. 227 Уголовного кодекса Украины (далее – УК Украины)) [7]. В уголовном законодательстве Республики Беларусь существует уголовная ответственность за «выпуск либо реализацию недоброкачественной продукции» (ст. 337 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) [8]. В уголовном законодательстве Российской Федерации также есть ответственность за «производство, хранение, перевозку либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности» (ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [9]. Однако отсутствие

специальных норм в ряде случаев не позволяло привлечь правонарушителей к ответственности. Например, в Российской Федерации правоприменительная практика в связи с этим складывалась таким образом, что организация и сбыт фальсифицированных лекарственных препаратов в правоприменительной практике квалифицировались не только по ст. 238 УК РФ, но и как мошенничество (ст. 159 УК РФ), незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ) и др. Но следует обратить внимание на то, что данные нормы содержат только общие формулировки, касающиеся производства и обращения товаров и продукции, которые могут нанести вред жизни и здоровью людей.

Нужно сказать, что достаточно часто при производстве, хранении, перемещении, введении в оборот фальсифицированных лекарственных средств одновременно нарушаются и права интеллектуальной собственности (незаконно использованы объекты интеллектуальной собственности). В связи с этим, собственник прав на такие объекты имеет основания для обращения за защитой прав интеллектуальной собственности в правоохранительные органы. Однако, при наличии предусмотренных уголовным законодательством квалифицирующих признаков, в некоторых случаях может наступить конкуренция норм, предусматривающих административную или уголовную ответственность за нарушение прав интеллектуальной собственности. Например, в уголовном законодательстве Украины такими нормами являются ст. 229 УК Украины «Незаконное использование знака для товаров и услуг, фирменного наименования, квалифицированного обозначения происхождения товара», а также ст. 177 УК Украины «Нарушение прав на изобретение, полезную модель, промышленный образец <...>» [7]. Однако в последнем случае речь идёт о контрафактной продукции и доказыванию подлежит именно факт незаконного использования объектов интеллектуальной собственности, да и санкции вышеуказанных статей не соответствуют общественной опасности такого деяния, как фальсификация лекарственных средств [10, с. 67–68]. Подобные нормы содержатся и в УК РФ (например, ст. 180 – незаконное использование товарного знака и др.) [9]. В УК Республики Беларусь аналога вышеуказанным нормам нет, что ограничивает возможность привлечения правонарушителей к уголовной ответственности.

Одним из шагов на пути решения этой проблемы является непосредственная криминализация за предусмотренную Конвенцией деятельность и ужесточение юридической ответственности за неё. В процессе подготовки к подписанию Конвенции (в сентябре 2011 г.) в Украине был принят Закон, который внёс изменения в УК Украины и Кодекс Украины об административных правонарушениях, которые в настоящее время содержат нормы, направленные на реализацию рекомендаций Конвенции MEDICRIME.

Так, например, ст. 321-1 УК Украины [7] за фальсификацию или оборот фальсифицированных ЛС предусмотрены санкции в виде лишения свободы по части первой этой статьи на срок до 5 лет, а по части второй – до 8 лет лишения свободы (в обоих случаях с конфискацией ЛС, сырья и оборудования для их изготовления). Действия же, предусмотренные ч. 1 или ч. 2 вышеуказанной статьи УК Украины, если они причинили смерть лица или иные тяжёлые последствия, или совершены в особо крупных размерах, караются лишением свободы на срок до десяти лет или пожизненным лишением свободы с конфискацией ЛС, сырья и оборудования для их изготовления.

За контрабанду наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров или фальсифицированных лекарственных средств (ст. 305 УК

Украины) [7] также предусмотрены санкции в виде лишения свободы, а именно: по ч. 1 – до пяти лет, по ч. 2 – до восьми лет, а по ч. 3 – до десяти лет.

Криминализация данных видов преступной деятельности предоставила правоохранительным органам дополнительный инструментарий для противодействия и определённым образом активизировала их деятельность в данном направлении.

Например, уже в мае 2013 г. правоохранители и сотрудники Государственной службы Украины по лекарственным средствам разоблачили в Киевской области производство фальсифицированных медицинских препаратов с маркировкой компании «Биологише Хайльмиттель Хеель ГмбХ» (Германия). Установлено, что более 60 наименований препаратов ввозились в Украину грузовым транспортом и в дальнейшем без разрешительных документов фасовались и реализовывались под видом продукции известной европейской фармацевтической корпорации через аптечные сети. В ходе проверки на складах были обнаружены 3,5 млн упаковок ЛС на общую сумму почти 30 млн евро [11].

По данным официальной статистики в 2013 г. в Украине было открыто 27 уголовных производств по ст. 321-1 УК Украины «Фальсификация или оборот фальсифицированных лекарственных средств» и 305 уголовных производств по ст. 305 УК Украины «Контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров или фальсифицированных лекарственных средств». В то же время уже в 2016 г. наблюдается тенденция к уменьшению количества открытых уголовных производств по вышеуказанным статьям УК Украины: по ст. 321-1 УК Украины – 25 уголовных производств, а по ст. 305 УК Украины – 252 [12], что может свидетельствовать как об уменьшении активности преступников в данной сфере, так и о дополнительных мерах предосторожности с их стороны. Кроме того, эти данные также могут быть индикатором снижения активности работы контролирующих и правоохранительных органов в этом направлении.

Следует также сказать, что ранее европейские эксперты говорили о том, что подделываются преимущественно дорогостоящие ЛС, однако сегодня анализ многочисленных сообщений об обнаружении партий поддельных ЛС в разных странах мира, свидетельствует о том, что сегодня подделываются ЛС, находящиеся в разных ценовых категориях (дорогие и не дорогие), например такие, как «аспирин», «но-шпа» и многие другие, что свидетельствует о высоких доходах, получаемых правонарушителями от этой преступной деятельности, независимо от стоимости оригинальных ЛС. Кроме того, европейскими экспертами отмечено, что субъектами данного вида преступлений нередко являются лица (компании), тесно связанные с фармацевтическим бизнесом, которые параллельно торгуют (перевозят, поставляют) и легальной (оригинальной) фармацевтической продукцией.

С целью выполнения рекомендаций Конвенции MEDICRIME (как и предполагалось автором данной статьи [13, с. 31]), в РФ в 2014 г. был принят Федеральный Закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия обороту фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок» от 31 декабря 2014 г. № 532-ФЗ [14], который вступил в силу уже в январе 2015 г. Этим Законом в административное и уголовное законодательство РФ были введены новые составы правонарушений, а именно: «Статья 235¹. Незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий», «Статья 238¹ УК РФ. Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных

средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок», «Статья 327² УК РФ. Подделка документов на лекарственные средства или медицинские изделия или упаковки лекарственных средств или медицинских изделий».

Таким образом, сегодня наряду с нормами административного и уголовного законодательства об ответственности за нарушение прав интеллектуальной собственности, объектами которого могут быть, как сами ЛС (формула изобретения), так и упаковка и/или этикетка (промышленный образец или торговая марка, позволяющие потребителю отличить ЛС между другими, идентифицировать производителя и т. д.), страны, присоединившиеся к Конвенции MEDICRIME, постепенно вводят в национальное законодательство нормы, предоставляющие возможность в случае обнаружения фактов фальсификации ЛС привлекать к административной и уголовной ответственности лиц по санкциям, адекватным этим общественно опасным деяниям.

Следует сказать, что правовое регулирование ответственности за правонарушения, связанные с фальсификацией и контрафакцией ЛС, является первым звеном в механизме противодействия этим правонарушениям. Выполнение странами-участницами рекомендаций Конвенции MEDICRIME, решает проблему единообразного подхода к данному виду правонарушений и унификации законодательства разных стран в соответствии с международным стандартом. Проблема координации противодействия фальсификации ЛС сегодня частично решает учрежденная ВОЗ в 2013 г. Глобальная система по надзору и мониторингу в отношении медицинской продукции категории НПЛФК. Однако аналогичные системы по надзору и мониторингу в отношении медицинской продукции в первую очередь учреждены непосредственно в государствах-участниках Конвенции и странах, желающих к ней присоединиться. Для Украины сегодня также остро стоит проблема организации и эффективного проведения мероприятий по выявлению фальсифицированных ЛС в аптечной сети и прекращение их реализации, в том числе через Интернет. Кроме того, на повестке дня стоит решение ряда проблем, связанных с правовым регулированием деятельности Государственной службы Украины по лекарственным средствам и контролю за наркотиками, а также кадровых, технических проблем и вопросов, связанных с координацией деятельности вышеуказанной службы и правоохранительных органов Украины, налаживание обмена информацией с общественностью и потребителями лекарственных средств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Fake medicines /Quarterly press review october to december 2016 [Electronic resource] // Institut de Recherche Anti-Contrefaçon de Médicaments. – Mode of access: <http://www.iracm.com/en/2017/03/quarterly-press-review-october-december-2016>. – Date of access: 20.02.2017.

2. Про лікарські засоби [Электронный ресурс]: Закон Украины, 4 апр. 1996 г., № 123/96-ВР: в ред. Закона Украины от 31.05.2016 г. – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/123/96-%D0%B2%D1%80>. – Дата доступа: 03.03.2017.

3. Некондиционная / поддельная / ложно маркированная / фальсифицированная / контрафактная (НПЛФК) медицинская продукция // Всемирная организация здравоохранения. – Режим доступа: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs275/ru>. – Дата доступа: 03.03.2017.

4. Бахтеєва, Т. Фальсифіковані ліки: як боротися з тінню? [Електронний ресурс] / Т. Бахтеєва // Ваше здоров'я. – Режим доступу: <http://www.vz.kiev.ua/falsifikovani-liki-yak-borotisya-z-tinnju>. – Дата доступу: 03.03.2017.
5. The Medicrime Convention Combating counterfeiting of medical products and similar crimes involving threats to public health [Electronic resource] // Council of Europe. – Mode of access: <http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Treaties/Html/211.htm>. – Date of access: 20.02.2017.
6. Convention Médicrime [Electronic resource] // Institut de Recherche Anti-Contrefaçon de Médicaments. – Mode of access: http://www.iracm.com/wp-content/uploads/2016/09/Infographie-Medicrime-21-sept_2016.pdf. – Date of access: 20.02.2017.
7. Кримінальний кодекс України [Електронний ресурс] : 5 апр. 2001 г. : в ред. Закона України от 16.03.2017. – Режим доступу: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/2341-14>. – Дата доступу: 03.03.2017.
8. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. : с изм., внес. заключением Конституц. суда от 11.03.2004 г., № 3-171/2004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 07.03.2017 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант-Плюс». – М., 2017.
10. Коросташова, І. М. Боротьба проти контрафакції лікарських засобів в Україні (питання нормативно-правового забезпечення: кримінальне законодавство та законодавство з питань інтелектуальної власності) / І. М. Коросташова // Вісн. Акад. митн. служб. України. Серія Право. – 2012. – № 2 (9). – С. 65–71.
11. Под Киевом обнаружено производство фальшивых немецких лекарств [Электронный ресурс] // ЧАО «Сегодня Мультимедиа». – Режим доступу: <http://www.segodnya.ua/criminal/Под-Kievom-obnaruzheno-proizvodstvo-falshivyh-nemeckih-lekarstv-436103.html>. – Режим доступу: 03.03.2017.
12. Єдиний звіт про кримінальні правопорушення по державі за грудень 2016 року. Генеральна прокуратура [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.gp.gov.ua/ua/stat.html>. – Дата доступу: 03.03.2017.
13. Коросташова, І. Н. Правовое регулирование борьбы с контрафакцией лекарственных средств (международные нормы по защите прав интеллектуальной собственности и Конвенция МЕДИКРИМ (MEDICRIME) / И. Н. Коросташова // Академ. вестн. Ростов. филиала Рос. тамож. акад. – 2014. – Вып. 1 (16). – С. 27–32.
14. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия обороту фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок [Электронный ресурс] : Федер. Закон Рос. Федерации, 31 дек. 2014 г., № 532-ФЗ. – Режим доступу: <http://rg.ru/2015/01/12/medicamenty-dok.html>. – Дата доступу: 03.03.2017.

КЛАССИФИКАЦИЯ ОШИБОК, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Правоохранительная деятельность предполагает максимальную защиту прав и законных интересов граждан. Но иногда, как и в любом виде деятельности человека, при задержании лиц, совершивших преступление, могут допускаться ошибки. Например, вред причиняется при задержании лицам, ошибочно принятым за преступника, то есть мнимым преступникам. Для того чтобы подобные ситуации были исключены, полезно знать классификацию таких ошибок. В уголовно-правовой литературе основной акцент уделяется институту причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление [1; 2]. Поэтому правоприменителям целесообразно анализировать возможные ошибки и проблемы, возникающие в связи с необходимостью дачи правовой оценки подобным действиям.

Вопрос об ответственности за причинение вреда при мнимом задержании решается по общим правилам о фактической ошибке [3, с. 20]. Для того, чтобы в процессе квалификации содеянного правильно определить фактическую ошибку, необходимо знать, что фактическая ошибка представляет собой «заблуждение лица относительно фактических обстоятельств, относящихся в основном к двум элементам состава преступления – объекту и объективной стороне» [4, с. 207]. Следует выделить, кроме того, ошибки в характере совершаемого действия, обстоятельствах, отягчающих ответственность, и др.

Возможны шесть основных видов ошибок при задержании:

- ошибка в виновности задерживаемого лица (задерживается невиновный);
- ошибка относительно совершённого деяния (совершено деяние, не являющееся преступлением);
- ошибка относительно свойств личности, совершившего преступление (невменяемый, малолетний и т. п.);
- ошибка в необходимости задержания;
- ошибка в необходимости причинения вреда задерживаемому;
- ошибка в оценке опасности посягательства (опасность посягательства преувеличена).

Ю. В. Баулин считает, что ошибки при задержании лица, совершившего преступление, делятся на два вида: извинительные и неизвинительные [5, с. 201–202]. Данная позиция представляется обоснованной. Рассмотрим эти два вида ошибок подробнее.

Извинительные ошибки охватывают ситуации, когда задерживаемый имеет достаточные основания заблуждаться относительно юридического или фактического основания задержания лица либо его свойств или самой личности.

В ст. 26 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) содержится следующее положение: «Деяние признается совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, не сознавало и по обстоятельствам дела не должно было или не могло сознавать общественную опасность своего действия или бездействия либо не предвидело возможности наступления общественно опасных

последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть» [6].

В ст. 28 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) закреплена аналогичная норма [7]. В ч. 2 ст. 28 УК РФ имеется существенное дополнение: «Деяние признаётся также совершённым невиновно, если лицо, его совершившее, хотя и предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но не могло предотвратить эти последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам» [7].

Объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается. Данный уголовно-правовой принцип вины прямо закреплён в ч. 2 ст. 5 УК РФ. В Республике Беларусь также не допускается объективное вменение, хотя специальной оговорки об этом в уголовном законодательстве нет. В случае невиновного причинения вреда ответственность задерживающего лица исключается ввиду отсутствия вины, поскольку имеет место казус. Так, если «сотрудник милиции, осуществляющий задержание, не только не осознает, но, исходя из конкретных обстоятельств дела, не должен и не мог сознавать ошибочности своего представления относительно личности задерживаемого и оснований задержания, уголовная ответственность вследствие отсутствия вины исключается» [7].

Пример из судебной практики: Х., работая милиционером-кинологом отдела охраны Мозырского ГРОВД, находясь при исполнении служебных обязанностей, без достаточных оснований остановил 10 июня 1993 г. примерно в 23 ч. 30 мин. гражданина Т., имевшего при себе канистру с бензином и пакет с рыбой, и с применением физического насилия пытался доставить его в отдел милиции, причинив при этом потерпевшему менее тяжкие телесные повреждения.

«Доказательства, собранные по делу, свидетельствуют о том, что Х. при несении патрульной службы 10 июня 1993 г. действовал в соответствии с требованиями Закона Республики Беларусь "О милиции". Место задержания Т. находится в промышленном районе г. Мозыря, где сосредоточены заводы, фабрики, автотранспортные парки и стоянки. Остановлен Т. в ночное время с бумажным мешком, вызывавшим подозрение. Кроме того, своим ответом, что бензин украден, Т. укрепил подозрение работников милиции. Документов при себе не имел.

При таких обстоятельствах действия работника милиции Х. в отношении Т. являлись правомерными. Х. в данном случае вправе был применить силу для задержания Т. и доставления его в отдел милиции» [8].

Если задерживающий, добросовестно заблуждаясь относительно каких-либо обстоятельств задержания, умышленно причиняет вред, явно несоразмерный в данной ситуации задержания, то его действия образуют превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. В этом случае должна наступать ответственность за преступление, предусмотренное ст. 142 УК Республики Беларусь «Убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление» или ст. 151 УК Республики Беларусь «Умышленное причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление».

Второй вид ошибок при задержании – неизвинительные. Они охватывают ситуации задержания лицом мнимого преступника, когда сложившаяся обстановка не давала оснований заблуждаться относительно юридического или фактического основания задержания лица либо его свойств или самой личности. При определённом

волевым интеллектуальным усилием, задерживающий мог предвидеть общественную опасность своих действий или имел достаточные условия для исключения данной ошибки, если бы не пренебрег элементарными правилами осмотрительности, предосторожности, внимательности. Полагаю, что подобную ситуацию нельзя признать задержанием преступника, ибо в действительности обстановки, свидетельствующей о совершении преступления, о необходимости задержания и т. п., не было. В связи с этим задерживающее лицо должно нести ответственность за причинённый вред на общих основаниях. В этом отношении трудно согласиться с авторами, предлагающими квалифицировать причинение вреда при подобных обстоятельствах как неосторожное преступление [2, с. 59–60]. При этом предлагается установление ответственности лишь за причинение смерти или тяжкого вреда здоровью, ибо менее тяжкий вред, причиненный по неосторожности, не наказуем.

Сотрудник правоохранительных органов или иное лицо, участвующее в задержании, должно сознавать названные обстоятельства и желать, причиняя вред, задержать преступника. Существует мнение о том, что причинение желаемого вреда, хотя и по сомнительным основаниям, не превращает деяние в неосторожное, совершённое по легкомыслию или небрежности. В случае сомнений задерживающего он должен либо отказаться от задержания, либо убедиться в том, что задержание действительно необходимо.

В белорусском уголовном законодательстве этот вопрос разрешен следующим образом: «Если в сложившейся обстановке лицо должно было и могло предвидеть отсутствие обстоятельств, исключающих преступность деяния, оно подлежит ответственности за причинение вреда по неосторожности» (ч. 2 ст. 37 УК «Ошибка в наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния»). В любом случае задерживающий причиняет вред преступнику, желая тем самым пресечь его уклонение от уголовной ответственности.

Все возможные виды ошибок, допускаемых при задержании лиц, совершивших преступление, можно условно разделить на извинительные и неизвинительные. В первом случае какая-либо ответственность задерживающего лица исключена, так как имеет место невинное причинение вреда (случай или казус). Если при задержании допущены неизвинительные ошибки, то ответственность за причинённый вред наступает по правилам о фактической ошибке в уголовном праве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бушуев, Г. В. Социальная и уголовно-правовая оценка причинения вреда преступнику при задержании / Г. В. Бушуев. – Горький : Горьк. высш. шк. МВД СССР, 1976. – 87 с.
2. Баулин, Ю. В. Право граждан на задержание преступника / Ю. В. Баулин. – Харьков : Изд-во Харьк. ун-та, 1986. – 156 с.
3. Фаткуллина, М. Б. Юридические и фактические ошибки в уголовном праве: проблемы квалификации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М. Б. Фаткуллина ; Урал. юрид. ин-т МВД России. – Екатеринбург, 2001. – 25 с.
4. Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова (отв. ред.) [и др.]. – М. : Инфра-М–Норма, 1997. – 516 с.
5. Баулин, Ю. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния / Ю. В. Баулин. – Харьков : Основа, 1991. – 60 с.
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня

1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. : с изм., внес. заключением Конституц. суда от 11.03.2004 г., № 3-171/2004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 07.03.2017 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант-Плюс». – М., 2017.

8. Необоснованное осуждение работника милиции по ч. 2 ст. 167 УК, который не превысил своих служебных полномочий (извлечение) [Электронный ресурс] : определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://systemaby.com/docs/bitvu/dk-vv19xa.html>. – Дата доступа: 29.09.2016.

УДК 343

О. Н. ИВАНЧИНА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина, кандидат философских наук, доцент

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, НЕПОСРЕДСТВЕННО ПОСЯГАЮЩИХ НА РЕЛИГИОЗНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

Религиозная безопасность – это часть общей безопасности общества. От её эффективного обеспечения могут зависеть безопасность национальная, экономическая, экологическая и т. д. Духовная жизнь человека и общества не может в полной мере регулироваться какой-либо отраслью права. Однако некоторые отрасли, в том числе уголовное право, имеют возможность обеспечения безопасности граждан во многих вопросах, касающихся их взаимодействия с религией. Обыватель, не имеющий специального религиоведческого образования, не может дать экспертную оценку деятельности всех конфессий, тем более, если они были недавно созданы. Мировоззренческий выбор – это конституционное право каждого гражданина Республики Беларусь, однако государство должно защищать его от рисков, связанных с деятельностью деструктивных религиозных объединений.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) присутствуют две статьи, в которых идёт речь о преступлениях, напрямую связанных с посягательством на религиозную безопасность граждан. Это ст. 130 («Разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни») и ст. 193 («Организация либо руководство общественным объединением, религиозной организацией, посягающими на личность, права и обязанности граждан»). Ввиду того, что вклад религиозных объединений в социокультурную жизнь общества не равнозначен, они равны перед законом, но имеют разный ценностный статус. Поэтому стст. 130 и 193 выступают в качестве гарантии уголовно-правовой защиты мировоззренческих прав, свобод и безопасности граждан.

В настоящее время во всех государствах мира преобладающим населением являются верующие люди, исповедующие разные религии. Поликонфессиональность многих стран обуславливает невозможность установления одной официально-государственной религии, что, чаще всего, поддерживается всем обществом, даже теми верующими, которые исповедуют самую распространённую религию в данном регионе. Поэтому ст. 130 УК Республики Беларусь служит для поддержания конфессионального

равновесия и мира. Осуществление контроля за деятельностью религиозных объединений в настоящее время тесно связано с проблемой информационной безопасности. Значительная доля преступных посягательств в настоящее время из мира реального перешла в мир виртуальный. Существование Интернет-церквей, кибер-религий, практика участия в вебинарах, общения по скайпу и в чатах обуславливает невозможность эффективного предупреждения распространения деструктивной религиозности. Религиозные мировоззрения должны быть объектом для пристального исследования со стороны уголовного права только в том случае, если они приносят значительный вред. Малозначительность нарушений со стороны религиозных идей или религиозных объединений может рассматриваться иными отраслями права (например, административным, гражданским, семейным правом).

Характерным аспектом мировосприятия для деструктивных религиозных объединений является разжигание религиозной розни. Оно предполагает деление всех людей на «своих» и «чужих». Причём, в радикально настроенных конфессиях эта сегрегация может приравнивать «чужих» к недочеловекам, животным, которых можно и нужно уничтожать физически. Иногда презрение и неприятие доходит до их крайних форм – совершается убийство из религиозных побуждений. Вот несколько примеров убийства и покушения на убийство, совершённых из религиозных побуждений. В 1995 г. в Республике Беларусь на территории Гомельской области были убиты двое детей, в Брестской области имело место принесение в жертву мальчика. Все преступления были совершены лицами, исповедовавшими сатанизм [1]. В 2000 г. в Российской Федерации был убит православный иеромонах Григорий (Яковлев). Кришнаит Руслан Любецкий совершил это ритуальное убийство «по повелению Кришны» [2]. В 1993 г. на территории Оптиной пустыни сатанистом были убиты три православных монаха: иеромонах Василий (Росляков), иноки Трофим (Татарников) и Ферапонт (Пушкарёв). Убийство совершил сатанист, который, по его словам, получил «приказ от дьявола» [3].

Под влиянием неопятидесятнического учения также были совершены убийства, в том числе детей. Такие случаи имели место в Бразилии, Российской Федерации (в Подмосковье, на Дальнем Востоке), в Украине (женщина убила сына, бросив его в колодезь, чтобы избавиться от дьявольских сил, обитавших, по её словам, в мальчике). Многие адепты неопятидесятнических общин приобретают вместе с включением в общину психиатрические расстройства [4, с. 596-697; 5]. В 2016 г. граждане Южной Кореи пытались изгнать дьявола из родственницы и убили ее. Судебный процесс проходил в Германии [6]. Многие убийства совершаются харизматами-неопятидесятниками на основе так называемой «теологии процветания».

Кроме прямого совершения убийства, некоторые объединения провоцируют экстремальное поведение, которое может привести не только к ухудшению самочувствия адептов, но и к их смерти. Так, одно из пятидесятнических направлений (так называемая «Змеиная церковь») практикует в качестве религиозного ритуала танец со змеей. Змея для танца используется ядовитая, яд с её зубов перед танцем не убирается. Сущность ритуала заключается в хождении перед лицом всевидящего Бога, который через укус змеи может поражать грешника смертью на месте. В отличие от традиционных религий, которые предполагают возможность исправления, покаяния, в «Змеиной церкви» такой возможности не существует априори. Имели место случаи, когда змеи жалили не только рядовых верующих, но и проповедников. Не всех людей удавалось спасти. Так, в 2014 г. пастор Джейми Кутс из

Кентукки (США) был укушен гремучей змеей и скончался. Пастор был искренне убеждён в своей неуязвимости и возможности исцеления от своей молитвы. Такие его убеждения были основаны на Библии, где говорится: «будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы» (Мк. 16:17–18). Однако традиционные культуuroобразующие религии, не отрицая возможности чуда как нарушения законов физического мира, не считают правильным проповедовать экстремальное поведение с риском для жизни.

Одна из серьёзнейших опасностей – это отпадение от традиционных конфессий новых групп, с изменённым вероучением (изменённым в деструктивную, тоталитарную сторону). Это проблема характерна как для ислама и буддизма, так и для православия и католицизма. Новые группы в течение определённого периода идентифицируются с традиционной конфессией, а затем происходит взрыв, переломный момент, который нередко бывает в виде преступлений, совершённых на религиозной почве. Данная проблема является актуальной для многих стран, её пытаются решить в Кыргызстане, Казахстане, Российской Федерации, где в мусульманской среде происходит вербовка боевиков для Исламского государства. Чрезмерно акцентированные эсхатологические настроения, приводящие к суицидальным состояниям, характерны для псевдоправославных объединений.

К сожалению, учёные не могут назвать ни одного традиционного культуuroобразующего направления, которое было бы застраховано от раскола, ереси, отклонения от общецерковного учения. Например, внутри Русской Православной Церкви возникло «Движение ИНН-стов». Одна из подобных групп в 2007-2008 гг. несколько месяцев находилась под землёй в искусственно созданной пещере, спасаясь от скорого «конца света». Это происходило на территории России (Пензенская область), однако среди последователей данной группы были белорусы, жители Брестской области. С замурававшими себя людьми велись переговоры, так как адепты угрожали покончить с собой. Через несколько месяцев людей удалось уговорить выйти из пещеры. Однако два человека остались погребёнными под землёй. Причинами смерти, по всей вероятности, явились онкологическое заболевание и недоедание. Люди могли бы получить медицинскую помощь, но сознательно от нее отказались ввиду религиозных убеждений. Организатор «пензенских сидельцев» П. Кузнецов был обвинён по двум статьям уголовного кодекса – за создание религиозного объединения, деятельность которого сопряжена с причинением вреда здоровью граждан, а также за разжигание религиозной розни. Затраты на спасение людей по линии МЧС, МВД, здравоохранения, социальных служб были значительными [7]. Такие духовные болезни бывали в Русской Православной Церкви и ранее, например, в России XVIII в., когда старообрядцы устраивали гари – самосожжения. В конце XX – начале XXI вв. эсхатологические настроения также были на подъёме, чему способствовал религиозный ренессанс на постсоветском пространстве. Поэтому нельзя утверждать, что какая-либо традиционная конфессия всегда будет гарантировать религиозную безопасность для граждан. Рациональность и здравый смысл важны в любые времена.

Разжигание религиозной розни обуславливает ряд девиаций: религиозный терроризм (убийство иноверцев), доведение до самоубийства (в том числе бывших адептов), отказ от медицинской помощи (отказ от лечения вообще, отказ от переливания крови в ситуации угрозы для жизни) и др. Организация либо руководство религиозной организацией, посягающей на личность, права и обязанности граждан приводит, в конечном итоге, к нарушениям в области уголовного права. Поэтому для предупреждения преступлений, непосредственно посягающих на религиозную

безопасность граждан, необходим постоянный мониторинг за деятельностью как зарегистрированных, так и незарегистрированных религиозных объединений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сатанистские секты в республиках бывшего СССР [Электронный ресурс] / Энциклопедия «Новые религиозные организации России деструктивного, оккультного и неоязыческого характера»: в 9 т. – Т. 1. Сатанизм: Аналитическое исследование. – Режим доступа: http://ukrsekta.info/307-22_satanistskie_sekty_v_respublikakh_byvshego_sssr.html. – Дата доступа: 21.03.2017.
2. Трагедия в посёлке Тура [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ansobor.ru/library.php?chapter=202>. – Дата доступа: 21.03.2017.
3. Красная Пасха в Оптиной пустыни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rushill07.narod.ru/optina/optina.html>. – Дата доступа: 21.03.2017.
4. Дворкин, А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты / А. Л. Дворкин. – Н. Новгород : Изд-во Братства во имя Св. Александра Невского, 2005. – 813 с.
5. «Движение веры» [Электронный ресурс] / Сектовед. Сайт о сектах, лжеучениях, и деструктивных культах. – Режим доступа: http://www.sektoved.ru/enciclopedia.php?cat_id=100. – Дата доступа: 21.03.2017.
6. Дворкин, А. О логических ошибках некоторых обличителей противосектантской полемики [Электронный ресурс] / А. Дворкин // Сретенский ставропигиальный мужской монастырь. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/88993.html>. – Дата доступа: 19.03.2017.
7. Пещеру пензенских затворников взорвут [Электронный ресурс] / Комсомольская правда. – Режим доступа: <http://www.omsk.kp.ru/daily/24099/326512>. – Дата доступа: 19.03.2017.

УДК 343.11

Е. А. МАКАРОВА

Великий Новгород, НовГУ имени Ярослава Мудрого, кандидат исторических наук, доцент

НЕВМЕНЯЕМОСТЬ ВСЛЕДСТВИЕ ПСИХИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ КАК ПРИЗНАК СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО ЗАРУБЕЖНОМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Содержание невменяемости раскрывается в ст. 21 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), в которой устанавливается, что не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики. Под невменяемостью понимается обусловленная хроническим или временным психическим расстройством, слабоумием либо иным болезненным состоянием психики неспособность лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, таким образом сочетая два основных критерия установления невменяемости: медицинский и юридический.

Наличие у субъекта одного из перечисленных в законе психических заболеваний является содержанием медицинского критерия.

Законодательство и правоприменительная практика отдельных европейских стран в целом аналогично определяют критерии признания лица невменяемым. Так, в ст. 122-1 Уголовного кодекса Франции 1992 г. (далее – УК Франции) [1] перечислены следующие критерии: во-первых, это наличие нервно-психического расстройства (медицинский критерий), во-вторых, обвиняемый должен быть неспособен контролировать свои действия и осознавать их неправомерность (психологический критерий).

Французские законодатели к заболеваниям для определения медицинского критерия невменяемости относят широкий круг расстройств. Это могут быть как временные психические заболевания, так и хронические. Интересным является тот факт, что психическое заболевание или расстройство в момент совершения преступления воспринимается не только как невменяемость, как моральная сторона деяния, но и означает отсутствие состава преступления в общем.

УК Франции содержит и нормы о так называемой ограниченной (уменьшенной) вменяемости, которая, однако, не означает исключения преступности деяния как при невменяемости, и, следовательно, влечет за собой уголовное наказание. В этом случае признание у обвиняемого ограниченной вменяемости разрешает суду применять различные меры принудительного медицинского характера к обвиняемым (направление в различные специализированные учреждения, режим которых совмещает лишение свободы с проведением медико-психиатрических мероприятий) [2]. Данное положение практически совпадает по сути с положением ст. 22 УК РФ о том, что психическое расстройство, не исключающее вменяемости, учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера.

Уголовное законодательство ФРГ также представляет пример континентально-правового видения вменяемости как признака субъекта преступного деяния. Кроме возрастного фактора (§ 19 Уголовного кодекса ФРГ (далее – УК ФРГ) [3] «Невменяемость ребенка» определяет малый возраст до 14 лет как критерий невменяемости), оно содержит нормы и об ограниченной (уменьшенной) вменяемости (§ 21), и о полной невменяемости по психическим показаниям (§ 20). В данном разделе перечислены медицинские критерии невменяемости: глубокое расстройство сознания (состояние аффекта или наркотического опьянения), слабоумие или другое тяжелое психическое отклонение, болезненное психическое расстройство. Состояние алкогольного опьянения не регулируется отдельно в общей части уголовного кодекса, что позволяет судьям трактовать данный критерий произвольно. Как и во французском кодексе, в УК ФРГ устанавливается, что психическое заболевание или расстройство в момент совершения преступления воспринимается не только как невменяемость, как моральная сторона деяния, но и означает отсутствие состава преступления в общем.

УК ФРГ знает институт уменьшенной вменяемости как состояние, которое не исключает полностью вменяемости, но воспринимается как смягчающее вину обстоятельство. Такое представление о существовании уменьшенной (ограниченной, измененной) вменяемости появилось в Западной Европе в 40-х гг. XIX в., когда уголовные кодексы ряда германских государств закрепили уменьшенную наказуемость слабоумных, недоразвитых и нравственно оскуделых субъектов. Основоположниками концепции уменьшенной вменяемости считаются германские правоведы Готшталль и Каль. Первоначально к признанию уменьшенной вменяемости вела идеалистическая трактовка «свободы воли». Умозрительные представления о психических болезнях,

свойственные психиатрии прошлого века, стремление смягчить участь психически больных, совершивших общественно опасное деяние, привели к тому, что концепцию уменьшенной (или смягченной) вменяемости поддержали судебные психиатры ряда европейских стран [4, с. 21].

Страны англосаксонской системы права для правоприменительной практики при установлении невменяемости использует так называемые правила Макнатена – прецедент Палаты Лордов Великобритании 1843 г. по делу лесоруба Дэниела Макнатена, который дал общепризнанную формулировку критерия невменяемости, воспринятого не только английским правом, но и уголовным законодательством многих иных стран семьи общего права. В содержательном наполнении Правил Макнатена можно выделить два варианта невменяемости: во-первых, обвиняемый может не осознавать характер и свойства совершаемого им деяния; во-вторых, осознавая это, обвиняемый, тем не менее, может не осознавать, что совершаемое им является неправомерным [5, с. 115].

Современный английский подход к феномену невменяемости базируется на ст. 1 Закона об уголовном процессе (невменяемость) (Criminal Procedure (Insanity) Act) 1964 г., которая закрепила исторически привычную форму вердикта – «невиновен вследствие невменяемости», и Законе об уголовном процессе (невменяемость и неспособность к участию в процессе) 1991 г. (Criminal Procedure (Insanity and Unfitness to Plead) Act) 1991 г., по которому суд получил право выбора между помещением душевнобольного в лечебницу (срок пребывания там в таком случае определяется в зависимости от состояния лица административными органами) и применением к нему иных мер, не связанных с помещением в клинику, таких как опека или надзор и лечение без помещения в больницу; суд также вправе издать постановление о полном освобождении обвиняемого (однако в случае с обвинением в тяжком убийстве суд единственно вправе издать постановление о помещении в лечебницу) [6, с. 422].

Американское законодательство в данном вопросе также базируется на Правилах МакНатена, получивших наибольшее распространение именно в США. Трактую правила, федеральный суд может признать доводы о невменяемости обвиняемого, если будет доказано, что обвиняемый во время совершения преступного деяния не понимал неправомерной характер и общественно-опасные последствия своего поведения, что спровоцировано «дефектом разума» из-за душевной психической болезни. Из этого положения можно сделать вывод о том, что уголовно-правовая доктрина США в вопросах квалификации невменяемости использует только интеллектуальный признак, отрицая практически полностью волевой критерий.

Ограниченная вменяемость в англосаксонском праве также является способом смягчить наказание человеку, совершившему убийство. Данное обстоятельство, смягчающее наказание, распространяется на лицо, которое хотя и считается виновным в убийстве, но в силу определённых психических нарушений его уголовная ответственность снижается. Ограниченная вменяемость, например, по австралийскому законодательству (Центральной территории, Нового Южного Уэльса, Квинсленда и Северной территории), относится к способу защиты на судебном заседании [7, с. 140]. Формулировка ограниченной вменяемости законодательства Центральной территории даёт пример указания и причин психического расстройства: «Когда в судебном разбирательстве обвиняемый в убийстве опирается на то, что на момент совершения действия или бездействия, причинившего смерть, он страдал от такого психического расстройства (вытекающего из условий запаздывания в умственном

развитии, других физиологических причин, заболеваний или травм), которые отрицательно сказались на его психике, то он не может быть осуждён за преднамеренное убийство». Уголовный закон Квинсленда содержит иную трактовку, указывающую именно на последствия психического расстройства, имеющие значения для квалификации деяния, согласно которой человек, совершивший убийство в состоянии психического расстройства, которое существенно нарушило его способность понимать, что он делает, способность контролировать свои действия или способность осознавать, что он не должен совершать действие или бездействие, может быть обвинён только в непредумышленном убийстве [7, с. 141].

Состояние уменьшенной невменяемости требует доказывания трёх элементов: наличие временного психического расстройства именно на момент совершения преступления; это психическое расстройство должно вытекать из юридически признанного факта; психическое расстройство должно существенно снижать уголовную ответственность за действие или бездействие, причинившее смерть. Кроме того, между этими тремя элементами должны быть соответствующие соотношения, т. е. психическое расстройство должно быть результатом определённых юридически признанных фактов, а не каких-то других и нарушение должно быть «существенным» хотя бы в отношении одного из фактов [7, с. 143].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Франции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://constitutions.ru/?p=5859>. – Дата доступа: 03.03.2017.
2. Крылова, Н. Е. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части : учебник для магистров [Электронный ресурс] / Н. Е. Крылова. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/krul/01.php. – Дата доступа: 03.03.2017.
3. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://constitutions.ru/?p=5854>. – Дата доступа: 03.03.2017.
4. Шишков, С. Н. Об ограниченной (уменьшенной) вменяемости / С. Н. Шишков // Рос. юстиция. – 1995. – № 2. – С. 20–21.
5. Кубанцев, С. П. Правила Макнатена как концепция невменяемости в уголовном праве США / С. П. Кубанцев // Журн. рос. права. – 2005. – № 8. – С. 115–127.
6. Есаков, Г. А. Невменяемость по английскому уголовному праву / Г. А. Есаков // LEX RUSSICA (Научные труды МГЮА). – 2006. – № 2. – С. 416–427.
7. Киселев, Н. А. Ограниченная вменяемость в австралийском уголовном законодательстве: характерные черты / Н. А. Киселев // Вестн. юрид. фак-та Коломен. ин-та (филиала) ФГБОУ ВПО «Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ)». – 2013. – № 8. – С. 140–143.

УДК 343

А. А. КИРИЧЕНКО

*Николаев, ННУ имени В. А. Сухомлинского, доктор юридических наук,
профессор*

СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА АНТИКРИМИНАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО НОВОЙ ДОКТРИНЕ СТУПЕНЧАТОГО СУЩНОСТНОГО ВИДОВОГО ДЕЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Принципиально новую сущность и структуру антикриминальной ответственности наиболее полно можно представить на основе разработанной Т. А. Коросташовой новой доктрины ступенчатого сущностного видового деления юридической ответственности [1, с. 101-109; 2], которую более правильно представить в такой редакции:

1. Конституционная ответственность, сущность которой состоит в привлечении виновного субъекта властных полномочий к:

1.1. Позитивной конституционной ответственности по устранению причин и условий, способствующих нарушению норм перспективного Конституционного кодекса Украины.

1.2. Негативной конституционной ответственности по:

1.2.1. Установлению факта правомерности или неправомерности в контексте определенной нормы Конституционного кодекса Украины деяния и/либо решения и/или правового акта субъекта властных полномочий.

1.2.2. Возбуждение в зависимости от сущности конституционных правовых норм, которые не были соблюдены, административного, трудового, де-факто имущественно-договорного (гражданского) или де-юре имущественно-договорного (хозяйственного) судопроизводства для привлечения виновного лица к соответствующей:

1.2.2.1. Карательно-воспитательной ответственности соответствующего вида.

1.2.2.2. Восстановительной и/или сопутствующей ответственности, но только тогда или только в той части, в которой эти же виды юридической ответственности не могут быть реализованы эффективно и/или рационально и/либо качественно в рамках конституционного судопроизводства.

1.2.3. Восстановительной конституционной ответственности по:

1.2.3.1. Отмене правового акта или решения субъекта властных полномочий либо запрету деяний этих и иных социосубъектов, нарушающих определённую норму Конституционного кодекса Украины.

1.2.3.2. Возмещению потерпевшему социосубъекту (физическому или юридическому лицу, государству, межгосударственному образованию) имущественного и морального вреда.

1.2.3.3. Иному восстановлению нарушенного правового статуса (прав, свобод, обязанностей, интересов) потерпевшего социосубъекта.

1.2.4. Сопутствующей конституционной ответственности, которая представляет собой отдельные виды позитивной конституционной ответственности, которые не были реализованы вообще или в полном объеме до установления факта неправомерности в контексте норм Конституционного кодекса Украины деяния и/или решения и/либо правового акта субъекта властных полномочий.

2. Антикриминальная ответственность (при причинении существенного физического и/или имущественного и морального вреда любым правоотношениям):

2.1. Позитивная антикриминальная ответственность (отдельные её виды практически выступают в качестве негативной юридической ответственности, но концептуально следует стремиться к использованию их лишь в качестве позитивной юридической ответственности, которая призвана не допустить совершения криминального и иного правонарушения):

2.1.1. Лечение различных видов зависимости:

2.1.1.1. Обменозависимости (алкоголизма, наркомании, токсикомании и т. д.).

2.1.1.2. Сексуалзависимости, т. е. сексуального предпочтения (педофилии, зоофилии, некрофилии и т. д.).

2.1.1.3. Психозависимости (виртуальнофилии, азартноигрофилии, фанатоигрофилии, шоуфанатофилии, националфилии, шовинистофилии, теофилии, сектантофилии т. д.).

2.1.2. Возмездное изъятие криминогенных объектов.

2.1.3. Устранение иных причин и условий, способствующих совершению криминальных и иных правонарушений (в т. ч. устранения антикриминальных пробелов законодательства).

2.2. Негативная антикриминальная ответственность (которая наступает после совершения криминального правонарушения):

2.2.1. Карательно-воспитательная антикриминальная ответственность, которая в зависимости от полноты состава деяния или иных причин подразделяется на:

2.2.1.1. Наказания, назначаемые в отношении виновных лиц надлежащей субъектности, которые совершили криминальные правонарушения, имеющие все предусмотренные определённой нормой Особенной части Антикриминального кодекса Украины стороны и признаки состава этого деяния.

Наказания имеют следующее видовое деление:

2.2.1.1.1. Допенитенциарные:

2.2.1.1.1.1. Срочное преследование (в течение сроков давности).

2.2.1.1.1.2. Пожизненное преследование (за криминальные правонарушения против мира и безопасности человечества).

2.2.1.1.2. Пенитенциарные:

2.2.1.1.2.1. Базисные:

2.2.1.1.2.1.1. Срочные:

2.2.1.1.2.1.1.1. Основные: штраф, общественные работы, исправительные работы, ограничения военнослужащих, арест, ограничение свободы, содержание в дисциплинарном батальоне, лишение свободы.

2.2.1.1.2.1.1.2. Дополнительные: лишение военного, специального звания, ранга, чина или квалификационного класса; конфискация имущества; лишение права занимать определённые должности и заниматься определённой деятельностью.

2.2.1.1.2.1.2. Пожизненные:

2.2.1.1.2.1.2.1. Основные: смертная казнь, пожизненное заключение (практически находится на содержании законопослушных налогоплательщиков и фактически превращается в наказание этих лиц, а не осуждённых), химическая или иная кастрация либо стерилизация и др.

2.2.1.1.2.1.2.2. Дополнительные: лишение звания, ранга, чина, класса, права занимать определённые должности, заниматься определённой деятельностью.

2.2.1.1.3. Постпенитенциарные:

2.2.1.1.3.1. Надзор.

2.2.1.1.3.2. Судимость (упоминание о судимости после её снятия или погашения – преступление: для должностного лица превышение властных полномочий; в то же время для физического лица не может быть и такого состава, как «клевета», а должен быть установлен специальный состав уголовного правонарушения).

2.2.1.2. Паранаказания, назначаемые в отношении лиц, которые совершили уголовные правонарушения, но не достигли возраста назначения наказаний.

Паранаказания подразделяются на:

2.2.1.2.1. Допенитенциарные:

2.2.1.2.1.1. Срочное преследование (в течение сроков давности).

2.2.1.2.1.2. Пожизненное преследование (за уголовные правонарушения против мира и безопасности человечества).

2.2.1.2.2. Пенитенциарные:

2.2.1.2.2.1. Базисные:

2.2.1.2.2.1.1. Срочные:

2.2.1.2.2.1.1.1. Принудительные меры воспитательного характера (в отношении лиц от 11 лет и до возраста назначения наказаний).

2.2.1.2.2.1.1.2. Меры воспитательного характера (в отношении лиц до 11-летнего возраста).

2.2.1.2.2.1.2. Пожизненные: не исключается химическая, иная кастрация или стерилизация и др.

2.2.1.3. Квазинаказания, назначаемые в отношении невменяемых и ограниченно вменяемых лиц, совершивших уголовные правонарушения.

Квазинаказания имеют такое видовое деление:

2.2.1.3.1. Срочные: принудительные меры медицинского характера.

2.2.1.3.2. Пожизненные: не исключается химическая, иная кастрация или стерилизация и др.

2.2.1.4. Квазипаранаказания, проявляющиеся в максимально полном восстановлении виновным правового статуса социосубъекта, нарушенного его деянием, состав которого не предусмотрен в Особенной части Уголовного кодекса Украины. Одновременно с этим направляется в парламент ходатайство о регламентации в Уголовном кодексе Украины соответствующего уголовного правонарушения.

2.2.2. Восстановительная уголовно-правовая ответственность:

2.2.2.1. Солидарная восстановительная уголовно-правовая ответственность (при причинении вреда совместными уголовными деяниями неопределённого круга отдельных физических лиц либо участников определённого юридического лица, когда невозможно конкретизировать деяния каждого из участников по причинению суммативного физического и/или материального и морального вреда, т. е. при совершении события, что и обуславливает необходимость привлечения виновных к солидарной соучастующей и к солидарной восстановительной уголовно-правовой ответственности в виде возмещения вреда или иного восстановления нарушенного правового статуса социосубъектов):

2.2.2.1.1. Конtribusiция:

2.2.2.1.1.1. Тотальная kontribusiция (в отношении отдельного или нескольких государств, совместными уголовными деяниями жителей которых причинен вред).

2.2.2.1.1.2. Региональная контрибуция (в отношении отдельных или нескольких регионов страны, совместными криминальными деяниями жителей которых причинен вред).

2.2.2.1.1.3. Локальная контрибуция (в отношении деяний отдельных криминальных организаций, например, в отношении членов банды, террористической организации и др.).

2.2.2.2. Индивидуальная восстановительная антикриминальная ответственность:

2.2.2.2.1. Возмещение физического и/или материального и морального вреда.

2.2.2.2.2. Иное восстановление прав, свобод, обязанностей и/либо обязанностей физических или юридических лиц либо государства, межгосударственных образований.

2.2.3. Сопутствующая антикриминальная ответственность:

2.2.3.1. Отдельные виды позитивной антикриминальной ответственности, которые не были реализованы до совершения криминального правонарушения (см. позитивную антикриминальную ответственность).

2.2.3.2. Поддержка антикриминального позитива (поощрение содействия устранению причин и условий и/либо иному преодолению криминальных правонарушений).

3. Административная ответственность, наступающая при причинении менее, нежели существенного, вреда внешним по отношению к юридическому лицу государственно-управленческим правоотношениям, за исключением имущественно-договорных правоотношений.

4. Дисциплинарная ответственность, наступающая при причинении менее, нежели существенного, вреда внутренним по отношению к юридическому лицу государственно-управленческим правоотношениям, за исключением имущественно-договорных.

Причинение такого вреда имуществу юридического лица образует состав дисциплинарного правонарушения, что должно влечь как карательно-воспитательную дисциплинарную ответственность – дисциплинарное взыскание или дисциплинарное паравзыскание либо, не исключается, и дисциплинарное квазивзыскание, так и восстановительную дисциплинарную ответственность в виде возмещения такого ущерба и/или иного восстановления нарушенного правового статуса потерпевшего, восстановление на работе относится к процедуре восстановления нарушенного правового статуса, должно осуществляться параллельно с привлечением администрации как к карательно-воспитательной дисциплинарной ответственности в виде дисциплинарного взыскания, не исключается и дисциплинарного квазивзыскания, так и к восстановительной дисциплинарной ответственности в виде возмещения имущественного и морального вреда и/либо иного восстановления трудового статуса потерпевшего.

5. Де-факто имущественно-договорная (гражданская) ответственность, наступающая при причинении менее, нежели существенного, вреда традиционным гражданским правоотношениям, т. е. имущественно-договорным и связанными с ними личным неимущественным правоотношениям между физическими лицами либо физическим и юридическим лицом.

Правоотношения между этими лицами, вытекающие из причинения вреда, фактически означают совершение квазипарапреступления либо определённого административного или дисциплинарного квазипарапроступка; противодействие этим правонарушениям должно осуществляться в пределах соответствующего вида судопроизводства: антикриминального, административного или трудового; начав

в антикриминальном судопроизводстве, и при установлении ущерба меньшего, нежели существенного, такое восстановление правового статуса потерпевшего должно заканчиваться в целях рационализации антиделиктной деятельности в данном судопроизводстве.

6. Де-юре имущественно-договорная (хозяйственная) ответственность, наступающая при причинении такого вреда традиционным хозяйственным правоотношениям, т. е. имущественно-договорным правоотношениям между юридическими лицами.

Дальнейшее ступенчатое сущностное видовое деление административной, дисциплинарной, де-факто имущественно-договорной и де-юре имущественно-договорной ответственности может быть аналогичным антикриминальной ответственности.

Не будет лишним представить и новое авторское понимание базисных признаков юридической ответственности по наличию негативных последствий для лица, совершившего правонарушение, чтобы:

1. Наказать правонарушителя.

2. перевоспитать его.

3. Возложить на:

3.1. Правонарушителя или лиц, его заменяющих, обязанность по максимально полному восстановлению нарушенного правового статуса потерпевшего.

3.2. Соответствующих субъектов властных полномочий и иных лиц обязанность по устранению причин и условий, способствовавших совершению данного правонарушения [1, с. 100-101].

Последняя из обязанностей уже косвенно вытекает из имеющегося в юриспруденции деления юридической ответственности на позитивную (перспективную) и негативную (ретроспективную) юридическую ответственность. Одной из первых аналогичное деление юридической ответственности предложила Р. А. Халфина, которая в 1974 г. выделяла два вида правоотношений ответственности – в процессе правомерной деятельности и в процессе правонарушения [4, с. 324], а в последствии В. В. Похмелкин, в 1990 г., юридическую ответственность рассматривал уже в единстве положительного (перспективного) и ретроспективного её аспекта [3, с. 26], что также еще не было достаточно точным. Ведь главная цель позитивной юридической ответственности либо положительного или перспективного её аспекта должна заключаться в применении негативных последствий к возможному правонарушителю или к лицам, которые своим деянием способствуют наступлению этого правонарушения, ещё до совершения самого правонарушения с целью предупреждения этого правонарушения, а негативной юридической ответственности – после того, когда правонарушение уже совершено, и такие негативные последствия уже должны наказать и перевоспитать правонарушителя, обеспечить максимально возможное полное восстановление нарушенного правового статуса потерпевшего и устранить в полном объёме те условия и причины, которые способствовали совершению данного правонарушения.

Вина является не столько определённым признаком субъективной стороны состава правонарушения, сколько обязательным базисным основанием для привлечения лица к карательно-воспитательной юридической ответственности, за исключением ситуаций совершения паранесчастливого случая или параказуса либо наступления несчастного случая или казуса. В этих случаях должна наступать юридическая ответственность государства в виде восстановления нарушенного правового статуса потерпевшего, что фактически означает опосредованную невинную

юридическую ответственность законопослушных налогоплательщиков [1, с. 99-100]. Иные исключения, такие как невиновная ответственность за вред, причинённый источником повышенной опасности, и др., могут свидетельствовать лишь о недостаточно высокой юридической квалификации лиц, установивших такого рода, по сути, нелегитимные основания для юридической ответственности [1, с. 100].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гипердоклад о более двухстах пятидесяти лучших доктринах и концепциях юриспруденции научной школы профессора Аланкира: коллективная монография / кол. авторов под науч. ред. А. А. Кириченко. – 2-е изд. – Николаев: Ник. нац. ун-т им. В. А. Сухомлинского, 2015. – 1008 с.

2. Ланцедова, Ю. А. Первая вариация доктрины ступенчатого сущностного видового деления юридической ответственности [Электронный ресурс] / Ю. А. Ланцедова // Блог экспертов. Информационно-аналитический сайт. – Режим доступа: <http://blog-experts.com/prezentaciya-novyx-doktrin-i-koncepcij-yurisprudencii-nauchnoj-shkoly-professora-alankira-priglasenie-k-diskussii-yuliya-lancedova-novaya-doktrina-stupenchatogo-sushhnostnogo-vidovogo-deleniya-yurid/2014-12-01>. – Дата доступа: 01.03.2017.

3. Похмелкин, В. В. Социальная справедливость и уголовная ответственность: монография / В. В. Похмелкин. – Красноярск: Красноярск. ун-т, 1990. – 176 с.

4. Халфина, Р. О. Общее учение о правонарушении / Р. О. Халфина. – М.: Юрид. лит., 1974. – 340 с.

УДК 340+343

Ю. А. ЛАНЦЕДОВА

Киев, НАУ, кандидат юридических наук

ПРИРОДА НАУК КРИМИНАЛЬНОГО БЛОКА ПО НОВОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЗАДАЧ

Принципиально новая природа любой юридической науки, и юридических наук криминального блока в том числе, вытекает из разработанной автором, А. А. Кириченко и А. С. Тунтулой новой доктрины классификации юридических наук [1, с. 134-139 и др.], которая может быть построена по нескольким основаниям и в контексте гипергрупповых задач юридических наук выглядит следующим образом:

1. Теорологические юридические науки, т. е. науки, призванные разработать философские, экономические, социологические, политологические, филологические, психологические, теорологические, исторические и иные теоретические основы для рационального, эффективного и качественного проведения каждого из направлений юридической деятельности, а также для становления и развития в контексте выполнения этих задач иных юридических наук:

1.1. Мононауки: философия юриспруденции (философия права – здесь и далее указано существующее наименование науки; отсутствие такого рода пояснения свидетельствует о том, что предложено наименование перспективной юридической науки либо оставлено наименование существующей науки), экономика юриспруденции (на основе политэкономии), политология юриспруденции (теория государства), социология юриспруденции (социология права), психология юриспруденции (юридическая психология), теорология юриспруденции (теория права), история

отечественной теологии и политологии юриспруденции (история государства и права Украины), история зарубежной теологии и политологии юриспруденции (история зарубежных государств и права), история правовых учений (история правовых и политических учений) и др.

1.2. Полинауки: филология юриспруденции, энциклопедия юриспруденции, сравнительная юриспруденция (сравнительное правоведение), педагогика юриспруденции и др.

2. Регулятивные юридические науки, которые должны разработать правовое регулирование «безделиктных» (положительных, неконфликтных) сторон общественной жизни:

2.1. Теология государственно-правового управления (государственное управление, которое как систему наук необходимо возратить в «клоно» юриспруденции и в правовое поле).

2.2. Внутренние (в редакции Е. В. Кириленко): Авиационностроительная, Автостроительная, Антиделиктная (правоохранительное право – далее в аналогичных ситуациях термин «право» опускается), атмосферная, атомноэнергетическая, банковская, библиотечная, бюджетная, ветеринарная, водная, военная, железнодорожностроительная, жилищная, земельная, издательская, информационная, искусствоведческая, кораблестроительная, культурологическая, лесная, лизинговая, лицензионная, машиностроительная, медицинская, метрологосертификатная, муниципальная, налоговая, научная, недрoarхеологическая (кодекс о недрах и др.), вузовская, охотрыболовзаповедная, пенсионная, пограничная, политизбирательная, потребохранная, текстильнопромышленная, разрешительная, регистрационная, санитарная, сельскохозяйственная, семейная, социальная, спортивная, страховая, строительная, таможенная, теологическая, торговая, транспортная, финансовая, шоубизнесовая, экологическая (природоохранная) и др. отрасль права Украины (всего около 50 наук).

2.3. Международные (по варианту Е. В. Кириленко): атмосферная, атомноэнергетическая, дипломатическая или консульская, издательская, информационная, искусствоведческая, кораблестроительная, космическая, морская, вузовская, теологическая, спортивная, строительная, шоубизнесовая, экологическая и др. отрасль права.

3. Антиделиктные юридические науки:

3.1. Базисноантиделиктные юридические науки, которые должны разработать правовую основу (базис) для рационального, эффективного и качественного преодоления каждого из видов правонарушений:

3.1.1. Внутренние:

3.1.1.1. Сопутствующая: конституционная отрасль права Украины.

3.1.1.2. Моноантиделиктные: антикриминальная (уголовное) и административная отрасли права Украины.

3.1.1.3. Регулятивно-антиделиктные: трудовая (трудовое), де-факто имущественно-договорная (гражданское) и де-юре имущественно-договорная (арбитражное, хозяйственное) отрасли права Украины.

3.1.2. Международные: антикриминальная, де-факто имущественно-договорная и де-юре имущественно-договорная отрасли права.

3.2. Процедурные юридические науки, на которые возлагается задача по разработке правовой формы (процедуры, порядка) рационального, эффективного и качественного преодоления каждой из разновидностей правонарушений:

3.2.1. Внутренние:

3.2.1.1. Полинаучное процедурное направление: теорология антиделиктных сведений (теория доказательств).

3.2.1.2. Сопутствующее: конституционное судопроизводство Украины.

3.2.1.3. Моноантиделиктные: антикриминальное (уголовное процессуальное) и административное (административный процесс) судопроизводство Украины.

3.2.1.4. Регулятивно-антиделиктные: трудовое (частично – процедурная часть Кодекса законов о труде, в основном – ряд иных дисциплинарных правовых актов), де-факто имущественно-договорное (гражданское процессуальное) и де-юре имущественно-договорное (арбитражное процессуальное, хозяйственное процессуальное) судопроизводство Украины.

3.2.1.5. Дополнительные: ордистическое (процедурная часть теории оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД)), исправительно-трудовое (уголовно-исполнительное) и исполнительное (ряд исполнительных правовых актов по иному, нежели антикриминальное, судопроизводству) судопроизводство Украины.

3.2.2. Международные: антикриминальное, ордистическое, де-факто имущественно-договорное и де-юре имущественно-договорное судопроизводство.

3.3. Методические юридические науки, задача которых состоит в разработке составных частей гласной (криминалистической) и негласной (ордистической) методики (технических средств, общих правил обращения с ними; тактических приёмов проведения практических действий; методических рекомендаций по проведению каждой из стадий такого преодоления) преодоления правонарушений:

3.3.1. Мононауки: криминалистика, ордистика (методическая часть теории ОРД).

3.3.2. Полинауки: деликтология (криминология), юридическая медицина (судебная медицина), юридическая психиатрия (судебная психиатрия), юридическая бухгалтерия (судебная бухгалтерия), юридическая статистика (судебная статистика), юридическая кибернетика (судебная кибернетика) и др.

3.3.3. Полинаучные методические направления: юридическая экспертология (судебная экспертология), юридическая одорология (криминалистическая одорология), юридическая микрообъектология (криминалистическая, судебная микрообъектология) и др.

Наряду с этим предложенная новая доктрина классификации юридических наук может быть представлена в контексте, с одной стороны, выполнения задач правотворчества и правоприменения, то есть в контексте первой базисной задачи юриспруденции – разработать и применить эффективное, рациональное и качественное правовое регулирование необходимых сторон общественной жизни (права), что осуществляется в пределах положительных или безделиктных правоотношений.

С другой стороны, базовую классификацию юридических наук можно также представить и в контексте выполнения задач антиделиктологии, то есть в пределах уже второй базисной задачи юриспруденции – разработать и применить эффективные, рациональные и качественные средства преодоления правонарушений, что осуществляется уже в пределах негативных или деликтных правоотношений.

Одна из последних вариаций предложенной этими же авторами новой доктрины классификации юридических наук в контексте первой базисной задачи и первого и второго базисного направления юридической деятельности (правотворчества, правоприменения) [1, с. 139] выглядит схематично следующим образом:

1. Правовые юридические науки (базисноантиделиктные, процедурные, регулятивные, в известном аспекте – теорологические), основным «научным

продуктом» которых должна стать разработка соответствующего кодифицированного правового акта (кодекса).

2. Неправовые юридические науки (методические, в известном аспекте – теорологические), задачи которых уже находятся в контексте методико-антиделиктных и связанных с ними иных внеправовых задач юридической деятельности [1, с. 139-140].

В контексте второй базисной задачи юриспруденции и третьего направления антиделиктной деятельности (антиделиктологии) данный подход может быть представлен в таком виде:

1. Антиделиктные юридические науки (базисноантиделиктные, процедурные, методические, в известном аспекте – теорологические).

2. Безделиктные юридические науки (регулятивные, в известном аспекте – теорологические) [1, с. 139-140].

Сущность сопутствующих антиделиктных юридических наук Ю. А. Ланцедова и А. С. Тунтула усматривают в том, что Конституционная отрасль права и судопроизводство Украины призваны разработать кодифицированное правовое регулирование базиса и процедуры (порядка, формы) антиделиктных правоотношений по установлению факта правомерности или нелегальности деяний, решений и правовых актов субъектов властных полномочий (этот базис и процедура должны содержаться в таких кодексах, как Конституционный кодекс Украины и Кодекс конституционного судопроизводства Украины), когда в последнем из случаев в зависимости от сущности нарушенных правоотношений должно возбуждаться антикриминальное, административное, трудовое, де-факто имущественно-договорное или де-юре имущественно-договорное судопроизводство для привлечения виновного к соответствующему виду юридической ответственности посредством назначения наказаний, паранаказаний, квазинаказаний и квазипаранаказаний.

Восстановление нарушенного правового статуса частично может осуществляться в рамках:

1. Обновленного Конституционного судопроизводства Украины.

2. Соответствующего вида судопроизводства в зависимости от того, какое именно правонарушение совершено, какие правоотношения нарушены (например, в виде предъявления иска о возмещении физического, имущественного и/или морального ущерба) [1, с. 140; 2].

По нашему мнению, сущность моноантиделиктных юридических наук состоит в том, что Антикриминальная и обновлённая Административная отрасль права и судопроизводство Украины должны разработать кодифицированное правовое регулирование базиса и процедуры (порядка, формы) привлечения к антикриминальной и административной карательно-воспитательной, восстановительной и/либо сопутствующей ответственности в виде:

1. Наложения наказаний, паранаказаний, квазинаказаний и квазипаранаказаний.

2. Предъявления иска о восстановлении правового статуса (а не гражданского иска, как это имеет место сейчас. Такой иск, истец и ответчик должны быть составной частью каждого из базисных видов судопроизводства, а не быть частью, что алогично имеет место в настоящее время, лишь гражданского судопроизводства) в антикриминальном и административном судопроизводстве посредством:

2.1. Возмещения физического, имущественного или морального вреда.

2.2. Иного восстановления нарушенного правового статуса потерпевшего [1, с. 141; 25].

Сущность регулятивно-антиделиктных юридических наук мы усматриваем в том, что трудовая, де-юре имущественно-договорная и де-юре имущественно-договорная отрасль права и судопроизводство Украины, которые регулируют как положительные (регулятивные), так и антиделиктные правоотношения, должны разработать два вида кодифицированного правового регулирования базиса и процедуры (формы, порядка) в виде соответственно Трудового, де-факто имущественно-договорного и де-юре имущественно-договорного кодексов Украины и Кодексов трудового, де-факто имущественно-договорного и де-юре имущественно-договорного судопроизводства Украины.

В таком случае названные науки и кодексы обеспечивали бы аналогично:

1. Моноантиделиктным юридическим наукам:

1.1. Привлечение виновного к дисциплинарной, де-факто имущественно-договорной или де-юре имущественно-договорной карательно-воспитательной, восстановительной и/либо сопутствующей ответственности, прежде всего, в виде наложения наказаний, паранаказаний, квазинаказаний и квазипаранаказаний.

1.2. Предъявление иска о восстановлении нарушенного правового статуса социосубъекта посредством возмещения ущерба или иного восстановления его правового статуса.

2. Сопутствующим антиделиктным юридическим наукам:

2.1. Признание легитимным или нелегитимным деяний, решений и правовых актов администрации в области трудовых прав, свобод, интересов и обязанностей подчинённых социосубъектов, когда установление нелегитимности такого рода деяний, решений и правовых актов администрации должно кроме восстановления нарушенного правового статуса подчинённого социосубъекта влечь дисциплинарную карательно-воспитательную ответственность администрации и, не исключено, и, наоборот, – дисциплинарную карательно-воспитательную ответственность подчинённого социосубъекта.

2.2. Предъявление иска о восстановлении нарушенного правового статуса социосубъекта посредством возмещения ущерба или иного восстановления его правового статуса.

3. Регулятивным юридическим наукам, когда урегулирование позитивных соответственно внутренних государственно-управленческих, де-факто имущественно-договорных и де-юре имущественно-договорных правоотношений должно осуществляться одной юридической наукой и одним кодексом наряду с выполнением иных, в данном случае антиделиктных, указанных выше задач.

В традиционном административном праве и процессе совместное нахождение базиса и процедуры, с одной стороны, антиделиктных правоотношений, а с другой стороны, положительных правоотношений, уже сейчас выглядит достаточно алогичным (тем более, при наличии ещё и не присущих им конституционных и трудовых антиделиктных правоотношений) и подлежит надлежащему разрешению [1, с. 143; 2].

Сущность дополнительных антиделиктных юридических наук, по концепции Ю. А. Ланцедовой, состоит в том, что ордистическое, исправительно-трудовое и исполнительное судопроизводство Украины призваны разработать кодифицированное правовое регулирование дополнительных процедур (порядков, форм) преодоления правонарушений, а именно:

1. Кодекс ордистического судопроизводства Украины – должен презентовать процедуру применения составных частей негласной методики противодействия

каждому из разновидностей правонарушений параллельно соответствующей как моноантиделиктной и регулятивно-антиделиктной процедуре противодействия правонарушениям, т. е. в рамках антикриминального, административного, трудового, де-факто имущественно-договорного и де-юре имущественно-договорного судопроизводства, так сопутствующей процедуры установления факта легальности или нелегальности деяний, решений и правовых актов субъектов властных полномочий, т. е. в рамках конституционного и трудового судопроизводства, последнее в части восстановления трудовых прав, свобод, интересов и обязанностей подчиненного субъекта и, не исключается, и администрации. Этим самым осуществляется так называемое «ордистическое сопровождение» всех названных видов судопроизводства.

2. Кодекс исправительно-трудового судопроизводства Украины – продолжение процедуры Кодекса антикриминального судопроизводства Украины на стадии исполнения окончательных следственных и судебных решений по антикриминальным делам, прежде всего, в виде лишения свободы.

3. Кодекс исполнительного судопроизводства Украины – продолжение процедур иных процедурных кодексов на стадии выполнения окончательных внесудебных и судебных решений по соответствующим антиделиктным делам:

3.1. Кодекса конституционного судопроизводства.

3.2. Кодекса административного судопроизводства.

3.3. Кодекса трудового судопроизводства.

3.4. Кодекса де-факто имущественно-договорного судопроизводства.

3.5. Кодекса де-юре имущественно-договорного судопроизводства [1, с. 144; 2].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гипердоклад о более двухстах пятидесяти лучших доктринах и концепциях юриспруденции научной школы профессора Аланкира: коллективная монография / кол. авторов под науч. ред. А. А. Кириченко. – 2-е изд. – Николаев: Ник. нац. ун-т им. В. А. Сухомлинского, 2015. – 1008 с.

2. Тунтула, А. С. Новая доктрина сущности отдельных групп юридических наук [Электронный ресурс] / А. С. Тунтула // Блог экспертов. Информационно-аналитический сайт. – Режим доступа: <http://blog-experts.com/prezentaciya-novyx-doktrin-i-konceptij-yurisprudencii-nauchnoj-shkoly-professora-alankira-priglasenie-k-diskussii-aleksandra-tuntu-la-novaya-doktrina-sushhnosti-i-perspektiv-razvitiya-otdelnyx-grupp/2014-11-04>. – Дата доступа: 01.03.2017.

УДК 343

А. С. ТУНТУЛА

Николаев, ЧНУ имени Петра Могилы, доктор юридических наук, профессор

СУЩНОСТЬ КРИМИНАЛЬНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ПО НОВОЙ ДОКТРИНЕ СТУПЕНЧАТОГО СУЩНОСТНОГО ВИДОВОГО ДЕЛЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Принципиально новую сущность криминальных правонарушений наиболее правильно раскрыть посредством презентации, предложенной Т. А. Коросташовой [1, с. 70-75; 2] следующей вариации новой доктрины ступенчатого сущностного видового деления правонарушений, которая может быть представлена в такой редакции:

1. Макроправонарушения (криминальные правонарушения), то есть общественно опасные деяния, нарушившие любые правоотношения и причинившие или могущие причинить этим самым существенный и больший физический и/или имущественный и моральный вред правам, свободам, обязанностям либо интересам физических или юридических лиц либо государства или межгосударственных образований, когда:

1.1. В зависимости от состава деяния криминальные правонарушения делятся на:

1.1.1. Преступления (деяния, имеющие все признаки и элементы состава, за совершение которых должно назначаться антикриминальные наказания), которые по степени тяжести подразделяются на:

1.1.1.1. Минимальные преступления (т. е. минимальной степени тяжести, за которые предусмотрено наказание более мягкое, чем ограничение свободы, в случае реальной необходимости именно такой дополнительный вид правонарушения необходимо было бы предусмотреть в ст. 12 Уголовного кодекса Украины и в новом Уголовно-процессуальном кодексе Украины, а не термин «криминальные проступки», что говорит лишь об отсутствии у авторов этого кодекса надлежащего юридического образования) [1, с. 70-71; 2].

1.1.1.2. Незначительные преступления (т. е. незначительной степени тяжести, за которые предусмотрено наказание от ограничения свободы до лишения свободы на срок не более чем, как на два года).

1.1.1.3. Средние преступления (т. е. средней степени тяжести, за которые предусмотрено наказание от двух до пяти лет лишения свободы).

1.1.1.4. Тяжкие преступления (за которые предусмотрено наказание от шести до десяти лет лишения свободы).

1.1.1.5. Особо тяжкие преступления (за которые предусмотрено наказание от одиннадцати и выше лет лишения свободы).

1.1.2. Парাপреступления (такого рода деяния, имеющие все признаки и элементы состава, за исключением того, что данное деяние совершено лицом, не достигшим возраста назначения антикриминального наказания и поэтому ему назначается паранаказание в виде мер воспитательного характера, если лицо не достигло 11-летнего возраста, либо принудительных мер воспитательного характера, если лицо достигло 11-летнего возраста, и восстановление нарушенных прав, свобод, обязанностей или интересов потерпевшего, а за такие же деяния дошкольника или малолетнего лица восстановительную антикриминальную ответственность несет опекун либо лицо или учреждение, его заменяющие) [1, с. 71; 2].

1.1.3. Квазипреступления (такого рода деяния, имеющие все признаки и элементы состава, за исключением того, что данное деяние совершено невменяемым или ограниченно вменяемым лицом, которому назначается антикриминальные квазинаказание в виде принудительных мер медицинского характера, а восстановительная антикриминальная ответственность возлагается на опекуна или попечителя либо на лицо или учреждение, их заменяющие).

1.1.4. Квазипарাপреступления (когда в наличии все признаки и элементы состава деяния, которое в соответствии с принципами природного права фактически являются общественно опасным, но Антикриминальный кодекс Украины не предусматривает состав такого деяния, что должно влечь антикриминальную ответственность виновного лица только в виде восстановления нарушенного правового статуса потерпевшего, то есть его прав, свобод, обязанностей или интересов. Если при рассмотрении антикриминального дела будет установлено наличие вреда меньшего, чем

существенный, то есть при наличии квазипарапроступка, возмещение вреда и прочее восстановление правового статуса потерпевшего должно закончиться в антикриминальном судопроизводстве) [1, с. 72; 2].

Такой поход призван стимулировать парламент своевременно предусматривать (в ряде случаев под давлением общественности) в Антикриминальном кодексе Украины (так же в Административном, Трудовом, де-факто имущественно-договорном и в де-юре имущественно-договорном кодексе Украины) соответствующий состав криминального правонарушения (соответственно административного, дисциплинарного, де-факто имущественно-договорного и де-юре имущественно-договорного миниправонарушения). Должна быть аналогичная реакция парламента и субъектов подзаконнотворчества при наличии паранесчастных случаев-противоречий и паранесчастных случаев-субъективностей, в то время как при наличии паранесчастных случаев-правомерностей восстановление правового статуса правонарушителя должно осуществляться только за счёт самого правонарушителя) [1, с. 72–73; 2].

1.1.5. Паранесчастные случаи (такого рода деяния надлежащего и/или ненадлежащего субъекта, когда отсутствие вины лица оценивается по такому минимальному уровню: лицо не могло и/или не должно было предвидеть наступление общественно опасных последствий, за что должна наступать антикриминальная ответственность государства в виде восстановления нарушенного правового статуса потерпевшего), которые, в зависимости от причины отсутствия вины, подразделяются на:

1.1.5.1. Паранесчастные случаи-противоречия (при наличии противоречий в регулировании соответствующих правоотношений).

1.1.5.2. Паранесчастные случаи-субъективности (при наличии необоснованных по объему и/или по сущности обязанностей, которые лицо практически не могло выполнить либо в силу наличия соответствующего положения природной отрасли права не должно было выполнять).

1.1.5.3. Паранесчастные случаи-правомерности (когда деяние совершено при наличии обстоятельств, исключающих его общественную опасность: необходимая оборона, крайняя необходимость и др.) [1, с. 73; 2].

1.1.5.4. Паранесчастные случаи-природности (когда определённое деяние опосредованно явлениями природы, в т. ч. деяниями диких животных, и лицо объективно не должно было либо практически не могло полностью или частично предупредить наступление этих явлений или деяний либо предотвратить полностью причинение вреда или уменьшить его размер) [1, с. 73–74; 2].

1.1.6. Несчастные случаи (общественно опасные природные явления, в т. ч. деяния диких животных, не опосредованные деяниями физического лица, что также должно влечь антикриминальную ответственность только государства и лишь в виде восстановления нарушенного правового статуса потерпевшего).

2. Миниправонарушения, то есть общественно вредное деяние, причинившее или могущее причинить менее, чем существенный, но более, чем значительный ущерб правам, свободам, обязанностям и/либо интересам физических или юридических лиц либо государства, которые в зависимости от:

2.1. Состава правонарушения делятся на:

2.1.1. Проступки (имеет все признаки, элементы правонарушения).

2.1.2. Парапроступки (имеет все признаки, элементы правонарушения, совершённого лицом, не достигшим возраста назначения карательно-воспитательного наказания соответствующего вида юридической ответственности).

2.1.3. Квазипроступки (имеет все признаки, элементы правонарушения, совершенного невменяемым или ограниченно вменяемым лицом).

2.1.4. Квазипарапроступки (деяния в силу определённого положения природной отрасли права объективно является общественно вредным, но состав такого проступка не предусмотрен в Административном, Трудовом, де-факто имущественно-договорном или в де-юре имущественно-договорном кодексе Украины) [1, с. 74; 2].

2.1.5. Параказусы (при наличии надлежащего или ненадлежащего субъекта, но при отсутствии вины), которые в зависимости от причины отсутствия вины имеют аналогичное паранесчастным случаям деление на:

2.1.5.1. Параказусы-противоречия.

2.1.5.2. Параказусы-субъективности.

2.1.5.3. Параказусы-правомерности.

2.1.5.4. Параказусы-природности [1, с. 74–75; 2].

2.1.6. Казусы (явления природы, в т. ч. деяния диких животных, которые не опосредованы деяниями человека).

2.2. Характера регулируемых общественных отношений (правоотношений) делятся на:

2.2.1. Административные правонарушения: проступки, парапроступки, квазипроступки, квазипарапроступки, параказусы и казусы (если нарушены внутренние по отношению к юридическому лицу правоотношения, за исключением имущественно-договорных правоотношений).

2.2.2. Дисциплинарные правонарушения: проступки, парапроступки, квазипроступки, квазипарапроступки, параказусы и казусы (если нарушены внутренние по отношению к юридическому лицу правоотношения, за исключением имущественно-договорных правоотношений).

2.2.3. Де-факто имущественно-договорные (гражданские) правонарушения: проступки, парапроступки, квазипроступки, квазипарапроступки, параказусы и казусы (если нарушены имущественно-договорные правоотношения между физическими лицами).

2.2.4. Де-юре имущественно-договорные (хозяйственные или арбитражные) правонарушения: проступки, парапроступки, квазипроступки, квазипарапроступки, параказусы и казусы (если нарушены имущественно-договорные правоотношения между юридическими лицами) [1, с. 75; 2].

Обоснование отсутствия иных видов правонарушений сводится к следующему. Не может быть процессуального, налогового, земельного, лесного и любого иного предлагаемого в литературе вида правонарушений и юридической ответственности. В этих случаях будет иметь место в зависимости от сущности правоотношений, указанных в ступенчатом сущностном видовом делении юридической ответственности, один из перечисленных видов юридической ответственности за нарушение норм процессуальной судопроизводства, налоговой, земельной, лесной или любой иной регулятивной отрасли права, которые составляют сущность соответствующего макроправонарушения, т. е. криминального правонарушения, или миниправонарушения, т. е. административного, дисциплинарного, де-факто имущественно-договорного или де-юре имущественно-договорного правонарушения [1, с. 118–119].

Особо следует обосновать отсутствие конституционных правонарушений. Нарушение правовым актом, решением или деянием субъекта властных полномочий определённой нормы хотя бы подзаконного акта, а значит, и текущего закона и в итоге и Конституционного кодекса Украины в зависимости от размера

причинённого вреда и сущности нарушенных этим самым правоотношений образует состав макроправопорушения или административного, дисциплинарного, де-факто имущественно-договорного или де-юре имущественно-договорного правонарушения [1, с. 119].

В то же время должна иметь место восстановительная или сопутствующая конституционная ответственность в виде соответственно восстановления правового статуса потерпевшего (его прав, свобод, обязанностей и/или интересов), нарушенных правовым актом, решением или деянием субъекта властных полномочий, а также привлечение виновного к соответствующему виду карательно-воспитательной юридической ответственности и к устранению иных причин и условий, способствующих совершению этого и иных нарушений норм подзаконных актов, текущих законов и Конституционного кодекса Украины [1, с. 119–120].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гипердоклад о более двухстах пятидесяти лучших доктринах и концепциях юриспруденции научной школы профессора Аланкира: коллективная монография / кол. авторов под науч. ред. А. А. Кириченко. – 2-е изд. – Николаев: Ник. нац. ун-т им. В. А. Сухомлинского, 2015. – 1008 с.

2. Тунтула, А. С. Первая вариация новой доктрины ступенчатого сущностного видового деления правонарушений [Электронный ресурс] / А. С. Тунтула // Блог экспертов. Информационно-аналитический сайт. – Режим доступа: <http://blog-experts.com/prezentaciya-novykh-doktrin-i-koncepcij-yurisprudencii-nauchnoj-shkoly-professora-alankira-priglasenie-k-diskussii-aleksandra-tuntula-novaya-doktrina-stupenchatogo-sushnostnogo-vidovogo-deleniya-p>. – Дата доступа: 03.03.2017.

УДК 316:314

А. Ф. СВИБ

Могилев, МГУ имени А. А. Кулешова, кандидат юридических наук, доцент

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ И ЛЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ЮРИДИЧЕСКИЙ И МЕДИЦИНСКИЙ АСПЕКТЫ

Современную эволюцию человека можно назвать не генетической, а миметической, то есть связанной с мыслями. Основанием такого философского взгляда является то, что определённые особенности современной жизни могут вызвать такие эволюционные перемены, которые не только не повышают нашу способность выжить, но даже способствуют её уменьшению. Один из вариантов действий отрицательной стороны эволюции наблюдается за счёт студентов и высокообразованных лиц, стремящихся достичь высот в социальной иерархии, откладывая создание семьи и рождение детей. В это время их бывшие одноклассники, не преуспевающие в учёбе, заводят детей сразу же. Если у менее интеллектуально развитых родителей появляется больше детей, то интеллектуальность в современном мире оказывается фактором уязвимости и, соответственно, можно ожидать снижение её среднего уровня. Учёные активно дискутируют, насколько интеллектуальные способности могут передаваться по наследству.

Психическое здоровье представляет собой одну из главных жизненных ценностей и основу благополучия, успешного, эффективного функционирования человека.

Проблема взаимосвязи криминогенности и психопатологии является актуальной, так как отмечается неуклонный рост числа опасных действий против жизни и здоровья личности, связанных с теми или иными психолого-психическими отклонениями у виновного лица. Весьма велики побудительные мотивы к предупредительным генетическим мерам избавить ещё не родившегося ребенка от обречённости стать депрессивным, гиперактивным и даже склонным к правонарушениям.

Судебная психиатрия помогает следствию и суду претворять в жизнь гуманность действующего в Республике Беларусь уголовного закона, согласно которому общественно опасные деяния невменяемых (психически больных) лиц не оцениваются как преступление, а совершивший их психически больной человек не считается преступником. Сохраняя объективные свойства преступления (общественную опасность вследствие нарушения правопорядка), действия такого лица лишены субъективной стороны – вины, поскольку болезнь лишает невменяемого способности осознавать фактический характер и общественную опасность деяния либо руководить им. Соответственно невменяемое больное лицо не подлежит наказанию, а к нему применяются принудительные меры безопасности и лечения.

По мнению ряда исследователей, у лиц с психическими расстройствами, независимо от характера психической патологии, агрессивные формы поведения приобретают характер универсальной защитной реакции.

Применение принудительных мер безопасности и лечения, назначаемых судом, имеет целью лечение и создание условий, способствующих достижению исполнения уголовной ответственности за совершённые преступления лицами, страдающими психическими заболеваниями, хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией и предупреждение новых общественно опасных деяний указанной категорией лиц, уже их совершивших. Это объясняется тем, что в Республике Беларусь лица, совершившие общественно опасные деяния, не только несут наказание и иные меры уголовной ответственности в соответствии с Уголовным кодексом, но к ним применяются также принудительные меры безопасности и лечения. Таким образом, принудительные меры безопасности и лечения сочетают в себе два аспекта: медицинский и юридический.

Принудительные меры медицинского характера назначаются с учетом рекомендаций комиссии врачей-психиатров или судебно-психиатрической экспертизы, а выбор вида принудительного лечения зависит от социальной опасности лица, течения заболевания, включая выводы о диагнозе заболевания, об алкоголизме или наркомании, его прогноза, а также зависит от особенности совершённых опасных действий и так называемых показателей клинического профиля. Юридические аспекты применения принудительных мер безопасности и лечения закреплены в гл. 46 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, включая порядок производства и окончания предварительного следствия, судебного разбирательства [1].

К сожалению, учебная юридическая литература мало внимания уделяет рассмотрению вопросов применения принудительных мер безопасности и лечения. Особо здесь следует упомянуть постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 1 от 28 марта 2013 г. «О практике применения судами принудительных мер безопасности и лечения в уголовном судопроизводстве», ч. 1 которого гласит: «Обратить внимание судов, что принудительные меры безопасности и лечения

в отношении лиц, совершивших предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния в состоянии невменяемости или совершивших преступления в состоянии вменяемости, но заболевших до постановления приговора или во время отбывания наказания психическим расстройством (заболеванием), лишаящим их возможности сознавать значение своих действий или руководить ими, направлены на обеспечение безопасности общества, предупреждение новых общественно опасных деяний со стороны таких лиц, их охрану и лечение. В отношении лиц, совершивших преступления в состоянии уменьшенной вменяемости, а также страдающих хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией, принудительные меры безопасности и лечения могут быть назначены наряду с наказанием или иными мерами уголовной ответственности в целях их лечения и исправления» [2].

В отдельных случаях, когда совершены нетяжёлые особо опасные деяния, к лицам, признанным невменяемыми, могут быть применены медицинские меры непринудительного характера, а именно: лечение в психиатрической больнице на общих основаниях либо наблюдение у психиатра по месту жительства по группе учёта. Изменение и прекращение применения принудительных мер безопасности и лечения осуществляются судом на основании заключения комиссии врачей-психиатров.

Назначая принудительные меры безопасности и лечения, суд оценивает характер болезненного расстройства у лица, насколько оно опасно для общества и самого себя. Это – юридический аспект, а медицинский аспект отражается в заключении врачей-экспертов. Иногда экспертная комиссия сама рекомендует проведение экспертизы в судебном заседании, так как затрудняется решить вопрос о вменяемости при противоречивых данных о состоянии подэкспертного во время совершения преступления. Подобные решения выносятся редко. Отсюда двойственный характер принудительных мер безопасности и лечения в уголовном праве Республики Беларусь.

На наш взгляд, следует больше внимания уделять рассмотрению вопросов применения принудительных мер безопасности и лечения в учебной юридической литературе, т. к. эти меры – меры медицинского характера, в первую очередь, несмотря на преобладающий в них, безусловно, юридический аспект. Они не преследуют целей уголовного наказания, но от этого не теряют своей юридической актуальности. Поэтому в учебном процессе для будущих юристов важно было бы ввести спецкурс по изучению специфики назначения и применения принудительных мер безопасности и лечения для лиц, страдающих психическим заболеванием, хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.04.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. О практике применения судами принудительных мер безопасности и лечения в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 28 марта 2013 г., № 1 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 34/336.1

В. И. РЕЗЮК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

БЮДЖЕТНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ВИД ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Юридическая ответственность как вид социальной ответственности представляет собой применение мер государственного принуждения к правонарушителю за совершённое правонарушение, используемого как средство обеспечения правомерного поведения. Возникновение на основе норм права и в связи с совершённым правонарушением (противоправным деянием – действием или бездействием), наличие предусмотренных законом последствий, санкции определяются как признаки юридической ответственности. В рамках соответствующей отрасли нормативно-правового регулирования конкретизируется содержание признаков юридической ответственности определённого вида, уточняются её основания и сущность. В большинстве теоретических источников выделяются виды юридической ответственности: уголовная, административная, гражданско-правовая, дисциплинарная, в некоторых также – конституционно-правовая, материальная (трудовая). В отдельных типологиях обособленно рассматриваются иные виды (например, международно-правовая и др.).

Принятый в первые годы независимости Закон Республики Беларусь от 4 июля 1993 г. № 2347-ХІІ «О бюджетной системе Республики Беларусь» (далее – Закон) стал основным источником бюджетно-правового регулирования [1]. В последующих редакциях Закона (позже названного «О бюджетной системе Республики Беларусь и государственных внебюджетных фондах») усматриваются попытки выработки санкций к субъектам, допустившим нарушение бюджетного законодательства, в основном экономического характера (приостановление операций по счетам, взыскание в бесспорном порядке бюджетных средств и др.). Также допускались меры административной ответственности: так, согласно ст. 22 к административной ответственности привлекались должностные лица юридических лиц, виновные в незаконном получении, использовании бюджетных средств не по целевому назначению или с нарушением бюджетного законодательства. На этом этапе произошло фактическое формирование базы нового юридического понятия [2].

Ввиду дальнейшего развития соответствующих правоотношений и, как следствие, бюджетного права в целом, существенно расширился и инструментарий регулирования бюджетных отношений, включивший также ответственность за нарушение бюджетного законодательства как отдельный институт – это позволяет говорить о юридическом закреплении отдельного вида юридической ответственности – бюджетной ответственности, – нашедшего отражение в принятом в 2008 г. Бюджетном кодексе Республики Беларусь (далее – БдК). Основной принцип бюджетной ответственности закреплён в п. 11 ст. 8 БдК: каждый участник бюджетного процесса несёт ответственность за свои действия или бездействия на каждой стадии бюджетного процесса, – сущность ответственности отражена в гл. 26 «Ответственность за нарушение бюджетного законодательства» БдК [3].

Бюджетная ответственность как отдельный вид юридической ответственности имеет признаки – их наличие позволяет говорить о существовании указанного вида ответственности, а толкование их содержания имеет теоретическое и практическое

значения, позволяющие уточнить особенности и отграничить бюджетную от других видов юридической ответственности.

1. Нормативная определённость бюджетной ответственности.

Бюджетная ответственность наступает в случае нарушения установленных норм бюджетного законодательства, а также в случае совершения запрещённых бюджетным законодательством деяний. Юридические последствия, санкции, процесс привлечения к бюджетной ответственности также определяются государственными органами на основании бюджетного законодательства. Широкие договорные начала, диспозитивность, а также применение мер негосударственными органами, организациями исключены – это позволяет отграничить бюджетную ответственность от гражданско-правовой. При этом основания бюджетной ответственности имеют абсолютно-определённый БдК Республики Беларусь характер, а меры ответственности могут уточняться иными актами.

2. Применение бюджетной ответственности за совершённое правонарушение.

Выделяются действия или бездействия, позволяющие сформулировать частично поглощающие друг друга виды бюджетных правонарушений: необоснованное получение денежных средств, использование бюджетных средств не по целевому назначению, использование бюджетных средств с нарушением законодательства [4].

Основаниями бюджетной ответственности являются:

- 1) незаконное получение средств из бюджета;
- 2) нецелевое использование средств бюджета;
- 3) использование средств бюджета с нарушением бюджетного законодательства;
- 4) предоставление бюджетных ссуд, бюджетных займов с нарушением установленного порядка;
- 5) невозврат бюджетных средств, предоставленных на возвратной основе;
- 6) несвоевременный возврат бюджетных средств, предоставленных на возвратной основе;
- 7) неперечисление бюджетных средств получателям бюджетных средств;
- 8) неполное перечисление бюджетных средств получателям бюджетных средств;
- 9) неперечисление процентов (платы) за пользование бюджетными средствами, предоставленными на возмездной основе;
- 10) неисполнение банками платёжных инструкций на перечисление денежных средств;
- 11) ненадлежащее исполнение банками платёжных инструкций на перечисление денежных средств;
- 12) непредставление в установленные сроки бухгалтерской отчётности и иных сведений об использовании бюджетных средств, информации о движении бюджетных средств по счетам их получателей;
- 13) нарушение условий договора с использованием бюджетных средств [3].

3. Наличие определённых юридических последствий бюджетной ответственности, обеспеченных механизмом государственного принуждения.

Совершение правонарушения влечёт регламентированные государством юридические последствия – де-юре этот элемент бюджетной ответственности определяется как «мера принуждения, применяемая за нарушение бюджетного законодательства» [3], характеризующаяся возможностью применения как к правонарушителю, так и правопреемнику. Открытый перечень мер принуждения включает:

- 1) приостановление, ограничение финансирования расходов за счёт бюджета;
- 2) взыскание бюджетных средств;
- 3) приостановление операций по счетам в банке;
- 4) начисление и взыскание пени [3].

Законодательством предусмотрен принудительный характер исполнения указанных мер принуждения, отдельными актами могут устанавливаться и применяться иные меры.

Определение бюджетной ответственности, как и её цель, нормативно не закреплены, однако анализ признаков и иных характеристик позволяет резюмировать, что это вид юридической ответственности, предусмотренный бюджетным законодательством за совершение участником бюджетного процесса бюджетного правонарушения и влекущий меры принуждения, определяемые бюджетным законодательством. Содержанием бюджетной ответственности является принятие Министерством финансов Республики Беларусь, его территориальными органами, местными финансовыми органами, органами Комитета государственного контроля Республики Беларусь и другими уполномоченными органами финансового контроля мер принуждения за нарушение бюджетного законодательства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О бюджетной системе Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 июня 1993 г., № 2347-ХП // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. О бюджетной системе Республики Беларусь и государственных внебюджетных фондах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 июня 1993 г., № 2347-ХП: в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.12.2007 г. // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
3. Бюджетный кодекс Республики Беларусь : Закон Республики Беларусь, 16 июля 2008 г., № 412-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.10.2016 г. // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
4. Сообщение пресс-центра Конституционного Суда Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Конституционный Суд Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.kc.gov.by/main.aspx?guid=8905#>. – Дата доступа: 07.02.2017.

УДК 343

И. А. ЗАРАНКА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Важное значение в расследовании определённых категорий преступлений имеет судебно-медицинская экспертиза, без заключения которой о причине смерти, характере и степени тяжести телесных повреждений, орудий их причинения нередко не только невозможно своевременно и обоснованно принять решение о возбуждении уголовного дела, но и направить его на дальнейшее расследование, установить и изобличить виновного. Порядок назначения и проведения экспертизы в уголовном процессе

регулируется гл. 26 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь). Так, в соответствии с ч. 1 ст. 226 УПК Республики Беларусь, экспертиза назначается в случаях, когда при производстве дознания, предварительного следствия необходимы специальные знания. Кроме случаев обязательного назначения экспертиз, право решения вопроса о необходимости применения специальных знаний при расследовании уголовного дела закон предоставляет лицу, производящему данное расследование [1]. Это не означает, что назначение экспертизы по конкретному делу полностью зависит от субъективного мнения лица, производящего расследование преступления. В каждом отдельном случае назначение экспертизы вызывается объективными обстоятельствами уголовного дела, для выявления которых необходимы специальные знания. Судебная экспертиза назначается независимо от того, обладают ли следователь или лицо, производящее дознание, специальными знаниями. Эти знания помогают им лучше проверить и оценить заключение эксперта, но не устраняют необходимость назначения экспертизы. В соответствии со ст. 173 УПК Республики Беларусь судебно-медицинская экспертиза может быть назначена и до возбуждения уголовного дела. К основаниям назначения и проведения судебно-медицинской экспертизы можно отнести: определение причин смерти; степень тяжести телесных повреждений; иные экспертизы, выводы которых могут иметь существенное значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Не могут назначаться экспертизы, связанные с применением мер процессуального принуждения в отношении физических лиц. Назначение и проведение экспертизы обязательно, если необходимо установить:

- причину смерти, характер и степень тяжести телесных повреждений;
- возраст подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, когда это имеет значение для уголовного дела, а документы о возрасте отсутствуют или вызывают сомнение;
- психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение по поводу их вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном процессе;
- психическое или физическое состояние потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать о них показания [1].

Объектами экспертного исследования являются предметы, документы, образцы для сравнительного анализа.

Судебно-медицинская экспертиза в уголовном процессе может характеризоваться в трёх взаимосвязанных актах: во-первых, как акт-действие; во-вторых, как акт-документ и, в-третьих, как акт-решение. Причем во всех этих плоскостях она является в достаточной степени сложным феноменом. Как акт-действие она охватывает ряд относительно самостоятельных действий, предпринимаемых следователем (органом дознания, прокурором или судьей), экспертом и некоторыми участниками уголовного процесса и прежде всего обвиняемым. Как акт-документ судебно-медицинская экспертиза предполагает такие юридически значимые документы, как постановление или определение компетентных органов о назначении экспертизы, протокол ознакомления с ним заинтересованных лиц, заключение эксперта или отказ от дачи заключения по результатам своей работы и протокол ознакомления с этим документом указанных в законе участников уголовного процесса. Как акт-решение она складывается из всех тех констатаций и выводов, которые содержатся в указанных выше документах.

Другие авторы, к примеру, полагают, что судебная экспертиза в узком смысле выражается во внепроцессуальной деятельности эксперта по исследованию представленных ему материалов на основе специальных познаний, а в широком смысле – в следственном (судебном) действии, направленном на установление имеющих значение для дела фактов путём привлечения экспертов [2, с. 53].

Такое суждение, на наш взгляд, подтверждается следующим:

- даже при наличии всех этих материальных объектов эксперт весьма часто обращается к материалам уголовного дела, содержащим дополнительную информацию об обстоятельствах, связанных с указанным объектом; формально говоря, и в этих случаях тоже производится экспертиза по материалам уголовного дела; однако на законодательном уровне эта часть экспертной работы не выделяется в самостоятельный вид экспертизы;

- при проведении экспертизы по материалам дела предмет экспертного исследования, выраженный в вопросах, решаемых экспертом, фактически является тем же самым, что при непосредственном исследовании материальных объектов (трупа, живого лица, вещественного доказательства).

Судебно-медицинская экспертиза, как и любая другая, – это сложное и системное явление, где остается множество трудностей для успешного рассмотрения дел. Главная проблема в судебно-медицинских исследованиях – это трудность проведения действительно независимой экспертизы. Эксперт в своей деятельности должен быть объективным, независимым и грамотным как с научной и технической точки зрения, так и процессуальной. Иногда корпоративные и профессиональные связи, например, в среде медицинских работников и учреждений здравоохранения мешают правильному проведению судебно-медицинских исследований. Особенно такие связи мешают при расследовании преступлений и нарушений в среде здравоохранения, при расследовании нарушений правил лечения, постановок неправильных диагнозов. Та же корпоративность в среде здравоохранения и в среде медицинских работников и учреждений, а также связи их со следствием и органами местной власти, способствует затягиванию сроков выполнения экспертиз и другим техническим и процессуальным нарушениям и ошибкам.

В УПК Республики Беларусь чётко определены основания, при которых эксперт не может принимать участие в производстве по уголовному делу:

- если он является по данному делу потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком, свидетелем;

- если он участвовал в производстве по данному делу в качестве эксперта, специалиста, переводчика, понятого, лица, производящего дознание, следователя, государственного обвинителя, прокурора, частного обвинителя, секретаря судебного заседания, помощника судьи, защитника, законного представителя подозреваемого или обвиняемого, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика;

- если он является родственником государственного обвинителя, прокурора, частного обвинителя, следователя, лица, производящего дознание, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, представителя, защитника;

- если имеются иные обстоятельства, дающие основание считать, что эксперт лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе данного дела;

- если он находился или находится в служебной или иной зависимости от лица, производящего дознание, следователя, прокурора, судьи, защитника, подозреваемого,

обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, представителей или производил по данному уголовному делу ревизию;

- в случае обнаружения его некомпетентности [1].

Не является основанием для отвода эксперта его участие в производстве по данному уголовному делу в качестве специалиста.

Качественное проведение экспертизы во многом зависит от правильной формулировки вопросов, чёткого определения задач, поставленных перед экспертом. Они должны быть конкретными, ясными, не допускающими возможности их двоякого толкования, взаимосвязанными и логически последовательными, не выходящими за пределы специальных знаний эксперта. Недопустимо ставить перед экспертом правовые вопросы (например, имело ли место убийство или самоубийство) так как они не входят в его компетенцию. Вместе с тем эксперт обладает экспертной инициативой, которая заключается в проведении дополнительного исследования представленных объектов для конкретизации более общей задачи, поставленной следователем (судом), а также в выявлении в изучаемых объектах новых аспектов, установление которых не входило в задание эксперта. Заключение судебно-медицинской экспертизы не имеет заранее установленной юридической силы. Если у органа, производящего расследование преступления, имеются несогласия с заключением эксперта, то оно должно быть мотивированным. Заключение эксперта подлежит всесторонней, полной и объективной проверке, а также оценке с точки зрения относимости, допустимости и достоверности. Проверке подвергаются также полнота и доброкачественность представленных на экспертизу материалов. Следует отметить, что экспертному исследованию могут быть подвергнуты только объекты, которые надлежащим образом процессуально оформлены. В случае существенных нарушений, влекущих их недопустимость, заключение эксперта утрачивает доказательственную силу. Заключение эксперта может быть признано недопустимым, если оно научно не обоснованно.

Таким образом, судебно-медицинская экспертиза – это не только самостоятельный правовой институт, но и весьма важный вид судебной экспертизы. Во-первых, в количественном отношении судебно-медицинская экспертиза занимает первое место среди всех других судебных экспертиз, во-вторых, такая экспертиза решает вопросы, затрагивающие интересы человека (жизнь, здоровье, честь и достоинство граждан), а в-третьих, такой вид экспертизы помогает правоохранительным органам в своевременном раскрытии и расследовании преступлений, а также в предупреждении совершения виновным лицом иных преступлений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.04.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Гордон, Э. С. Судебно-медицинская экспертиза: проблемы и решения / Э. С. Гордон. – Ижевск : Объединение «Полиграфия», 1990. – 237 с.

УДК 343.72

И. А. ЗИНЮК

Симферополь, КЮИ (ф) АГП РФ

Научный руководитель: В. А. Робак, кандидат юридических наук, доцент

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ВЫПЛАТ

Российское уголовное законодательство всегда защищало имущественные интересы от посягательств на них путём обмана или злоупотребления доверием, не делая при этом различий между тем, в какой сфере общественных отношений совершаются подобные деяния.

Ученые подчеркивают, что редакция большинства статей Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) была сформулирована в 1996 г., т. е. почти 21 год назад. Это было сделано в условиях прежней экономической политики государства и современному уровню развития общественных отношений уже не соответствует. За истекший период в редакции статей внесён целый ряд дополнений, изменений, усовершенствований. Кроме того, в настоящее время сложилось множество экономических институтов, которые 21 год назад находились в стадии зарождения или вообще не существовали, т. е. отношения, на которые они посягали, не представляли той общественной опасности, которую они приобрели в настоящее время [1, с. 30].

С внесением изменений в УК РФ от 29 ноября 2012 г. положение дел качественным образом поменялось. Так, Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ» [2] из общего состава мошенничества, предусмотренного ст. 159 УК РФ, выделил 6 специальных статей.

Среди указанных законодательных новелл выделяется ст. 159.2 УК РФ «Мошенничество при получении выплат», в основе обособления которой лежит особый предмет преступного посягательства (деньги и имущество при получении социальных выплат). В своем Послании Федеральному Собранию Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил: «Необходимо поддержать людей с низкими доходами, наиболее уязвимые категории граждан, перейти, наконец, к справедливому принципу оказания социальной помощи, когда её получают те, кто в ней действительно нуждается» [3]. В связи с этим особую актуальность приобретает охрана денежных средств и иного имущества соответствующих фондов уголовно-правовыми мерами, в частности, обращение к проблемам борьбы с мошенничеством при получении выплат.

Ежегодно за совершение мошенничества при получении выплат в целом по Российской Федерации осуждается более 1,5 тысячи человек. Так, согласно статистическим данным, всего по ст. 159.2 УК РФ за мошенничество при получении выплат в 2015 г. было осуждено 1 870 человек (для сравнения в 2014 г. – 2 729 человек, в 2013 г. – 2 360 человек) как по основной квалификации, так и по дополнительной квалификации по числу составов преступлений) [4].

В соответствии с уголовным законом мошенничество при получении выплат – это хищение денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, установленных законами и иными нормативными правовыми актами, путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат.

Преступление, предусмотренное ст. 159.2 УК РФ, причиняет обществу не только материальный, но и моральный вред. Он выражается в том, что данное посягательство препятствует воспроизводству общественно одобряемых форм поведения и содействует развитию антиобщественных (а в ряде случаев и преступных) форм деятельности. Совершая преступление, предусмотренное ст. 159.2 УК РФ, виновный причиняет ущерб обществу не только самим этим преступным деянием, но и тем, что совершаемое им посягательство препятствует воспроизводству общественно одобряемых форм деятельности, в частности, таких как предоставление нуждающимся пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, установленных законами и иными нормативными правовыми актами.

Преступление, предусмотренное ст. 159.2 УК РФ является двухобъектным. Основным непосредственным объектом данного преступления являются отношения государственной и (или) муниципальной собственности. Обязательным дополнительным непосредственным объектом являются общественные отношения в сфере социального обеспечения, складывающиеся между гражданами, с одной стороны, и органами государственной власти (местного самоуправления), внебюджетными государственными фондами – с другой, по поводу предоставления гражданам за счет бюджетной системы Российской Федерации денежных средств и иного имущества в качестве мер социальной защиты.

Предметом преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ, являются денежные средства, предназначенные для социальных выплат, а также иное имущество, предназначенное для передачи физическим лицам в качестве мер социального обеспечения, установленных законами и иными правовыми актами. Данное обстоятельство обуславливает необходимость изменения наименования статьи в сторону конкретизации совершаемого виновным деяния – «Мошенничество при получении социальных выплат».

Под социальными выплатами следует понимать предусмотренные законами или иными нормативными правовыми актами меры социальной защиты, заключающиеся в перечислении из федерального бюджета, государственных внебюджетных фондов, бюджетов субъектов Российской Федерации и бюджетов муниципальных образований на безвозмездной и безвозвратной основе денежных средств физическим лицам в целях предупреждения или смягчения негативных последствий для человека и его семьи при наступлении определённых социально значимых обстоятельств, а также на сохранение приемлемого уровня их материального и социального благополучия.

Объективная сторона рассматриваемого преступления заключается в совершении хищения денежных средств и иного имущества, составляющих предмет мошенничества при получении выплат, специальным способом – путём предоставления заведомо недостоверных сведений относительно наличия оснований для производства соответствующих выплат или передачи имущества и (или) соответствия использования данных выплат их целевому назначению, а равно путём умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат. При хищении, совершённом путем умолчания о фактах, влекущих прекращение выплат, преступное поведение может выражаться как в форме действия, так и бездействия.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется прямым умыслом. Относительно размера похищаемого имущества и непосредственного основного объекта преступления (отношений государственной, муниципальной собственности, собственности юридических и физических лиц) умысел может быть как

конкретизированным, так и неконкретизированным. Корыстный мотив не является обязательным признаком субъективной стороны данного преступления.

Субъект данного преступления – общий, т. е. любое вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Каких-либо оснований для определения субъекта как специального не имеется.

Следует на законодательном уровне рассмотреть вопрос об изменении изложения диспозиции ч. 1 ст. 159.2 УК РФ в следующей редакции:

«Статья 159.2 Мошенничество при получении социальных выплат

1. Мошенничество при получении социальных выплат, то есть хищение денежных средств или иного имущества, а также приобретение права на чужое имущество путём обмана или злоупотребления доверием, в том числе за счёт предоставления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат, или препятствующих возникновению права на их получение, –

наказывается...».

В связи с этим очевидной является необходимость доработки данной статьи Особенной части УК РФ, которую необходимо провести в самом ближайшем будущем.

Конституция Республики Беларусь закрепляет в числе основных прав граждан право собственности – право каждого иметь в собственности имущество, свободно владеть, пользоваться и распоряжаться им. Государство гарантирует гражданам защиту их прав и свобод. Кроме того, отношения собственности являются одной из фундаментальных основ, обеспечивающих нормальное функционирование экономики. Одним из способов защиты прав и свобод граждан, а также интересов общества и государства, является их уголовно-правовая защита.

Согласно ч. 1 ст. 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь мошенничество представляет собой завладение имуществом либо приобретение права на имущество путём обмана или злоупотребления доверием.

Предметом преступного посягательства по данной форме хищения является имущество и право на имущество.

С объективной стороны мошенничество характеризуется тем, что собственник либо владелец имущества, будучи введённым в заблуждение, сам добровольно передаёт предмет преступления виновному.

Обман как способ введения в заблуждение собственника (владельца) может выразиться в двух формах: в активной форме, когда виновный сообщает потерпевшему ложные сведения, под влиянием которых последний передает имущество (право на имущество) виновному; в пассивной форме, когда виновный преднамеренно умалчивает об определённых фактах и обстоятельствах, в результате чего потерпевший передает имущество. Злоупотребление доверием как способ изъятия имущества состоит в том, что виновный, используя доверительные отношения с потерпевшим, добивается того, что последний передает ему имущество либо право на имущество.

Как и любая форма хищения, мошенничество с субъективной стороны характеризуется прямым умыслом и корыстной целью. Однако при этом необходимо установить, чтобы еще до получения имущества виновный имел намерение присвоить его, не собираясь выполнять принятые обязательства.

Субъектом хищения по данной форме может быть вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Наряду с общей нормой об ответственности за рассматриваемое посягательство (ст. 159 УК РФ) в УК РФ появились специальные нормы (стст. 159.1–159.6),

выделяющие различные виды мошенничества в зависимости от сферы его совершения. Таким образом, впервые за более чем полувековой период была произведена дифференциация уголовной ответственности и наказания за мошенничество, в основу которой положена сфера совершения рассматриваемых посягательств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров, И. В. Некоторые проблемы расследования преступлений / Преступность в Западной Сибири / И. В. Александров // Актуальные проблемы профилактики и расследования преступлений: сб. ст. по итогам всерос. науч.-практ. конф. – Тюмень, 2013. – С. 30.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон, 29 нояб. 2012 г., № 207-ФЗ // Рос. газета. – 2012. – 3 дек. – № 278.
3. Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/50864>. – Дата доступа: 27.01.2017.
4. Данные судебной статистики // Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> – Дата доступа: 26.01.2017.

УДК 343

Э. Р. ДУВАДАХ

Симферополь, КЮИ (ф) АГП РФ

Научный руководитель: Е. А. Комарова, кандидат юридических наук, доцент

РОЛЬ ПРОКУРОРА ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ

На современном этапе развития государства особое значение приобретает борьба с преступностью. Учитывая сложность этой борьбы, законодатель был вынужден обратиться к развитию правовых норм, которые стимулировали бы позитивное поведение лиц, совершивших преступление, путем смягчения им наказания или освобождения от уголовной ответственности.

Ряд используемых государством правовых институтов, таких, как смягчение наказания, деятельное раскаяние, специальные основания для освобождения от уголовной ответственности, особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, не в полной мере решали задачи противодействия организованной преступности. В связи с этим в соответствии со ст. 2 Федерального закона от 29 июня 2009 г., № 141-ФЗ внесены изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), раздел X УПК РФ дополнен гл. 40-1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве».

Возможность заключения досудебного соглашения о сотрудничестве предполагает побуждать привлекаемое к уголовной ответственности лицо к активному сотрудничеству с органами предварительного расследования в целях выявления и изобличения лиц, совершивших преступления, и розыска имущества, добытого преступным путем [6, с. 7].

В настоящее время можно отметить положительное значение института особого порядка судебного разбирательства в правоприменительной деятельности.

Данные изменения в законодательстве были положительно восприняты правоприменителями, поскольку предусмотренный гл. 40-1 УПК РФ особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением существенно экономит время и финансовые затраты на осуществление правосудия.

Таким образом, внедрение в российскую уголовную и уголовно-процессуальную практику института досудебного соглашения о сотрудничестве позволяет:

- повысить степень неотвратимости и неизбежности наказания для виновных лиц;
- эффективно воздействовать на раскрываемость латентной (скрытой) преступности;
- более оперативно производить следственные действия;
- реализовать право на судебное разбирательство в разумный срок;
- компенсировать (в определенной мере) финансовые затраты государства на оперативные мероприятия, предварительное расследование и судебное разбирательство [6, с. 9].

Согласно п. 6. приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 25 декабря 2012 г., № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» прокурорам при даче согласия на особый порядок судебного разбирательства следует руководствоваться предписаниями закона об условиях применения такой формы судопроизводства [3].

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 60 от 5 декабря 2006 г. «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» разъясняется, что, решая вопрос о возможности применения особого порядка судебного разбирательства по уголовному делу, следует иметь в виду, что в нормах гл. 40 УПК РФ указаны условия именно постановления приговора без проведения судебного разбирательства в особом порядке, а не условия назначения уголовного дела к рассмотрению. Поэтому даже при наличии ходатайства обвиняемого о применении особого порядка принятия судебного решения, но при наличии обстоятельств, препятствующих разбирательству уголовного дела в особом порядке, судья при назначении судебного заседания принимает решение об отказе в рассмотрении уголовного дела в особом порядке и о рассмотрении данного дела в общем порядке [4].

В соответствии с ч. 3 ст. 317¹ УПК РФ окончательное решение по рассматриваемому ходатайству о заключении соглашения о сотрудничестве принимает прокурор. Полномочия прокурора при рассмотрении ходатайства о заключении досудебного сотрудничества регулируется приказом Генерального прокурора Российской Федерации № 107 от 15 марта 2010 г. «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» [2].

Именно прокурор является постоянно действующим лицом практически на всех стадиях уголовного судопроизводства. Выполняя функции не только обвинителя, но и в определенной степени – гаранта прав и свобод участников процесса, он обязан повлиять на то, чтобы по уголовному делу, рассмотренному в особом порядке, был постановлен законный, обоснованный и справедливый приговор либо, используя свои полномочия, потребовать рассмотрения дела в общем порядке.

В соответствии с положениями ст. 317² УПК РФ при поступлении мотивированного постановления следователя и ходатайства подозреваемого (обвиняемого) о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве прокурор в течение трёх суток должен его рассмотреть и вынести одно из решений, предусмотренных законом.

Принятие прокурором решения об удовлетворении ходатайства подозреваемого (обвиняемого) является важным этапом на пути заключения досудебного соглашения, так как прокурор проверяет не только законность вынесенного следователем постановления, но и материалы предварительного расследования на момент заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

В случае принятия прокурором решения об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве следует незамедлительно направлять следователю, подозреваемому (обвиняемому), защитнику копию данного постановления с разъяснением права обжаловать его вышестоящему прокурору (ч. 2 ст. 317² УПК РФ).

Следует отметить, что решение об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве также, как и при обжаловании решения следователя, в данном случае подлежат применению без каких-либо ограничений положения гл. 16 УПК РФ, согласно которой участники уголовного судопроизводства могут обжаловать решения прокурора не только вышестоящему прокурору, но и в суд. Необходимо учитывать также позицию Верховного Суда Российской Федерации, изложенную в постановлении Пленума от 10 февраля 2009 г., № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», согласно которой суд обязан принять и рассмотреть в порядке ст. 125 УПК РФ жалобу на любые действия (бездействие) следователя, прокурора, принятые в ходе досудебного производства во всех случаях нахождения уголовного дела на досудебных стадиях уголовного процесса.

Исключительность полномочий прокурора при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве predetermined тем, что они не могут быть в полной мере реализованы иными участниками уголовно-процессуальной деятельности. В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ при выявлении нарушений норм уголовно-процессуального законодательства на этом этапе прокурор вправе требовать от следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе расследования [6, с. 9].

В соответствии со ст. 317⁶ УПК РФ основанием для рассмотрения судом вопроса об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, является уголовное дело, поступившее в суд с представлением прокурора, вынесенным в порядке, предусмотренном ст. 317⁵ УПК РФ, при этом закон не требует согласия потерпевшего на рассмотрение дела в таком порядке.

Необходимыми условиями для принятия в особом порядке судебного решения в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, являются: заключение обвиняемым соглашения о сотрудничестве добровольно и с обязательным участием защитника, а также подтверждение государственным обвинителем активного содействия обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления, проявленного в изобличении других

участников преступления, в розыске имущества, добытого в результате преступления (ч. 2 ст. 317⁶ УПК РФ) [6, с. 10].

Ч. 2 ст. 317⁶ УПК РФ регулирует условия особого порядка проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Суд должен удостовериться в том, что государственный обвинитель подтвердил активное содействие обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления, а также досудебное соглашение о сотрудничестве было заключено добровольно и при участии защитника.

В соответствии с чч. 1, 2 ст. 249 УПК РФ участие потерпевшего в суде обязательно по решению суда. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г., № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» закрепляет обязанность суда удостовериться в отсутствии у потерпевшего возражений против заявленного обвиняемым ходатайства [4]. С точки зрения Е. А. Филипповой, выяснение мнения потерпевшего о возможности рассмотрения дела в особом порядке судебного разбирательства на досудебных стадиях преждевременно, так как потерпевший не знает степени доказанности виновности подозреваемого, объема предъявленного обвинения и прочее [8].

Отсутствие потерпевшего в судебном заседании при рассмотрении дела в особом порядке порождает немало вопросов. Необходимость получения согласия на особый порядок судебного разбирательства от потерпевшего очевидна. Прокурор выражать мнение потерпевшего не может, так как их позиции по данному вопросу могут расходиться, законодатель отметил это в ч. 1 ст. 314 УПК РФ.

Как указывают Е. И. Попова и А. Н. Вдовин, при изучении материалов уголовных дел и при подготовке государственного обвинителя к участию в судебном разбирательстве в делах, рассматриваемых в особом порядке, прокурорам необходимо:

- при рассмотрении уголовных дел, поступивших с обвинительным заключением (обвинительным актом, обвинительным постановлением), с особым вниманием подходить к изучению тех из них, что имеют перспективу дальнейшего рассмотрения в особом порядке; бескомпромиссно пресекать любые нарушения закона, особенно те, которые нарушают права и законные интересы обвиняемого, а также лица, потерпевшего от преступления;
- государственному обвинителю согласовывать свою позицию по вопросу о возможности рассмотрения уголовного дела судом в особом порядке с надзирающим прокурором и прокурором, утверждающим обвинительное заключение (обвинительный акт, обвинительное постановление);
- работникам прокуратуры взаимодействовать со следователем (дознавателем) и оперативными сотрудниками, что позволит наиболее полно исследовать событие преступления и личность преступника, уяснить характер и степень противодействия стороны защиты и др. [7].

Итак, рассмотрение ходатайства подсудимого о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в соответствии с ч. 3 ст. 316 УПК РФ начинается с изложения государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения. Прокурор вправе возразить против проведения особого порядка, если в судебном заседании будут установлены обстоятельства, препятствующие этому.

Таким образом, роль прокурора и государственного обвинителя при применении особого порядка судебного разбирательства и при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве достаточно значительна.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 07.03.2017 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант-Плюс». – М., 2017.

2. Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам [Электронный ресурс] : приказ Ген. прокурора Рос. Федерации, 15 марта 2010 г., № 107 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант-Плюс». – М., 2017.

3. Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства [Электронный ресурс] : приказ Ген. прокурора Рос. Федерации, 25 дек. 2012 г., № 465 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант-Плюс». – М., 2017.

4. О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верх. Суда Рос. Федерации, 5 дек. 2006 г., № 60 : в ред. постановления Пленума Верх. Суда Рос. Федерации от 22.12.15 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант-Плюс». – М., 2017.

5. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верх. Суда Рос. Федерации, 10 фев. 2009 г., № 1 : в ред. постановления Пленума Верх. Суда Рос. Федерации от 28.01.14 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант-Плюс». – М., 2017.

6. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : пособие / Г. Д. Белова [и др.] ; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2011. – 96 с.

7. Попова, Е. И. Особенности подготовки государственного обвинителя к рассмотрению уголовного дела судом в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением / Е. И. Попова, А. Н. Вдовин // Законность. – 2016. – № 6 (980). – С. 18–21.

8. Филиппова, Е. А. Специфика участия прокурора в особом порядке судебного разбирательства / Е. А. Филиппова. – Весник ОГУ. – 2008. – № 83. – С. 117–119.

УДК 343

Е. П. СКОРОБУТОВ

Симферополь, КЮИ (ф) АГП РФ

Научный руководитель: В. А. Робак, кандидат юридических наук, доцент

СРАВНИТЕЛЬНАЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 228 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТ. 328 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В ст. 228 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) предусмотрена уголовная ответственность за незаконные действия относительно

наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества без цели сбыта. Относительно Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) в данном составе преступления существует разграничение: в ч. 1 ст. 328 УК РБ указаны все незаконные действия, с указанными предметами, без цели сбыта, в ч. 2 ст. 328 УК Республики Беларусь – те же действия, но с целью сбыта.

Объективная сторона преступления ст. 228 УК РФ характеризуется альтернативно указанными совершаемыми незаконно действиями: приобретением, хранением, перевозкой, изготовлением, переработкой наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества. Приобретение может иметь как возмездный, так и безвозмездный характер. Возмездное приобретение – покупка, получение в качестве взаиморасчёта за проделанную работу, оказанную услугу или в уплату долга, в обмен на другие товары и др. Безвозмездное приобретение – получение в дар, сбор дикорастущих наркосодержащих растений или их частей, обращение в свою пользу найденных предметов преступления и т. д.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г., № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» под незаконной перевозкой наркотиков понимаются умышленные действия лица, которое перемещает без цели сбыта наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги из одного места в другое, в том числе в пределах одного и того же населённого пункта, совершённые с использованием любого вида транспорта или какого-либо объекта, применяемого в виде перевозочного средства.

Под незаконным хранением наркотических средств, психотропных веществ либо их аналогов, наркосодержащих растений или их частей понимается любое умышленное деяние, связанное с нахождением наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, наркосодержащих растений или их частей в фактическом владении лица, не имеющего на то законного основания.

Верховный Суд Российской Федерации в постановлении Пленума от 15 июня 2006 г., № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (далее – Постановление) разъясняет, что под незаконной перевозкой наркотиков понимаются умышленные действия лица, которое перемещает без цели сбыта наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги из одного места в другое, в том числе в пределах одного и того же населённого пункта, совершённые с использованием любого вида транспорта или какого-либо объекта, применяемого в виде перевозочного средства, а также нарушение общего порядка перевозки указанных средств и веществ, установленного ст. 21 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах».

Действия, направленные на приведение наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в удобное для потребления состояние, ошибочно квалифицируются как их незаконные изготовление или переработка.

В п. 9 Постановления под незаконным изготовлением наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов без цели сбыта следует понимать совершение умышленных действий, в результате которых из растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические

средства или психотропные вещества, лекарственных, химических и иных веществ получено одно или несколько готовых к использованию и потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов [2].

В п. 10 Постановления Верховный Суд трактует понятие незаконной переработки таким образом, что под незаконной переработкой понимается умышленные действия по рафинированию (очистке от посторонних примесей) твердой или жидкой смеси, содержащей одно или несколько наркотических средств или психотропных веществ, либо по повышению в такой смеси (препарате) концентрации наркотического средства или психотропного вещества, а также по смешиванию с другими фармакологическими активными веществами с целью повышения их активности или усиления действия на организм.

В соответствии с ч. 1 ст. 328 УК Республики Беларусь объективная сторона данного состава преступления состоит в незаконном изготовлении, переработке, приобретении, хранении, перевозке или пересылке.

Изготовление наркотических средств и психотропных веществ – действия, в результате которых могут быть получены наркотические средства и психотропные вещества, а также преобразование одних наркотических средств или психотропных веществ в другие наркотические средства или психотропные вещества (ч. 5 ст. 1 Закона Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах»).

Переработка наркотических средств и психотропных веществ – действия, в результате которых происходит очистка от примесей (рафинирование), повышение концентрации наркотических средств или психотропных веществ, а также получение на их основе веществ, не являющихся наркотическими средствами или психотропными веществами (ч. 7 ст. 1 Закона Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах»).

Незаконным приобретением наркотических средств, психотропных веществ либо прекурсоров, следует считать покупку, принятие в дар, получение в счет долга, займы, в качестве оплаты за услуги, в результате обмена на другие предметы, присвоение найденного, сбор дикорастущих растений или частей, содержащих наркотические вещества, а равно остатков неохраняемых посевов наркотикосодержащих растений после завершения их уборки и т. п. Приобретение наркотических средств следует считать оконченным преступлением с момента их перехода во владение виновного.

Под незаконным хранением наркотических средств, психотропных веществ либо прекурсоров следует понимать любые умышленные действия, связанные с фактическим нахождением таких средств и веществ во владении виновного (при себе, в тайнике, в помещении и других местах). Ответственность за хранение наступает независимо от его продолжительности. Хранение наркотических средств или психотропных веществ – длящееся преступление.

Перевозкой наркотических средств, психотропных веществ либо прекурсоров являются умышленные действия по их перемещению из одного места в другое, в том числе в пределах одного и того же населённого пункта, совершённые с использованием любого вида транспортных средств и в нарушение порядка, установленного Законом Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах». Перевозка может совершаться не только владельцем наркотических средств или психотропных веществ, но и другими лицами, получившими их на временное хранение. Под пересылкой названных средств, веществ либо прекурсоров следует понимать отправление их из одного пункта в другой почтой, багажом, нарочным,

с использованием транспортных средств или иным способом, когда фактическое перемещение их в пространстве осуществляется без участия отправителя.

Согласно п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами и их прекурсорами, сильнодействующими и ядовитыми веществами» под незаконным сбытом наркотических средств, психотропных веществ или прекурсоров, сильнодействующих и ядовитых веществ понимается как возмездная, так и безвозмездная их передача другим лицам, которая может быть осуществлена посредством продажи, дарения, обмена, уплаты долга, дачи взаймы и иным способом.

Предмет преступления ст. 228 УК РФ и ст. 328 УК Республики Беларусь имеет существенные различия. В ст. 228 предметом выступают наркотические средства, психотропные вещества, аналоги наркотических средств и психотропных веществ, растения, содержащие наркотические средства и психотропные вещества либо их части, содержащие наркотические средства и психотропные вещества. В составе преступления по ст. 328 УК Республики Беларусь предметом выступают наркотические средства, психотропные вещества, а также прекурсоры и аналоги. Также присутствуют различия в наказаниях за незаконное с целью сбыта изготовление, переработку, приобретение, хранение, перевозку или пересылку либо незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ либо прекурсоров с целью изготовления таких средств или веществ (ч. 2 ст. 328 УК Республики Беларусь и ст. 228.1 УК РФ).

По нашему мнению, более целесообразной является конструкция состава преступления по ст. 328 УК Республики Беларусь, имеющая более узкую структуру, тем самым позволяющая более точно квалифицировать указанные деяния.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Курченко, В. Н. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты: дис. ... д-ра. юрид. наук : 12.00.08 / В. Н. Курченко. – Екатеринбург, 2003. – 519 с.

2. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации, 15 июня 2006 г., № 14: в ред. постановления Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 30.06.2015 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант-Плюс». – М., 2017.

3. Сыромятников, С. В. Производные наркотических средств и психотропных веществ / С. В. Сыромятников, И. И. Сарычев // Наркоконтроль. – 2011. – № 2. – С. 21.

4. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами и их прекурсорами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (стст. 327–334 УК) [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 26 марта 2003 г., № 1: в ред. постановления Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 31.03.2016 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5. О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 408-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2016 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 343.98

А. М. ХЛУС

Минск, БГУ, кандидат юридических наук, доцент

ОБЪЕКТНО-ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ КРИМИНАЛИСТИКИ И ЕЁ ТЕНДЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ КОРРУПЦИИ

В современном мире глобализация предоставляет для государств возможность развития по различным направлениям. Сфера экономики является важнейшим и основополагающим направлением глобализационного преобразования.

Процессы мировой глобализации стимулировали региональную экономическую интеграцию. В первую очередь это коснулось государств бывшего СССР, руководители которых в мае 2014 г. в г. Астане подписали договор о создании Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). В его составе – Российская Федерация, Беларусь, Казахстан, Армения и Киргизия. Одной из целей ЕАЭС является создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения [1].

Интеграция государств ЕАЭС предполагает достижение экономических результатов по направлениям: наращивание производства товаров и снижение их цены, увеличение средней заработной платы и благосостояния народов стран-участниц ЕАЭС, повышение окупаемости новых технологий, увеличение объема ВВП стран-участниц минимум на 25 % и др. Не все результаты достигли цели. Возникшие проблемы разноплановы: отсутствие единого финансового регулятора, единых правил торговли энергоносителями, существующие изъятия и ограничения в торговле между участниками ЕАЭС.

Наряду с преимуществами глобализации необходимо отметить её недостаток – рост транснациональной преступности. Стратегическими приоритетами в борьбе с транснациональной преступностью являются терроризм, торговля людьми, незаконный оборот наркотических средств, киберпреступность, а также коррупция. Важным фактором, влияющим на развитие интеграционных отношений между странами, в том числе и ЕАЭС, является коррупция.

Коррупция превратилась в глобальную проблему. Понимание этого повлекло принятие Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции. Согласно Конвенции, коррупция – уже не локальная проблема, а «транснациональное явление», затрагивающее все страны, а «предупреждение и искоренение коррупции – это обязанность всех государств» [2].

В последние годы проблема коррупции для многих государств, в том числе и для стран-участниц ЕАЭС, значительно обострилась. Не наблюдается существенного изменения количества совершаемых преступлений коррупционной направленности. Не в пользу стран-участниц ЕАЭС показатели Индекса восприятия коррупции. В соответствии с рейтингом международной организации Транспаренси Интернэшнл страны ЕАЭС в 2016 г. занимали следующие места: Армения – 113, Беларусь – 79, Россия – 131, Казахстан – 131 и Киргизия – 136. Показатели Индекса восприятия коррупции большинства стран-участниц ЕАЭС (кроме Беларуси) в 2016 г. ухудшились по сравнению с 2015 г. Для мирового сообщества государства ЕАЭС представлены с высоким уровнем коррупции. Можно ли доверять этим результатам? Вопрос очень сложный, если не учитывать, что рейтинговые показатели, кроме общей оценки состояния коррупции в странах, отражают политику конкурирующих государств.

Внимательное ознакомление с таблицей Индекса восприятия коррупции за 2016 г. позволяет увидеть, что рейтинговые показатели противоборствующих стран резко отличаются друг от друга. Например, Германия и Великобритания в рейтинге занимают 10 место, США – 18, а Россия – 131, большинство других стран СНГ также во второй сотне. Красноречиво свидетельствуют об отношении к России, Китаю и, надо понимать, к их союзникам, слова президента США, который назвал Россию и Китай соперниками США [3]. При этом надо учитывать и введённые США против России экономические санкции [4].

Внутри государств состояние коррупции анализируется как государственными органами, так и общественными организациями. Например, исследовательский центр Института приватизации и менеджмента (ИПМ) провел опрос 400 руководителей малых и средних предприятий. Опрошенные предприниматели среди 22 барьеров, препятствующих развитию бизнеса в Беларуси, поставили коррупцию на 9 место. Это позволяет сделать вывод о снижении степени опасности коррупции для бизнеса. На основе анализа полученных данных был рассчитан Индекс восприятия коррупции, который существенно отличается от показателей, представленных международной организацией Транспаренси Интернэшнл. Полученный уровень восприятия коррупции в 60 баллов соответствует 30–35 месту в рейтинге, наравне с показателями (2015 г.) таких стран как Польша, Тайвань, Кипр, Израиль, Литва и Словения [5]. Конечно, вывод, сделанный исследовательским центром ИПМ, не следует считать репрезентативным, потому что он основан на ограниченном материале, на мнении малого и среднего бизнеса, а не общества в целом. Тем не менее, он выглядит обнадеживающим и позволяет сомневаться в объективности выводов, сделанных международной организацией Транспаренси Интернэшнл, несмотря на её авторитетность.

С момента подписания договора о создании ЕАЭС коррупция как социальное явление выходит за рамки национальных государств и превращается в общую проблему стран-участниц Союза.

На первый взгляд данная проблема не препятствует интеграционным процессам стран-участниц ЕАЭС. Но в действительности коррупция имеет отношение к экономической сфере. Её экономическая составляющая обусловлена связью с экономикой, с финансовыми потоками и товарооборотом. Коррупция является одним из основных негативных механизмов, тормозящих экономический рост государств ЕАЭС. По мнению экспертов Мирового банка, коррупция является главной экономической проблемой современности [6].

Глобализация влечет за собой ряд иных негативных последствий, угрожающих не только национальным интересам, но и мировому сообществу в целом. Угрозы для государств, исходящие от преступности и даже от транснациональной преступности, несравнимы с той угрозой, которая заложена в идее «золотого миллиарда». В её основе проблема перенаселения планеты людьми, которых, по мнению разработчиков концепции, не должно быть более одного миллиарда. На первый взгляд эта концепция может показаться абсурдной. Но то, что происходит в мире, не может не вызывать тревожность. Еще четверть века назад Джон Колеман в своей книге «Комитет 300» описал намерения тайного общества в составе крупнейших банкиров и олигархов сформировать мировое правительство для организации «нового мирового порядка» [7]. Содержание этой книги, несмотря на её серьёзность, двадцать пять лет назад воспринималось как фантастика. Но с позиции сегодняшнего дня всё изложенное в ней оценивается уже иначе. Более того, можно наблюдать реализацию идей, задуманных

«мировым правительством», которое находится в тени и в полной неизвестности. Во многих странах на основе развития информационно-коммуникационных технологий реализуется программа формирования электронного правительства. В Беларуси создание системы «Электронное правительство» предусматривалось Стратегией развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 г., утверждённой постановлением правительства от 9 августа 2010 г., № 1174.

При внешней привлекательности электронного правительства, невольно напрашивается вопрос, а не является ли это этапом на пути к формированию мирового правительства, которое будет управлять планетой. При этом государства, как таковые исчезнут, а их население превращается в легко управляемые массы, посредством применённых нанотехнологий.

Подобная информация противоречит здравому смыслу. Складывается впечатление о её абсурдности и фантастической сущности. Но факты – упрямая вещь. В Российской Федерации реализуется Стратегия развития электронной промышленности России на период до 2025 г., утверждённая приказом Министерства промышленности и энергетики Российской Федерации от 7 августа 2007 г., № 311 (далее – Стратегия), согласно которой «внедрение нанотехнологий должно ещё больше расширить глубину их проникновения в повседневную жизнь населения» [8]. Безусловно, техническое совершенство само по себе является положительным фактором в развитии человечества. Но проблема в ином. Как сказано в Стратегии: «должна быть обеспечена постоянная связь каждого индивидуума с глобальными информационно-управляющими типа Интернет». Как же её можно обеспечить? Разработчики Стратегии предполагают внедрить в тело человека-биообъекта чип, фактически превратив его в нанобиоробота, так как на него будет воздействовать посредством Интернет «глобальный управляющий».

Что же можно противопоставить новым формам преступной, в том числе и коррупционной, деятельности? Какая наука должна находиться на передовых рубежах противодействия преступности, развивающейся в процессе глобализации? Такой наукой представляется криминалистика. Но возможно ли решение обозначенных проблем, основываясь на положениях классической криминалистики? По всей видимости – нет.

Для ответа на вопрос, какой должна быть современная криминалистика, необходимо обратить внимание на её объектно-предметную область.

Предмет криминалистики взаимосвязан с изучаемыми криминалистикой объектами, с целью познания их закономерностей. Предложенное Р. С. Белкиным определение понятию «криминалистика» указывает на преступление и процесс собирания, исследования, оценки и использования доказательств как на объекты научного познания. Такое рассмотрение объекта криминалистики вполне приемлемо в период до начала 90-х гг. прошлого столетия. Рассмотрение преступления в качестве объекта криминалистики до определённого момента отражает её сущностное назначение как «науки о реальностях уголовного права» (Г. Гросс). Изучая только «реальности уголовного права» криминалистика находится в «прокрустовом ложе» уголовного права, что не оправдано с позиции сегодняшнего дня, особенно в условиях активно развивающихся глобализационных процессов. Понимание этого позволило учёным пересмотреть свои взгляды на объект криминалистики, представляя его как двуединый объект. В качестве его составляющих рассматриваются два противоположных вида деятельности человека. С одной стороны преступная деятельность по подготовке, совершению и сокрытию преступлений, а с другой –

деятельность по выявлению, раскрытию, расследованию преступлений [9, с. 32]. Следовательно, криминалистика изучает те закономерности, которые находятся в основе этих видов деятельности, и разрабатывает практические рекомендации противодействия преступности.

Ознакомление с закономерностями преступной деятельности [10, с. 34] позволяет сделать вывод, что реально познаётся не преступная деятельность, а её результат – преступление. Многие авторы сводят понятие преступной деятельности практически к единичным преступным актам, хотя данные понятия следует различать. Не одинаков и процесс их познания. Как справедливо заметил А. В. Дулов: «изучение преступления не тождественно изучению преступной деятельности» [11, с. 73]. Любая деятельность осуществляется через взаимодействия субъекта со средствами, предметом, внешними условиями, которые включают в себя среду, людей. Они приводят к передаче информации, энергии и вещества, от субъекта к другим субъектам, средствам, предметам, среде, которые также активно воздействуют на человека, что вызывает изменения, отражающие деятельность. Эти изменения позволяют познать сущность, например, совершённого преступления. Понятие «преступная деятельность» шире понятий «преступление» и «преступность», которые являются её элементами. Преступления представляются единичными актами, а их множество составляет преступность в системе общества.

Преступную деятельность следует рассматривать в узком и широком смысле. В узком смысле следует понимать преступную деятельность, реализуемую с целью совершения одного или нескольких (серии) преступлений. Такая деятельность может быть изучена в процессе расследования отдельных или совокупности преступлений, совершённых одним субъектом или в составе группы. Преступную деятельность в широком смысле следует понимать как направление жизнеобеспечения преступной части общества, способ её существования посредством совершения отдельных преступлений и их множества.

Преступления и их совокупность – неперемнная составная часть преступной деятельности. Но некоторые виды преступлений и отдельные преступления выходят за рамки преступной деятельности и рассматриваются как отдельные проявления преступности. К ним относятся все преступления, совершаемые по неосторожности, спонтанные преступления, не предусматривающие этапы подготовки и сокрытия.

Деятельность по расследованию преступления направлена на выявление, исследование материальных элементов его структуры, следов их проявления в окружающей среде, на основе которых познаются способ совершения, мотив и цели деяния. По мнению А. В. Дулова, чтобы изучить преступную деятельность, первоначально надо выявить и исследовать совокупность материальных следов, объектов (элементов), характеризующих преступление как явление, событие [11, с. 73]. Но изучить преступление не всегда означает познать преступную деятельность.

По-нашему мнению, криминалистика не должна довольствоваться исследованием только результатов преступной деятельности – преступлений. С учётом тенденций современного мира (глобализация, информатизация, развитие нанотехнологий, информационные войны), её роль, назначение должны быть преобразованы.

Негативные тенденции в развитии мирового сообщества, а также появление транснациональной преступности определяют необходимость пересмотра подходов к исследованию преступной деятельности как объекта криминалистики.

Криминалистике посредством своих приёмов и методов необходимо оказывать опережающее воздействие на преступную деятельность. Реализация этого должна основываться на уточнении объекта криминалистики и расширении её предмета.

Объект криминалистики может быть скорректирован в части правоохранительной деятельности, которая не должна ограничиваться только одним направлением: раскрытием и расследованием преступлений. Органы, осуществляющие противодействие преступности, следует ориентировать на изучение преступной деятельности в широком понимании.

Уточнение объекта криминалистики определяет необходимость расширения предмета исследований в отношении преступной деятельности. Предмет криминалистики расширяется за счёт необходимости познания закономерностей возникновения и развития преступной деятельности. Их познание позволит обеспечить разработку адекватных мер противодействия преступной деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : подписан в г. Астане 29 мая 2014 г. : в ред. от 08.05.2015. – Режим доступа: www.consultfnt.ru/document/cons_dos_LAW_163855. – Дата доступа: 18.11.2016.

2. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции [Электронный ресурс] : принята Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, 31 окт. 2003 г. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml. – Дата доступа: 16.11.2016.

3. Обама в своей прощальной речи назвал Россию и Китай соперниками США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.news.mail.ru/politics/28385972/?frommail=1>. – Дата доступа: 11.01.2017.

4. США анонсировали новые экономические санкции против России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rosbalt.ru/world/2016/09/06/1547839.html. – Дата доступа: 11.01.2017.

5. Бизнес назвал самые коррумпированные государственные службы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: news.mail.ru/economics/28384550/?frommail=1. – Дата доступа: 11.01.2017.

6. Мельник, Н. И. Экономический аспект коррупции [Электронный ресурс] / Н. И. Мельник. – Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1225287>. – Дата доступа: 09.01.2017.

7. Колеман, Дж. Комитет 300 [Электронный ресурс] / Дж. Колеман. – Режим доступа: http://www.modernlib.ru/books/kolemen_dzhon/komitet_300/read. – Дата доступа: 12.01.2017.

8. Об утверждении Стратегии развития электронной промышленности России на период до 2025 г. [Электронный ресурс] : приказ М-ва промышленности и энергетики, 7 авг. 2007 г., № 311. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант-Плюс». – М., 2017.

9. Криминалистика : учебник для вузов / Т. В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Р. С. Белкина. – М. : НОРМА-ИНФРА. – М., 1999. – 990 с.

10. Яблоков, Н. П. Криминалистика: природа, система, методологические основы / Н. П. Яблоков, А. Ю. Головин. – М. : НОРМА, 2012. – 288 с.

11. Криминалистика : учеб. пособие / А. В. Дулов [и др.] ; под ред. А. В. Дулова. – Минск : Экоперспектива, 1996. – 415 с.

УДК 343.1

Г. М. ТРЕТЬЯКОВ

Гродно, ГрГУ имени Я. Купалы, кандидат юридических наук, доцент

РЕЙДЕРСКИЙ ЗАХВАТ КАК МЕХАНИЗМ ПРОТИВОПРАВНОГО ПЕРЕДЕЛА СОБСТВЕННОСТИ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В настоящее время достаточно широкий общественный резонанс приобрёл сравнительно новый вид преступной деятельности, связанный с криминальным захватом субъектов хозяйственной деятельности и их имущества – рейдерство. Способы подготовки, совершения и сокрытия данных преступлений интегрируются в высокоинтеллектуальные криминальные технологии, содержащие самые современные и эффективные знания, приёмы, методы, средства, соответствующие умения и навыки, объединённые в преступных целях.

Современные технологии захвата имущества по «серым» схемам, характеризуются совершенством с интеллектуальной точки зрения. Данные действия пока ещё не получили должной уголовно-правовой оценки в правоприменительной практике.

Способы совершения рейдерских захватов отличаются большим многообразием, что, безусловно, отражается на иных элементах криминалистической характеристики.

В литературе отмечается, что «процедура недружественного поглощения состоит из следующих этапов:

- сбор и анализ информации о потенциальном объекте или поступление заказа на объект;
- разработка бизнес-плана;
- разработка плана захвата;
- привлечение необходимых ресурсов (информационных, материальных, кадровых, административных);
- корректировка бизнес-плана;
- реализация плана захвата;
- реализация захваченных активов» [1, с. 19].

Сложность противодействия рейдерскому захвату определяется тем, что каждый из вышеназванных этапов определяет организационные и тактические особенности противодействия различными правоохранительными структурами и их подразделениями. В этой связи большое значение приобретает наличие эффективного взаимодействия между различными структурами в процессе выявления преступной деятельности, фиксации следовой информации, определения её доказательственного значения.

Во многих странах рейдерство стало одним из видов высокодоходного бизнеса. Существуют организации, специализирующиеся на рейдерских захватах. Они могут иметь различное официальное прикрытие, значительные объёмы свободных финансовых средств, отработанные механизмы эффективного привлечения силового, судебного, административного ресурсов. Такие организации способны как выполнить рейдерский захват самостоятельно под заказ или под дальнейшую реализацию захваченных активов, либо оказывать высококвалифицированную поддержку компании-агрессору.

Поскольку, как уже было отмечено выше, осуществление рейдерского захвата представляет собой длительное, растянутое во временных рамках мероприятие, оно может включать в себя множественность действий, в том числе криминальных, т. е.

предусматривать совершение не одного, а нескольких преступных действий, объединённых единым умыслом. Данный комплекс действий может охватываться различными статьями Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Отмечается, что к основным способам, которыми пользуются рейдеры, можно отнести:

а) законное и незаконное завладение акциями (долями) хозяйственного общества с целью перерегистрации субъекта, приобретение права на акции (доли) и т.п.;

б) организация помех, которые приводят к нарушению правил проведения общих собраний участников общества с целью последующего обращения в суд;

в) создание условий, вынуждающих основных собственников (учредителей) организации передать контроль над активами в руки других лиц через множественные проверки налоговых, финансовых, природоохранных, противопожарных, иных контролирующих и правоохранительных органов, организуемые по заявлениям подставных лиц;

г) установление контроля над лицами, входящими в органы управления обществом;

д) инициирование ложных и преднамеренных банкротств, когда рейдером ставится задача: добиться назначения «своего» временного или антикризисного управляющего с практически более широкими полномочиями, чем у руководителя данной организации;

е) инициирование дел о взыскании задолженности с объекта будущего захвата [1, с.19].

Анализ мировой практики, мнений различных исследователей, занимавшихся проблемами противодействия рейдерским захватам позволяют выделить несколько принципиально важных моментов, определяющих криминалистический портрет личности лиц, осуществляющих данный вид деятельности.

1. В подавляющем большинстве случаев криминальные рейдерские захваты осуществляются организованными преступными группами; в преступной группе, осуществляющей рейдерский захват, всегда присутствует чёткое разграничение функциональных обязанностей.

Чёткое функциональное распределение обязанностей позволяет, с одной стороны, установить, в случае эффективного проведения таких следственных действий как допрос и очная ставка, роль каждого участника в совершении преступного действия, однако в то же время позволяет уйти от ответственности тем участникам группы, чьи действия не несли признаков уголовно-наказуемого деяния. К тому же во многих случаях, именно данные лица могут выступать в качестве организаторов рейдерского захвата.

2. Рейдерский захват представляет собой высокоинтеллектуальное мероприятие. В большинстве случаев его организуют лица, имеющие большой опыт работы в сфере хозяйственной деятельности, опыт в сфере корпоративных взаимоотношений, в области бухгалтерского учёта, управления финансовыми и материальными ресурсами и т. д.

3. Криминальное рейдерство неразрывно связано с коррупцией.

Отмечается, что в рамках этой криминальной взаимосвязи «происходит "захват бизнеса" с использованием властных полномочий для обеспечения теневого контроля отдельных групп над целыми отраслями или даже над экономикой в целом. Намечилась тенденция захвата рейдерами непрофильного бизнеса, который может понадобиться не

как предприятие, а как занимаемое им здание или земельный участок. В подобном случае наблюдается согласованность и одновременность действий госструктур, органов местного самоуправления, предполагаемых собственников или арендаторов здания или земельного участка» [2, с. 22].

Влияние на формирование всех исследуемых элементов криминалистической характеристики преступления оказывает обстановка совершения преступления. При расследовании преступных посягательств, связанных с криминальным рейдерством, исследование обстановки совершения преступления должно выражаться в установлении времени, места, условий совершения преступления, взаимосвязей между обстановкой совершения преступления и выбором определённого способа его совершения в зависимости от условий, в которых функционирует субъект хозяйствования, профессиональных и иных качеств лиц, совершающих исследуемую категорию преступлений.

По данной категории преступлений в структуру обстановки включаются две категории обстоятельств: основные и дополнительные. К первым относят объекты, явления и процессы, которые характеризуют «вещественные, технические, пространственные, временные, природно-климатические и иные условия окружающей среды, особенности поведения не прямых участников противоправного события, психологические связи между ними и другие обстоятельства объективной реальности, сложившиеся независимо или по воле участников в момент преступления, влияющие на способ его совершения и механизм, проявляющиеся в различного рода следах, позволяющих судить об особенностях этой системы и содержании преступления». К дополнительным относятся обстоятельства, способствующие созданию уязвимости предприятия для рейдерских захватов [3, л. 54-55].

С позиции анализа следообразующих событий при совершении преступлений, связанных с криминальным рейдерством, следовая информация состоит из двух связанных между собой частей:

- неправомерного получения контроля над субъектом предпринимательской деятельности, его активами;
- легализации результата, полученного в результате преступной деятельности.

Основным источником следовой информации, отражающим признаки криминального рейдерства, будут являться документы, связанные с деятельностью юридического лица.

Таким образом, подводя итог, можно сделать следующие выводы.

С криминалистической точки зрения криминальное рейдерство можно определить следующим образом: тщательно спланированная, высокотехнологичная цепь преступных посягательств, складывающихся из общих элементов механизмов отдельных преступлений и комплексных правовых, экономических и организационных мероприятий, направленных на завладение активами субъекта предпринимательской деятельности.

Механизм криминального рейдерского захвата состоит из отдельных самостоятельных этапов, включающих в себя различные сочетания, законных, противоправных и коллизионных методов достижения преступных целей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каменков, В. С. Рейдеры – пираты в белых воротничках / В. С. Каменков // Директор. – 2008. – № 1. – С. 18–24.

2. Андреева, Л. А. Рейдерство – общеуголовное преступление / Л. А. Андреева // Вопросы современной юриспруденции. – 2013. – № 30. – С. 20-28.

3. Зенкин, А. Н. Методика расследования преступлений, связанных с незаконным захватом («недружественным поглощением») организаций с использованием подложных документов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. Н. Зенкин. – М., 2009. – 274 л.

УДК 343.3/7

О. Е. КАЛПИНСКАЯ

*Великий Новгород, НовГУ имени Ярослава Мудрого, кандидат юридических наук
доцент*

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ БОРЬБЫ С БАНДИТИЗМОМ

Подход к преступности как социальному негативному явлению предполагает разработку стратегий борьбы с ней. Стратегии борьбы с бандитизмом можно характеризовать как многоуровневую систему государственных и общественных мер, способствующую устранению причин и условий, ведущих к созданию банд и совершению ими общественно опасных преступлений.

Доминирующее значение в указанной системе мер имеют уголовно-правовые меры, позволяющие сдерживать преступность уже на ранней стадии её развития. Как показали исследования, действующая регламентация уголовно-правовых средств борьбы с бандитизмом далека от совершенства, что свидетельствует о существенных просчётах, допущенных в уголовном законодательстве.

Прежде всего, необходимо отметить фактическое дублирование стст. 209 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Бандитизм» [1] и 210 УК РФ [1] «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)», связанное с невозможностью чёткого отделения банды от преступной организации или сообщества. Между тем, мера ответственности за данные деяния существенно различается. Также существует проблема квалификации бандитизма при отсутствии реализованных фактов нападения банды на граждан или организации. Следовательно, одним из направлений повышения эффективности борьбы с бандитизмом является совершенствование уголовного законодательства.

Действующее Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г., № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» [2] за 20 лет в значительной степени устарело и не охватывает всех необходимых аспектов правоприменительной деятельности в исследуемом вопросе. Поэтому в целях совершенствования правоприменительной практики следует принять новое Постановление, которое должно быть посвящено не только определению признаков состава ст. 209 УК РФ [1], но и проблеме отграничения бандитизма от смежных норм УК РФ, а также вопросам квалификации совокупности преступлений, совершаемых бандами. Это позволит устранить проблему двойной ответственности за одно правонарушение.

Большое значение имеют правовые стратегии специального характера, в частности – побуждение участников банд к деятельному раскаянию и пропаганда уголовного законодательства.

Для побуждения участников банд к деятельному раскаянию следует дополнить ст. 209 УК РФ примечанием следующего содержания: «Лицо, добровольно

прекратившее участие в банде и активно способствовавшее раскрытию или пресечению этого преступления, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Пропаганда уголовного законодательства относится к раннему предупреждению преступлений, совершаемых бандами, поскольку нацелена на личность, находящуюся на начальном этапе своей криминализации. Она может применяться в ходе осуществления как общей, так и специальной профилактики, кроме того, является ещё и идеологической мерой предупреждения бандитизма. Достижение профилактической цели пропаганды уголовно-правовых норм предполагает доведение до сведения неустойчивых лиц угрозы наказанием за вхождение в банду, организацию банды, а также пособничество бандитам.

Определённый эффект могут дать также мероприятия виктимологической профилактики бандитизма: извещение граждан через СМИ об имеющихся на территории региона фактах бандитизма, увеличение числа полицейских нарядов около рынков, торговых точек и иных мест распространения бандитизма, проведение бесед с теми категориями населения, социальное положение и профессиональная деятельность которых вызывает повышенный интерес бандитов, а также обучение граждан элементарным приемам самообороны.

Кроме виктимологической профилактики, необходима также девиктимизация, целью которой является нейтрализация негативных последствий виктимизации, а также реабилитация конкретных жертв преступления. В этом плане, помимо реализации мер общепрофилактического характера, направленных на устранение чувства страха у населения, на поднятие престижа правоохранительных органов и т. п., необходимы психологические центры реабилитации потерпевших от преступлений, совершаемых бандами. Высокую степень эффективности в этом вопросе имеют так называемые «телефоны доверия».

На наш взгляд, одной из основных задач специального предупреждения должна стать разработка комплексной федеральной программы борьбы с бандитизмом, которая бы включала, кроме рассмотренных выше стратегий борьбы с бандитизмом, специальные социально-экономические, организационно-управленческие, идеологические и другие специально-криминологические стратегии, позволяющие оказывать нейтрализующее воздействие на такой сложный, неоднородный феномен преступности как бандитизм.

Таким образом, мы можем сформулировать основные направления деятельности государства по повышению эффективности борьбы с бандитизмом:

- совершенствование действующего уголовного законодательства (устранение фактического дублирования ст.ст. 209 УК РФ «Бандитизм» и 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нём (ней)», решение проблемы квалификации бандитизма при отсутствии реализованных фактов нападения банды на граждан или организации);
- принятие нового Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о бандитизме»;
- разработка мер, направленных на побуждение участников банд к деятельному раскаянию и пропаганду уголовного законодательства;
- реализация мероприятий по виктимологической профилактике бандитизма и девиктимизации конкретных жертв преступлений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 07.03.2017 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант-Плюс». – М., 2017.

2. О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верх. Суда Рос. Федерации, 17 янв. 1997 г., № 1 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант-Плюс». – М., 2017.

УДК 343.3

Р. Н. КЛЮЧКО¹, Е. П. ФУЧЕДЖИ²

¹*Гродно, ГрГУ имени Я. Купалы, кандидат юридических наук, доцент*

²*Гродно, ГрГУ имени Я. Купалы*

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИЕЙ

В целях противодействию нелегальной миграции, её организованным формам и выполнения международных обязательств в этой сфере общественных отношений в Республике Беларусь установлена уголовная ответственность за организацию незаконной миграции иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь (ст. 3711 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) и нарушение срока запрета въезда в Республику Беларусь (ст. 3712 УК Республики Беларусь).

В соответствии с ч. 1 ст. 3711 УК Республики Беларусь организация либо руководство или содействие деятельности по незаконному въезду в Республику Беларусь, пребыванию на территории Республики Беларусь, транзитному проезду (транзиту) через территорию Республики Беларусь или выезду из Республики Беларусь иностранных граждан или лиц без гражданства (организация незаконной миграции), наказываются арестом, или ограничением свободы на срок до пяти лет, или лишением свободы на тот же срок. Ч. 2 в качестве квалифицирующих признаков устанавливает способ, представляющий опасность для жизни или здоровья иностранных граждан или лиц без гражданства, совершение преступления с жестоким или унижающим их достоинство обращением, совершение действий повторно, либо группой лиц по предварительному сговору, либо должностным лицом с использованием своих служебных полномочий. При наличии квалифицирующих признаков деяние относится к разряду тяжких преступлений и наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет с конфискацией имущества или без конфискации. Нарушение срока запрета въезда в Республику Беларусь (ст. 3712 УК Республики Беларусь) наказывается арестом или лишением свободы на срок до трёх лет [1]. Таким образом, анализируемые преступления относятся к категориям менее тяжких либо тяжких преступлений, что свидетельствует о признании законодателем достаточно высокой степени их общественной опасности и значимости объекта уголовно-правовой охраны.

В Российской Федерации уголовная ответственность за преступления, связанные с незаконной миграцией предусмотрены ст. 322.1 «Организация незаконной миграции» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), согласно которой организация незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан или

лиц без гражданства, их незаконного пребывания в Российской Федерации или незаконного транзитного проезда через территорию Российской Федерации, а также ст. 322.2, которая устанавливает ответственность за фиктивную регистрацию гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации, и ст. 322.3 «Фиктивная постановка на учёт иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации» [2] нарушение срока запрета въезда преступным деянием уголовным законодательством Российской Федерации не признаётся.

Под незаконной миграцией А. В. Шидловский понимает совершённые с нарушением законодательства Республики Беларусь въезд в страну, пребывание на её территории или выезд за пределы республики (например, въезд иностранного гражданина на территорию Республики Беларусь по недействительным документам, при отсутствии иммиграционной визы, незаконный транзит через территорию республики). Организация незаконной миграции – это деятельность одного лица или группы лиц, направленная на обеспечение незаконной миграции, в частности: планирование, организация содействия незаконному въезду иностранцев, укрывательство их во время пребывания на территории республики, непосредственное руководство незаконным транзитом незаконных мигрантов через страну, иное создание условий для такой миграции [3].

В соответствии с законом Республики Беларусь «О ратификации Договора между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Польша о сотрудничестве в борьбе с преступностью» от 10 января 2005 г., № 3-З, незаконными мигрантами признаются граждане третьих государств и лица без гражданства, нарушившие правила въезда, выезда, пребывания или транзитного проезда через территории Сторон, а также граждане Сторон, нарушившие правила пребывания на территории одной из Сторон, установленные её национальным законодательством [6]. Порядок въезда, выезда, пребывания в Республике Беларусь регулируются законом Республики Беларусь 4 января 2010 г., № 105-З «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь», законом Республики Беларусь от 20 сентября 2009 г., № 49-З (в ред. от 04.01.2015) «О порядке выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь граждан Республики Беларусь» и другими нормативными правовыми актами, что свидетельствует о бланкетности диспозиций анализируемых статей УК Республики Беларусь.

Правильное определение признаков объекта преступления даёт, в первую очередь, возможность правильно квалифицировать совершённое деяние, отграничивать его от других преступлений и характеризует социально-правовое содержание и юридические качества конкретного преступления. В действующем уголовном законодательстве в соответствии с родовым объектом охраняемых общественных отношений строится система Особенной части УК Республики Беларусь. Родовой объект – это определённая группа однородных или тождественных ценностей, общественных отношений, благ и интересов, охраняемых уголовным законом от преступных посягательств [4, с. 45].

Необходимо отметить, что статьи 371¹, 371² в УК Республики Беларусь закреплены в главе «Преступления против порядка управления», соответственно объектом анализируемых преступлений признаётся порядок управления. В уголовно-правовой литературе порядок управления рассматривают как нормальную деятельность

органов государственной власти и управления в сфере осуществления распорядительных функций [5, с. 288].

Непосредственным объектом указанных преступлений выступает установленный порядок въезда и выезда на территорию Республики Беларусь, пребывания на её территории или транзитного проезда через её территорию иностранных граждан и лиц без гражданства, установленный соответствующими нормативными правовыми актами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. : с изм., внес. заключением Конституц. суда от 11.03.2004 г., № 3-171/2004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 07.03.2017 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант-Плюс». – М., 2017.

3. Шидловский, А. В. Организация незаконной миграции иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / А. В. Шидловский // . – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream>. – Дата доступа: 26.02.20017.

4. Курс советского уголовного права : в 6 т. / редкол.: А. А. Пионтковский [и др.]. – М. : Наука, 1970. – Т. 2. – 1970. – 516 с.

5. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. пособие / под ред. Н. А. Бабия, И. О. Грунтова. – Минск, 2002. – 912 с.

6. О ратификации Договора между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Польша о сотрудничестве в борьбе с преступностью [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2005 г., № 3-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 343.62

Е. А. КОРОТИЧ¹, О. В. ЧМЫГА²

¹*Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина, кандидат юридических наук*

²*Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина, кандидат юридических наук, доцент*

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ОТДЕЛЬНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СФЕРЕ ПРИМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Развитие системы здравоохранения, предопределяемое в том числе достижениями наук медико-биологического цикла, позволило существенно повысить степень и качество защиты жизни и здоровья человека. Использование вспомогательных репродуктивных технологий (в том числе суррогатного материнства, искусственной инсеминации и др.), трансплантация органов и (или) тканей человека, развитие персонифицированной медицины и секвенирование геномов, а также проведение трансляционных медицинских исследований – далеко не полный перечень

тех достижений, которые призваны обеспечить возможность фактической реализации права каждого человека на охрану здоровья. Однако, как и многие другие социальные явления, процессы создания и внедрения такого рода технологий оказались не лишёнными сопутствующих негативных факторов, сопряжённых с нарушением иных (помимо права на охрану здоровья и получение медицинской помощи) прав и свобод человека, а в некоторых случаях – и созданием реальной угрозы безопасности человека. Учитывая же тот факт, что использование указанных и иных современных медицинских технологий связано с воздействием на глубинные процессы функционирования человеческого организма, высокая степень их положительного эффекта ещё в большей мере «компенсируется» негативными (и даже опасными) последствиями в случае не до конца выверенного или противоправного их применения.

В этих условиях видится неслучайным достаточно серьёзное внимание международного сообщества к проблематике обеспечения прав и свобод человека в связи с использованием современных медицинских технологий. Свидетельством сказанного может служить факт принятия на международном уровне ряда актов, в том числе конвенционного характера, которые закрепляют приоритет интересов и благополучия человека над интересами общества или науки и предусматривают обязательства для государств-участников запрещать неоправданное воздействие на лиц, подвергаемых применению современных медицинских, в том числе биомедицинских, технологий, обеспечивать конфиденциальность личных данных, накапливаемых в информационных системах в сфере здравоохранения, запрещать использование тела человека и его частей для извлечения финансовой выгоды или получения иных сравнимых преимуществ, не допускать вмешательство в геном человека, равно как инструментализации человеческих существ (например, путём клонирования) и т. д.

Фактической реализацией указанных и иных международно-правовых гарантий в сфере обеспечения прав человека при применении современных медицинских технологий является развитие соответствующего правового сегмента в рамках национального законодательства каждого конкретного государства. При этом поскольку охранительные отношения в данной сфере обеспечиваются, прежде всего, при помощи системы правовых запретов, то особое значение в этом процессе приобретают нормы национального уголовного законодательства.

Исходя из положений международных стандартов в рассматриваемой области, направления уголовно-правовой охраны наиболее затрагиваемых в случае применения современных медицинских технологий прав и свобод человека могут быть представлены следующим образом.

1. Обеспечение права человека на получение медицинской помощи. Будучи составной частью более широкого явления – права на здоровье, право на получение медицинской помощи, в том числе при применении современных медицинских технологий, на международном уровне гарантируется преимущественно универсальными и региональными актами по правам человека, которые не только не конкретизируют содержание указанного права, но и допускают некоторую поливариантность в определении круга носителей данного права: в одних случаях речь идёт о человеке как субъекте права на здоровье и получение медицинской помощи, в других – таковым признается гражданин. Характерно, что и национальное законодательство государств последовательно развивает отмеченную тенденцию. В частности, Конституция Российской Федерации закрепляет право человека на здоровье и медицинскую помощь, специальный нормативный правовой акт в данной

сфере – Федеральный Закон от 21 ноября 2011 г., № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» оперирует категорией «гражданин», Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) обеспечивает охрану здоровья личности (раздел VII, глава 16).

Поливариативный подход характерен и для белорусского законодательства в указанной сфере: ст. 45 Конституции Республики Беларусь гарантирует право на охрану здоровья гражданам государства, согласно ст. 2 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г., № 2435-ХП «О здравоохранении» его действие распространяется на физических лиц; в свою очередь, Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) обеспечивает охрану здоровья каждого человека (разд. VII, гл. 19). При этом система посягательств на рассматриваемое право включает как собственно деяния, непосредственно нарушающие право человека на получение медицинской помощи (например, незаконное производство аборта (ст. 156 УК Республики Беларусь), неоказание медицинской помощи больному лицу (ст. 161 УК Республики Беларусь), ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей медицинским работником (ст. 162 УК Республики Беларусь), нарушение порядка проведения трансплантации (ст. 164 УК Республики Беларусь) и др.), так и деяния, нарушающие право на получение медицинской помощи в контексте достижения иной противоправной цели (в частности, принуждение к даче органов или тканей для трансплантации (ст. 163 УК Республики Беларусь) и др.). Следует отметить, что гораздо более разработанная система уголовно-правовых запретов в сфере обеспечения права на получение медицинской помощи (и в целом права на охрану здоровья) предусмотрена в уголовном законе Республики Казахстан: нормы, определяющие противоправность деяний в рассматриваемой сфере, систематизированы в рамках отдельной структурно обособленной гл. 12 «Медицинские уголовные правонарушения».

2. Обеспечение права на конфиденциальность информации, связанной с получением медицинской помощи (в том числе в связи с применением медицинских технологий). Согласно положениям национального законодательства содержание такого рода информации составляют данные о факте обращения пациента за медицинской помощью и состоянии его здоровья, возможных методах оказания медицинской помощи, рисках, связанных с медицинским вмешательством, а также возможных альтернативах предлагаемому медицинскому вмешательству, равно как иные сведения, включая личного характера, полученные при оказании пациенту медицинской помощи. И УК Республики Беларусь, и уголовное законодательство ряда зарубежных государств (например, УК РФ, УК Украины, УК Казахстана и др.) для определения категории защищаемой в данном случае информации используют понятие «врачебная тайна». Между тем, как следует из содержания соответствующих уголовно-правовых норм, а также вполне закономерно вытекает из характера сведений, составляющих врачебную тайну, держателями и (или) пользователями данного вида информации может быть достаточно широкий круг субъектов: от медицинских работников, которые, к слову, не ограничиваются только собственно врачами, до иных работников, в том числе системы здравоохранения, которым может быть доверена или стать известна в силу служебных или профессиональных функций информация о доверителе – лице, обратившемся за медицинской помощью, находящемся под медицинским наблюдением либо получающем медицинскую помощь. Учитывая данное обстоятельство и следуя сложившейся практике обозначения видов профессиональных

тайн, более обоснованным с технико-юридической точки зрения было бы использование в ст. 178 УК Республики Беларусь понятия «медицинская тайна».

3. Обеспечение личной свободы человека при применении современных медицинских технологий. Система уголовно-правовых запретов в данной области формируется, главным образом, посредством криминализации двух основных форм посягательств на человека:

- деяний, нарушающих физическую свободу человека (свободу от физического принуждения);
- деяний, посягающих на свободу принятия решения относительно своего поведения (свободу от психического принуждения).

В системе УК Республики Беларусь примером первой категории посягательств может служить деяние, предусмотренное ст. 184 УК Республики Беларусь («Незаконное помещение в психиатрический стационар»).

Несмотря на то, что указанная норма расположена в главе, объединяющей преступления против личной свободы, её закрепление в УК Республики Беларусь имеет существенное практическое значение и с точки зрения обеспечения права каждого человека на охрану здоровья, в том числе при применении современных медицинских технологий. Как подчёркивается в специальных исследованиях, лица, поступающие в психиатрический стационар, «буквально с первых же дней (а то и часов)» подвергаются «лечению теми или иными медикаментозными средствами», большинство из которых «относится к группе так называемых мощных нейролептиков» [1, с. 68]. Применение ряда подобных препаратов без достаточных оснований может быть, «по мнению самих же психиатров, приравнено к пыткам» [2, с. 53]. Учитывая то обстоятельство, что данное преступление по определению совершается в отношении лица, не нуждающегося в таком лечении, закономерно следует вывод о неизбежности причинения вреда здоровью потерпевшего, что, в свою очередь, указывает на высокую степень общественной опасности деяния, предусмотренного ст. 184 УК Республики Беларусь. Отмеченное обстоятельство актуализирует проблему пересмотра санкций уголовно-правовой нормы об ответственности за данное преступление и, соответственно, изменения категории последнего.

Сказанное в полной мере относится и к такому посягательству на личную свободу человека, как использование рабского труда (ст. 181-1 УК Республики Беларусь). По своей юридической природе данное преступление может быть отнесено ко второй категории деяний, формирующих систему преступлений, криминализация которых служит в том числе и целям обеспечения личной свободы человека при применении к нему современных медицинских технологий. Данное обстоятельство объясняется тем, что запрещаемые в диспозиции ч. 1 ст. 181-1 УК Республики Беларусь формы эксплуатации подлежат трактовке в контексте примечания к ст. 181 УК, в котором закреплено общее определение эксплуатации человека: под эксплуатацией понимается незаконное принуждение человека к работе или оказанию услуг (в том числе к действиям сексуального характера, суррогатному материнству, забору у человека органов и (или) тканей) в случае, если он по независящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг), включая рабство или обычаи, сходные с рабством. Таким образом, законодательное определение эксплуатации позволяет относить к ней и такую форму противоправного обращения с человеком, как эксплуатация физиологических свойств или функций организма человека, в том числе посредством использования современных медицинских (биомедицинских) технологий (например, незаконное использование лица для проведения медико-биологических

экспериментов, для применения вспомогательных репродуктивных технологий и т. д.). Сказанное позволяет сделать вывод о том, что совершение рассматриваемого преступления сопряжено с нарушением не только личной свободы, но и права человека на жизнь и охрану здоровья, что, в свою очередь, свидетельствует о высокой степени общественной опасности данного преступления, которая должна получить адекватное отражение в санкциях соответствующей уголовно-правовой нормы.

4. Обеспечение права человека на физическую неприкосновенность и права не подвергаться медицинским и научным опытам без свободно выраженного согласия. Несмотря на то, что именно данные правомочия физического лица наиболее часто гарантируются международными документами в рассматриваемой сфере, в уголовном законодательстве Республики Беларусь могут быть выделены лишь несколько составов, затрагивающих указанные права. К категории данных составов могут быть отнесены, главным образом, преступные посягательства, направленные на незаконное получение органов и (или) тканей человека (причем как те составы, в которых нарушения в сфере трансплантации характеризуют противоправность соответствующего деяния (например, ст. 163 УК Республики Беларусь), так и составы, в которых цель изъятия органов и (или) тканей является основанием повышения ответственности за совершение какого-либо деяния (например, п. 5 ч. 2 ст. 182 УК Республики Беларусь); некоторые деяния в системе преступлений, направленных против мира и безопасности человечества (например, стст. 127-128 УК Республики Беларусь), а также являющихся нарушением законов и обычаев ведения войны (ч. 2 ст. 135 УК Республики Беларусь). Кроме того, в зависимости от фактических обстоятельств совершения преступления, такого рода деяния будут квалифицироваться как преступления против жизни и здоровья человека, т. е. по общим нормам гл. 19 УК Республики Беларусь. Что касается специальных норм, предусматривающих уголовно-правовые запреты в рассматриваемой области, то Республика Беларусь несколько отстаёт в этом отношении от ряда государств постсоветского пространства. В частности, в УК Казахстана предусмотрена ответственность за нарушение порядка проведения клинических исследований и применения новых методов и средств профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации (ст. 318 УК); в уголовном законе Молдовы закреплена норма об ответственности за осуществление искусственного оплодотворения или имплантации эмбриона без согласия пациентки (ст. 161 УК); УК Украины криминализирует незаконное проведение опытов над человеком (ст. 142 УК) и насильственное донорство (ст. 144 УК) и т. д.

Безусловно, пробельность уголовного закона Республики Беларусь в рассматриваемой области имеет, на первый взгляд, вполне очевидное обоснование, а именно фактическое отсутствие необходимых социальных оснований для криминализации соответствующих уголовно-правовых запретов. Однако, учитывая то обстоятельство, что одной из основных функций уголовного закона является общая превенция, такого рода обоснование утрачивает качество очевидности и социальной прогнозируемости.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковтун, Н. Н. Стационарная судебно-психиатрическая экспертиза по уголовным делам и гарантии прав граждан при оказании психиатрической помощи / Н. Н. Ковтун // Государство и право. – 1997. – № 3. – С. 64–71.
2. Тяжкова, И. Незаконное помещение в психиатрический стационар / И. Тяжкова // Уголов. право. – 2002. – № 3. – С. 52–54.

УДК 343.98

В. Л. ГРИГОРОВИЧ

Минск, БГУ, кандидат юридических наук, доцент

ПРИМЕНЕНИЕ ГОЛОГРАФИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Уровень развития криминалистической техники зависит от современного состояния научно-технического прогресса, «вне этого невозможно правильно познать сущность криминалистики, служебной ролью которой является привнесение в уголовное судопроизводство современных возможностей науки и техники для целей раскрытия и расследования преступлений» [1, с. 22].

Одним из направлений научно-технического прогресса, которое можно и нужно использовать для предотвращения преступлений, собирания, исследования и использования доказательств, является голография. Применение средств и методов голографии для решения задач, стоящих перед криминалистикой, должно основываться на нормах права. Правовые основы, во-первых, определяют законодательную регламентацию применения голографии для предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, во-вторых, предусматривают научную обоснованность и истинность получаемых при её использовании результатов, в-третьих, являются неотъемлемой компонентой в формировании криминалистической голографии как отрасли криминалистической техники.

Как верно писала П. С. Элькинд, проблема использования данных естественных и технических наук в борьбе с преступностью является не только криминалистической, но и уголовно-процессуальной, поскольку требует выяснения «необходимости и пределов нормативного закрепления использования в уголовном судопроизводстве <...> научно-технических средств, в установлении процессуальных гарантий личности» [2, с. 106–110]. Поэтому не случайно ряд авторов решают проблему использования достижений научно-технического прогресса в следственной практике с процессуальных позиций, ибо «упоминание в законе, что результаты применения научно-технических средств – источники доказательств, связано с необходимостью установить критерии допустимости использования этих средств» [3, с. 46].

Мы согласны с мнением Г. И. Грамовича, что использование научно-технических средств правомерно лишь тогда, когда оно прямо предусмотрено или рекомендовано законом, либо не противоречит закону по своей сущности [3, с. 31]. Самые общие правовые основания применения средств голографии, как и любых других научно-технических средств, вытекают из требований ст. 2 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь), в котором определены задачи уголовно-процессуального закона. Хотя в этих нормах и не указывается непосредственно на голографические средства, которые могут быть использованы в процессе расследования, решение поставленных в них задач требует применения в борьбе с преступностью всех доступных средств и методов, в том числе и голографических.

Ряд статей уголовно-процессуального кодекса прямо предусматривает возможность применения научно-технических средств (стст. 192, 193, 204, 205, 207, 214, 219, 222, 225 УПК Республики Беларусь), не устанавливая ограничений, но определяя общий порядок их использования в ходе расследования преступлений. При этом закон не указывает исчерпывающий перечень научно-технических средств,

а лишь предоставляет возможность их использования, например, для фиксации хода и результатов следственных действий (фотосъемка, звуко- и видеозапись и др.).

Как известно, в литературе неоднократно высказывалось мнение о необходимости перечисления в законе всех научно-технических средств и методов, которые могут быть использованы при расследовании преступлений. Такой подход вызывал справедливые критические замечания со стороны ученых-криминалистов. Ещё в 1975 г. Р. С. Белкин писал, что «выход из сложившейся ситуации – не в дальнейшей правовой регламентации отдельных технических новинок, а в разработке законоположений общего характера, открывающих простор для внедрения техники в уголовное судопроизводство в безусловных рамках законности и процессуальных гарантий» [4, с. 106]. В 2001 г. Р. С. Белкин вновь отмечал, что «законодатель не должен и не может называть в тексте УПК конкретные технические средства, как в силу развития техники, так и в силу зависимости, которая существует между конкретной ситуацией и тем техническим средством, которое в соответствии с этой ситуацией выбирает следователь» [5, с. 209].

Мы разделяем точку зрения Г. И. Грамовича о том, что даже если бы такой перечень удалось составить, то применение любого нового научно-технического средства можно было бы объявить неправомерным только на том основании, что оно не указано в перечне. Это отрицательно сказалось бы на развитии криминалистической техники и повышении эффективности борьбы с преступностью [3, с. 32].

М. А. Филиппова предложила дать конкретный перечень научно-технических средств не в законе, а в подзаконных нормативных актах (приказах, инструкциях) [6, с. 27]. Однако и в этом случае возникнут указанные выше проблемы, препятствующие эффективному использованию достижений научно-технического прогресса в борьбе с преступностью. Эти приказы или инструкции будут громоздкими, не смогут поспевать за развитием техники. Сохранится то же формальное основание: считать неправомерным использование не указанных в них научно-технических средств. Поэтому при решении вопроса о применении технических средств и методов следует руководствоваться не столько прямыми указаниями закона о дозволенности использования того или иного средства либо метода, сколько тем, соответствует ли использование данного научно-технического средства целям и принципам правосудия, букве и духу закона.

Нами установлено, что согласно ч. 3 ст. 192 УПК Республики Беларусь при производстве следственных действий могут применяться технические средства и использоваться научно обоснованные способы (в том числе и голографические) для обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств. В соответствии со ст. 2 УПК Республики Беларусь средства голографии могут быть использованы для предотвращения преступлений в виде голографических защитных знаков от подделки денежных знаков, ценных бумаг, документов и товаров, а также создания голографического учёта исторических и культурных ценностей, применяемого для предупреждения контрабанды. Кроме этого, голограмма, полученная при проведении следственных действий, являясь объемной копией объектов и точно передавая все их пространственные особенности, в соответствии со стст. 96 и 100 УПК Республики Беларусь может быть признана вещественным доказательством или другим носителем информации, являющимся источником доказательств. Объектами голографирования могут быть следы рук, ног, обуви, транспортных средств, орудий преступления, взлома, откуса, скольжения, удара, разреза; предметы-следоносители: микрообъекты, пули, гильзы и т. д. Это позволяет применять голограммы для решения

экспертных задач: идентификации, установления групповой принадлежности, измерения, исследования свойств объекта и т. п.

Голография может решать определённые задачи в уголовном судопроизводстве только в том случае, если выполняется конкретный процессуальный порядок закрепления факта съёмки и приобщения голограмм к материалам уголовного дела.

Голограммы, попадающие в следственные и судебные органы от предприятий, учреждений, организаций или граждан (полученные, истребованные или представленные в порядке, предусмотренном ст. 103 УПК Республики Беларусь), по характеру доказательственной информации относятся к вещественным доказательствам. Таковыми они являются в тех случаях, когда их изготовление, зафиксированные ими объекты, факты, обстоятельства имеют значение для правильного разрешения уголовного дела. Приобщение голограмм к материалам дела производится по общим правилам приобщения к делу вещественных доказательств (составляется протокол обнаружения голограммы, выносится постановление о признании голограммы вещественным доказательством). Будучи надлежащим образом процессуально оформленными, эти голограммы являются самостоятельными источниками доказательств, как и все остальные документы и вещественные доказательства (ст. 88 УПК Республики Беларусь).

Для выполнения процессуального требования об отражении факта голографической съёмки используются процессуальные документы (протоколы, заключения эксперта), составляемые при проведении следственных действий и экспертиз. Так, согласно ст. 6 УПК Республики Беларусь протоколом является документ, в котором удостоверяются факт производства, содержание и результаты процессуальных действий. Ст. 95 указанного кодекса определяет заключение эксперта как процессуальный документ, удостоверяющий факт и ход исследования экспертом материалов, представленных органом, ведущим уголовный процесс, и содержащий выводы по поставленным перед экспертом вопросам, основанные на специальных знаниях эксперта в области науки, техники, искусства, ремесла и иных сферах деятельности. Данные процессуальные документы должны строго соответствовать форме, установленной уголовно-процессуальным законом.

Проведённые исследования показали, что голограммы, полученные при проведении следственных действий и экспертиз, могут быть отнесены к источникам доказательств как приложения к протоколам следственных действий или заключениям эксперта, которые являются источниками доказательств. При этом данные приложения являются не самостоятельными источниками доказательств, а такими, которые имеют значение источников только в связи с протоколом (заключением) того действия (той экспертизы), при проведении которого была произведена голографическая съёмка. Иначе говоря, статус голограмм такой же, как статус фотографий, материалов киносъёмки, звуко- и видеозаписи, планов, схем, слепков и т. п. Это утверждение основано на стст. 88, 95, 96, 99, 100, 192, 193, 236 УПК Республики Беларусь.

Таким образом, уголовно-процессуальный закон позволяет рассматривать голограммы, полученные при производстве экспертиз и следственных действий, как вспомогательные источники доказательств, так как они являются приложением к протоколам и заключениям эксперта соответствующих следственных действий и экспертиз. Соответственно рекомендации относительно правил оформления голограмм будут основываться на учёте требований стст. 95, 193, 236 УПК Республики Беларусь.

Процессуальное оформление голографической съёмки состоит из двух частей – фиксирования факта съёмки в протоколах следственных действий или заключениях

эксперта и удостоверения полученных голограмм. Протоколы следственных действий и заключения эксперта являются процессуальными средствами фиксации доказательств. Техническими средствами фиксации доказательств являются фотоснимки, видеоленты, фонограммы, чертежи, планы, схемы и др., а также голограммы. Поскольку голографические изображения представляют собой техническое средство фиксации доказательств, то они требуют процессуального удостоверения, т. е. должны быть подписаны лицом (специалистом), их изготовившим, заверены печатью государственного органа, в котором производились.

По нашему мнению, в заключениях эксперта и протоколах тех следственных действий, в ходе которых применялась голографическая съёмка, должны найти отражение сведения о:

- объектах голографирования (размер, форма, положение (подвижный, неподвижный));
- способе и методе голографической съёмки;
- применённых голографических средствах (типе лазера (стационарный, переносной) с указанием марки (модели), кратких технических характеристик, светочувствительном материале (фотопластинка, фотоплёнка), освещении, цветовом режиме;
- точках съёмки, откуда (с какого места) производилась съёмка (при производстве следственного действия);
- лице, её проводившем (следователь, специалист, эксперт, оперативный работник);
- количестве записанных и восстановленных голографических изображений;
- количестве записанных на одной голограмме изображений (для многоракурсных голограмм);
- типе получаемой голограммы (плоская, объемная, радужная);
- способе копирования голограмм (если оно необходимо);
- названии и версии графического редактора, описании процедур компьютерного сравнения фрагментов изображений для цифровых голограмм (при производстве экспертиз).

На основании ч. 4 ст. 193 и ч. 2 ст. 236 УПК Республики Беларусь к протоколу или экспертному заключению должны прилагаться голограммы криминалистических объектов, выполненные при производстве следственного действия или экспертизы. Также предусматривается отметка о том, что лица, участвующие в производстве соответствующего следственного действия, были заранее предупреждены о применении голографических средств, условиях и порядке их использования (ч. 4 ст. 193 УПК Республики Беларусь).

Голограммы, изготовленные при проверке показаний на месте, удостоверяются подписями не только следователя и лица, производившего съёмку, но и того гражданина, показания которого проверялись.

К голограммам, являющимися приложениями к протоколам следственных действий и заключений экспертов, следует крепить бирки, на которых целесообразно ставить номер (соответствующий их нумерации в протоколе, заключении), дату (проведения следственного действия, составления заключения) и делать краткую пояснительную надпись, указывающую к протоколу, какого следственного действия или к какому заключению эксперта прилагаются голограммы. Кроме того, чтобы подтвердить достоверность полученного голографического изображения, помимо подписи лица, его изготовившего (эксперта, специалиста), на пояснительной бирке

необходима и подпись следователя. Поскольку голограмма изготавливается на фотопластинке или фотопленке, то бирка к ней крепится с помощью нити (или тонкой бечёвки) и липкой ленты (скотча).

Возможен и другой способ оформления голографических приложений. При их изготовлении непосредственно на фотопластинку или фотопленку наносятся следующие реквизиты: название голограммы (например, голограмма определённого объекта, обстановки места происшествия); номер уголовного дела; название протокола следственного действия (например, протокол осмотра места происшествия, протокол обыска) или номер заключения эксперта, к которому она прилагается (например, ЗЭ № 2709/117в); дата проведения следственного действия или составления заключения.

Голограммы лучше упаковывать в отдельные пакеты, которые затем помещаются в один общий. Пакеты с голограммами, прилагаемые к протоколу, подписываются следователем и заверяются печатью органа внутренних дел, а прилагаемые к заключению эксперта, – подписываются экспертом и опечатываются печатью экспертного учреждения. Опечатывание и скрепление процессуальных документов подписями является необходимым условием для использования их в качестве полноценных доказательств.

Поскольку голографическая съёмка криминалистических объектов может применяться при производстве экспертиз и некоторых следственных действий (например, стст. 204, 210, 224 УПК Республики Беларусь), то её процессуальное оформление производится в соответствии с правилами, регламентирующими применение научно-технических средств. По нашему мнению, в уголовно-процессуальном кодексе целесообразно указать на возможность применения голографии. В связи с этим необходимо дополнить и принять в следующей редакции:

- ч. 7 ст. 193 (Протокол следственного действия) УПК Республики Беларусь: «К протоколу прилагаются фотографические негативы и снимки, голограммы, киноленты, диапозитивы, фонограммы допроса, кассеты видеозаписи, чертежи, планы, схемы, слепки и оттиски следов, выполненные при производстве следственного действия, а также изъятые при этом предметы»;

- ч. 2 ст. 236 (Содержание заключения эксперта, сообщения о невозможности дачи заключения) УПК Республики Беларусь: «Заключение даётся в письменной форме и подписывается экспертом (экспертами). К нему должны быть приложены оставшиеся после исследования вещественные доказательства, образцы, полученные экспериментальным путем и используемые для сравнения, а также фотографии, голограммы, схемы, графики, таблицы и другие дополнительные материалы, подтверждающие выводы эксперта. Приложение к заключению также подписывается экспертом».

Таким образом, результат проведённого нами исследования показал, что голограммы могут быть самостоятельными источниками доказательств в виде вещественных доказательств, а также приложениями к протоколам следственных (судебных) действий и заключений экспертов и поэтому – источниками доказательств, но не самостоятельными, а только в связи с соответствующим протоколом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винберг, А. И. Криминалистика и судебная экспертиза / А. И. Винберг. – Киев : Виц. шк., 1969. – 261 с.

2. Элькинд, П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве / П. С. Элькинд. – Л. : Юр. лит., 1976. – 157 с.
3. Грамович, Г. И. Основы криминалистической техники / Г. И. Грамович. – Минск : Выш. шк., 1981. – 208 с.
4. Белкин, Р. С. Общая теория криминалистики в условиях научно-технической революции / Р. С. Белкин // Сов. гос-во и право. – 1975. – № 5. – С. 106–110.
5. Белкин, Р. С. Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов / Р. С. Белкин. – 3-е изд. доп. – М. : ЮНИТИ-ДАТА : Закон и право, 2001. – 837 с.
6. Филиппова, М. А. Экспрессные методы фиксации фактических данных на предварительном следствии : дисс. ... канд. юрид. наук / М. А. Филиппова. – Л., 1975. – 217 л.

УДК 343.2

М. М. ЛАПУНИН

Саратов, ФГБОУ ВО «СГЮА», кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ И ПОНИМАНИЕ ИХ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ

В современном мире появляются новые угрозы как уже сложившимся общественным отношениям, так и только ещё формирующимся. К сожалению, чаще всего, право отстаёт и от политики, и от социального порядка. Однако у законодателя имеются возможности действовать на опережение.

Так, в последние годы всё больше внимания в России и за рубежом [1] уделяется обеспечению информационной безопасности, причём, как по линии военных ведомств [2], так и в гражданской сфере.

Так, во время встречи 13 февраля 2017 г. с преподавателями и студентами «Университета Иннополис» Председатель Госдумы Российской Федерации В. В. Володин акцентировал проблемы регламентации использования робототехники и искусственного интеллекта: «мир скоро столкнётся с необходимостью комплексного правового регулирования этой сферы. Системное и профессиональное обсуждение этой темы и выработку соответствующих правовых позиций необходимо начать и в России» [3]. В ходе беседы с основателем Grishin Robotics Д. Гришиным председатель отметил, что создаваемый Совет по законодательному обеспечению развития цифровой экономики «должен стать экспертной площадкой в сфере законодательного регулирования динамично развивающихся отраслей. На одном из первых заседаний Совета мы предложим обсудить идею концепции законопроекта о робототехнике» [4].

Один такой законопроект «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники» (далее – Проект о роботах) уже подготовлен упомянутым Д. Гришиным и ИТ-юристом В. Наумовым. Безусловно, поднятый пласт вопросов касается и уголовного права. Например, эксперты отмечают четыре сценария, при которых действия робота попадут под уголовное право: «конструирование робота специально для совершения правонарушения, отключение программных и аппаратных функций, блокирующих возможность причинения вреда человеку, конструирование робота, способного причинить вред человеку,

конструирование робота без осознания того, что он может быть использован для причинения вреда человеку» [5].

На самом деле, сложности уголовно-правовой регламентации обозначенной сферы совершенно не исчерпываются упомянутыми сценариями. Более того, случаи умышленного изготовления (или использования) роботов для совершения преступлений достаточно легко оцениваются и с позиций действующего законодательства. Основные же аспекты оценки эксплуатации роботов с точки зрения уголовного права можно свести на сегодняшний день к следующему:

- субъекты уголовной ответственности – кто её понесет при причинении вреда роботом (владелец робота, его изготовитель, а также автор программного обеспечения; здесь же – вопрос об уголовной ответственности юридических лиц и вмешательство в функционирование устройств третьих лиц, например, хакеров);
- субъективная сторона содеянного (вина, её формы и виды, особенности, включая проблему оценки деяний, совершенных с двойной формой вины);
- причинно-следственная связь при причинении вреда роботами (решение этого вопроса теснейшим образом связано и с вопросом субъекта ответственности);
- оценка фактов сопричинения вреда (как в умышленных, так и неосторожных преступлениях с использованием робототехники), а также прикосновенности к таким преступлениям;
- обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, при использовании автономно действующих устройств (обоснованный риск, необходимая оборона, крайняя необходимость и др.).

В более общем виде можно выделить две большие группы преступлений в обозначенной сфере: посягательства с использованием (или в процессе эксплуатации) роботов и посягательства на самих роботов. Остановимся подробнее на второй группе деяний.

Несмотря на то, что уже всерьёз обсуждается идея наделить роботов теми или иными правами, речь, конечно, в ближайшем будущем идёт лишь об имущественных правах (не случайно в Проекте о роботах обсуждаются изменения именно в ГК РФ). Говорить про личные неимущественные права робота (в терминологии Проекта – роботизированный агент, или робот-агент) сегодня, мягко говоря, преждевременно. Соответственно, посягательства на роботов можно свести к посягательствам на собственность и преступлениям против компьютерной информации. К сожалению, в Проекте о роботах так и не удалось развести две сферы отношений: когда робот выступает имуществом, а когда – самостоятельным субъектом гражданских отношений (ст. 127.5 Проекта о роботах лишь вносит дополнительную путаницу, не конкретизируя вопрос). Не предложено решения и противопоставлению юридического владельца, фактического владельца и собственника робота-агента (тем более, когда у него у самого будет свой робот-агент, что допустимо по замыслу авторов Проекта). Всё это приводит к проблеме с выбором потерпевшего при повреждении/уничтожении робота злоумышленником. Если повреждение касается механического устройства, то проблема разрешима в той или иной степени и имеющимися правовыми средствами. А вот вред, причинённый программному обеспечению, вызывает особый интерес.

Представляется, сегодня общественная опасность ряда преступных воздействий на информационную сферу законодателем недооценивается. Правда, буквально в последние месяцы делаются важные шаги в направлении усиления охраны некоторых объектов. Так, на рассмотрении в Государственной думе Российской Федерации находится законопроект № 47591-7 (принят в первом чтении 27 января 2017 г.)

«О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации"» [6]. Согласно данному законопроекту Уголовный кодекс Российской Федерации должен дополниться ст. 274¹ «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации», предусматривающей довольно строгое наказание за:

- создание и (или) распространение компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (далее – РФ);
- неправомерный доступ к охраняемой компьютерной информации, содержащейся в критической информационной инфраструктуре РФ, если он повлечёт причинение вреда критической информационной инфраструктуре РФ или создал угрозу его наступления;
- нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации, содержащейся в критической информационной инфраструктуре РФ <...>, либо правил доступа к указанной информации <...>, если оно повлекло причинение вреда критической информационной инфраструктуре Российской Федерации или создало угрозу его наступления.

Идею законопроекта следует, в общем и целом, поддержать, если, конечно, оставить в стороне огрехи законодательной техники (например, на практике вряд ли реально будет провести грань между «созданием угрозы вреда инфраструктуре» и «созданием угрозы наступления тяжких последствий», что выступает уже признаком особо квалифицированного состава (ч. 5 ст. 274¹). Тем более, что проект принят лишь в первом чтении и остаётся надежда на его совершенствование.

Что же касается идеи повышенной охраны отдельных видов компьютерной информации, то, действительно, сегодня в гл. 28 УК РФ «на равных» охраняется информация самого разного толка, что не отражает степени общественной опасности отдельных посягательств.

В частности, повреждение программного обеспечения робота оценить с уголовно-правовой точки зрения не так-то просто. Например, в памяти устройства будет храниться информация относительно общения с хозяином (пока ещё без кавычек), восстановить которую невозможно в принципе, как невозможно, в ряде случаев, восстановить воспоминания близких человеку лиц. Безусловно, изготовитель робота или его программного обеспечения понесёт определённые издержки (если по договору с пользователем должен будет восстановить его работоспособность), но они, чаще всего, будут гораздо менее значимыми по сравнению с утратой владельца робота.

Уже сегодня в следственной и судебной практике часто недооценивается значимость информации, хранимой на похищаемых телефонах, ноутбуках, планшетах, для их владельцев. Косвенно об этом можно судить по тому, что рыночная стоимость восстановления информации с повреждённого жёсткого диска может многократно (!) превосходить стоимость самого физического носителя. В случае с роботом, обладающим пусть даже примитивным аналогом так называемого «искусственного интеллекта» утрата, чаще всего, будет невозможной.

В теории уголовного права доминирует точка зрения, что степень общественной опасности преступного деяния зависит от весьма многих обстоятельств как объективного, так и субъективного рода [7, с. 25-26].

Вместе с тем, можно предположить, что характер общественной опасности преступных деяний, в первую очередь, зависит от материальности или нематериальности объекта посягательства, а степень опасности, в преобладающем значении, от невозстановимости блага, являющегося предметом общественного отношения, на которое посягает виновный. Невосполнимость (невозстановимость, невозвратность) блага – это, думается, главный объективный критерий оценки общественной опасности деяния. Разумеется, невозможно игнорировать и иные, включая субъективные, показатели общественной опасности деяния, но, строго говоря, большинство из них характеризуют общественную опасность личности, совершившей преступление. Более того, ряд квалифицирующих признаков и отягчающих наказание обстоятельств производны от упомянутого обстоятельства (невозстановимость блага): например, последствия применения оружия, по общему правилу, нивелировать куда сложнее, чем применение кулаков; при открытом хищении надолго сохраняющийся страх, переживания собственника из-за дерзких действий грабителя, чаще всего, выше, чем при совершении тайного хищения («среди белого дня грабят!»). Кража с незаконным проникновением в жилище, кроме собственно экономического (обычно восстанавлимого) ущерба причиняет и психологическую травму – человек уже не может быть уверен в безопасности собственного жилища. Аналогично – с местом (заповедник, зона экологического бедствия или чрезвычайной экологической ситуации предполагают причинение на их территории ущерба, который, возможно, уже никогда не получится возместить даже совместными усилиями людей, не говоря уже о самом преступнике), предметом преступления (предметы или документы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность).

Степень невозстановимости у разных благ разная. Например, в 2003 г. в РФ было декриминализовано причинение по неосторожности средней тяжести вреда здоровью. При всей спорности такого решения, есть один важный аргумент: за последние десятилетия медицина продвинулась вперед и степень опасности причинения средней тяжести вреда здоровью снизилась. Можно предположить, что когда пластические операции станут дешёвыми, безопасными и эффективными, то неизгладимое обезображивание лица не будет признаком тяжкого вреда здоровью.

Возможно, что именно из-за невозстановимости определённого блага российский законодатель установил совершенно разные правила добровольного отказа при пособничестве и подстрекательстве/организаторстве. Действительно, нивелировать действия пособника куда легче, чем изменить сознание подстрекаемого, у которого укоренилась мысль совершить преступление. Не исключены ситуации, когда исполнитель после удачного в отношении него подстрекательства, будет раз за разом совершать покушения, неоднократно отбывая за это наказания, пока не доведёт задуманное до конца.

Аналогично, если реализовать утопический замысел российских законодателей о 100 % хранении сетевого трафика еще масштабнее – чтобы вся имеющаяся у пользователей компьютерная информация дублировалась на государственных серверах, то уничтожение злоумышленником информации пользователя на персональном компьютере перестанет быть общественно опасным. Только вот в обозримом будущем такое архивирование не под силу не то что одной стране, но и человечеству в целом.

Возвращаясь к проблеме охраны информации в «голове» робота, следует отметить следующее. Вмешательство в работу глубокого машинного обучения (а именно на него делают ставку многие разработчики искусственного

интеллекта) непредсказуемо по своим последствиям. Образно их можно сравнить с психическим расстройством у человека. Соответственно, посягательства на программы автономно функционирующих устройств (роботов), равно как и на программы-роботы (включая разработки искусственного интеллекта), следует наказывать строже, чем за иные незаконные операции с информацией. Как вариант, ч. 4 ст. 272 УК РФ можно изложить в примерно следующем виде:

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, если они повлекли тяжкие последствия или создали угрозу их наступления, а равно сопряжены с посягательством на автономно функционирующие устройства и программы, – наказываются...

В примечании к статье следует пояснить, что под автономно функционирующими устройствами и программами следует понимать робототехнику, а также компьютерные программы, которые способны функционировать без полного контроля со стороны человека по результатам обработки поступающей из внешней среды информации. Разумеется, для реализации данного предложения нужно решить терминологические вопросы, раскрыв ключевые понятия в нормативных актах (в частности, до сих пор даже среди программистов нет единства в наименовании способа машинного обучения: «глубокое обучение» или, менее точное, «глубинное обучение»).

Подводя итог отметим, что разработка правовой регламентации эксплуатации подобных устройств и программ представляется чрезвычайно трудоемкой, но необходимой и посильной задачей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бойко, А. Европарламенту представили проект резолюции, которая заложит основы регулирования робототехники [Электронный ресурс] / А. Бойко // Robotrends. – Режим доступа: <http://robotrends.ru/pub/1702/evroparlamentu-predstavili-proekt-rezolyucii-kotoraaya-zalozhit-osnovy-regulirovaniya-robototehniki>. – Дата доступа: 20.02.2017.

2. Петров, И. Шойгу объявил о создании войск информационных операций [Электронный ресурс] / И. Петров // Российская газета. – Режим доступа: <http://rg.ru/2017/02/22/shojgu-obiavil-o-sozdanii-vojsk-informacionnyh-operacij.html>. – Дата доступа: 23.02.2017.

3. В. Володин посетил город Иннополис – новый российский город, специализирующийся на научных исследованиях и образовании в области современных информационных технологий и робототехники [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной думы Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.duma.gov.ru/news/274/1857982/#photo1>. – Дата доступа: 22.02.2017.

4. Вячеслав Володин начал формирование Совета при Председателе Государственной Думы по законодательному обеспечению развития цифровой экономики [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной думы Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.duma.gov.ru/news/274/1858983>. – Дата доступа: 22.02.2017.

5. Основатель Grishin Robotics Дмитрий Гришин совместно с ИТ-юристом Виктором Наумовым разработали концепцию закона о робототехнике [Электронный ресурс] // Robotrends. – Режим доступа: <http://robocraft.ru/blog/news/3603.html>. – Дата доступа: 21.02.2017.

6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской

Федерации» [Электронный ресурс]: законопроект № 47591-7 // Официальный сайт Государственной думы Российской Федерации. – Режим доступа: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=47591-7&02>. – Дата доступа: 23.02.2017.

7. Гребенкин, Ф. Общественная опасность преступления и её характеристики / Ф. Гребенкин // Уголовное право. – 2006. – № 1. – С. 22–26.

УДК 343.9.01

И. Б. МЕДИЦКИЙ

Ивано-Франковск, ПНУ имени Василя Стефаника, кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМА «ПОСЛЕДСТВИЙ ПРЕСТУПНОСТИ» В МЕЖДУНАРОДНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ

Оценивая направленность современного состояния криминологических исследований в Украине, приходится констатировать недостаточный научный интерес к отдельным проблемам фундаментального характера. Несмотря на то, что последствия преступности определяют всю систему борьбы с ней (научную, законодательную, методическую, организационную, правоприменительную, исполнительную), они практически никогда системно не изучались и не изучаются. В контексте криминологического познания корыстной насильственной преступности, Б. М. Головкин приходит к выводу, что нынешнее состояние криминологических знаний о социальных последствиях преступности далеко не отвечает общественной значимости проблемы и запросам практической деятельности из предотвращения и противодействия этому антиобщественному феномену. Учёный допускает, что, исходя именно из этих обстоятельств, проблема не заняла соответствующее место в криминологической теории, а её разработка застыла где-то на уровне наработок прошлого века [2, с. 106].

И это при том, что «научная и общественная потребность в исследованиях, посвящённых методологии познания социальных последствий преступности, механизмов их возникновения и развития, технологии и методике определения масштабов политического, социального, материального, морального и иного вреда, причиняемого преступностью, факторам, способствующим умножению объема и минимизации этого вреда не требует специальной аргументации» [1, с. 3–4]. Не вызывает сомнений, что осознание действительно реальной, а не «адаптированной» цифры, которая отображает общественные потери от преступности, должно выступать в качестве краеугольного камня эффективной внутренней государственной политики противодействия криминалитету.

Бесспорно, что проблема последствий преступности является актуальной не только для Украины, но и для любого государственного образования, невзирая на особенности организации политической публичной власти. Глобальность и всеобъемлющий характер указанной проблемы находятся в фокусе внимания международного сообщества, обуславливая соответствующие выводы и рекомендации. Значительное влияние на предотвращение преступности и уголовное правосудие на международном уровне, а также на политику и профессиональную практику на национальном уровне произвели Конгрессы ООН по вопросам преступности, каких,

начиная с 1950 г., насчитывается уже тринадцать. Важность наработок международно-правовых документов, принятых по результатам каждого из них, трудно переоценить.

Впервые тема последствий преступности (более комплексно, а не фрагментарно) была рассмотрена участниками Пятого Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Женева, 1–12 сентября 1975 г.). Изучение материалов Доклада даёт возможность сформулировать следующие, наиболее важные, достижения в этой плоскости.

Актуализация вопроса последствий преступности в контексте дальнейших исследований и планирования. Издержки, связанные с преступностью могут быть оценены в связи с потерями и ущербом, наносимым отдельным лицам и обществу, с общественными расходами по предупреждению преступности и борьбе с ней и в связи с ростом озабоченности населения распространением и увеличением числа случаев насилия и преступлений против собственности [3, с. 161]. Фактически состоялась констатация того, что преступность перспективно рассматривать в связи с её экономическими и социальными последствиями. Этот новый подход может не только революционизировать пути её предотвращения и борьбы с ней, но и способствовать осознанию общественностью того, что преступность требует комплексного подхода к решению вопросов и осуществлению программ, связанных с национальной экономической и социальной стратегией развития.

Категоризация компонентов, образующих цену преступности. Будущая работа по анализу издержек и выгод в применении к политике и программам в области противодействия преступности должна быть сконцентрирована на двух основных аспектах: классификация источников издержек и выгод от преступности и определение взаимоотношений между экономическими и неэкономическими мерами ценности. Применительно к первому аспекту в п. 139 рабочего документа ООН специально оговаривалось, что «рассматриваемые издержки и выгоды должны включать издержки системы уголовного правосудия в предупреждении преступности и борьбе с ней; общественный ущерб в результате преступности, включая как экономический, так и неэкономический ущерб, ущерб свободе или правосудию в результате активных действий против преступности; выгоды от снижения преступности за счёт прямого сокращения потерь; выгоды и издержки снижения преступности в областях социальных показателей помимо общественной безопасности; и выгоды снижения преступности социальными мерами, не направленными непосредственно на борьбу с преступностью. Желательно, чтобы классификация этих издержек и выгоды производилась по отношению к предупреждению, мерам устрашения и наказания» [4, с. 20].

Расширенный анализ последствий преступности и мер по борьбе с преступностью. Первоочередное внимание было уделено экономическим последствиям, ведь их учёт представляется наиболее возможным и максимально приближенным к реальности. Борьба с преступностью поглощает значительные ресурсы, на долю которых приходится от 2 до 16 % оперативных бюджетов правительств. Связанные с преступностью расходы включают прямые финансовые потери в том, что касается жертв преступлений против собственности и личности, расходы по предупреждению преступности и мерам безопасности в общественных учреждениях и частных предприятиях и жилых помещениях, расходы по страхованию, потери в заработной плате находящихся в заключении правонарушителей и нетрудоспособных жертв и бремя социального обеспечения, обусловленное необходимостью оказания помощи семьям заключенных и жертв [3, с. 166].

Конгресс отмечает, что традиционно из основных видов социально вредных деяний, наибольшее внимание уделялось насилию, воровству, поставке товаров и услуг на незаконные рынки. Однако само причинение вреда путём растраты национальных ресурсов, вреда окружающей среде и коррупция имеют, как правило, наиболее серьёзные последствия как в экономическом, так и неэкономическом планах.

В контексте экономических последствий целесообразно выделять расходы, связанные с реализацией уголовного судопроизводства (оперативные, строительство новых учреждений пенитенциарной системы и тому подобное), значительный характер которых выступает в качестве дополнительного аргумента на пользу поиска новых средств, направленных на сокращение расходов в связи с борьбой с преступностью. В качестве дополнительных экономических и гуманитарных альтернатив акцент сделан на эволюционном пути уголовного судопроизводства с целью создания исправительных систем на местах и частичной декриминализации, которая даст возможность уменьшить не только расходы, связанные с его отправлением, но и масштабы рецидивизма.

В то же время, ведя речь о значительном характере связанных с преступлениями прямых расходов, участники Конгресса вполне логично отмечают, что они представляют собой лишь вершину айсберга. Ещё более значительным последствием по сравнению с материальным бременем являются страдания, которые вызывают преступления, и опасения, которые они порождают среди богатых и бедных за безопасность личности и собственности. Боязнь роста преступности и коррупция привели в ряде стран к социальной, экономической и политической нестабильности и даже к изменениям в системе правления [3, с. 166-167].

Процесс минимизации указанных последствий и обеспечения справедливого распределения социальных расходов требует преодоления ряда проблем, главной из которых следует назвать отсутствие согласованности между социальным и уголовным правосудием и более широкого понимания социальных последствий преступности. Социальное правосудие требует обращения внимания на социальные расходы с учётом того, что груз преступления больше всего давит на тех, кто меньше всех может его выдержать. Участниками Конгресса выражено мнение, что концепция социальных расходов в связи с преступностью непонята в большинстве обществ, что объясняется отличиями в политике, обществе и между обществами, недостаточным определением общих целей и нежеланием сотрудничать с системой уголовного правосудия.

Перспективность дальнейших разработок и исследований. Невзирая на работу по исследованию экономических, социальных и гуманитарных масштабов, проблема продолжает оставаться неразрешённой. Издержки в связи с преступностью выступают неопределёнными или «скрытыми», они являются значительнее, чем масштабы самой преступности. Поэтому необходима радикальная переоценка существующей практики, причём разработка новых мер борьбы с преступностью и планирование мер её предупреждения должны быть основаны на определении относительного вреда различного рода антисоциальных актов для общества, в сочетании с достоинствами применяемых программ борьбы. Лучшее понимание последствий различных форм преступности и других форм неправомерного поведения может обеспечить более прочную основу для разработки политики, планирования и программирования, а также распределения ресурсов в рамках системы уголовного правосудия, равно как и в других связанных с ними областях [3, с. 162-163].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаев, М. М. Социальные последствия преступности: методологические и прикладные проблемы / М. М. Бабаев, В. Е. Квашис // Научный портал МВД России. – 2010. – № 1 (9). – С. 3–12.
2. Головкин, Б. М. Корислива насильницька злочинність в Україні: феномен, детермінація, запобігання: монографія / Б. М. Головкин. – Харьков : Право, 2011. – 432 с.
3. Конгрессы ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию : сб. материалов : в 3 кн. / Нац. акад. правовых наук Украины ; НИИ изуч. пробл. преступности им. акад. В. В. Сташиса ; кол. сост. : В. В. Голина, М. Г. Колодяжный ; под общ. ред. В. В. Голины. – Киев : Ред. журн. «Право Украины» ; Харьков : Право, 2013. – Кн. 1. – 2013. – 188 с.
4. Цена преступности (методология её определения) : монография / под ред. проф. Н. А. Лопашенко. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 216 с.

УДК 343.2/7

Р. О. НЕЧАЙ

Гродно, отдел принудительного исполнения Октябрьского района

ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Третье тысячелетие представляет собой новый этап научно-технического развития, характеризующийся широким внедрением информационно-коммуникационных технологий, формирующих необходимые условия для создания информационного общества.

Еще 10–15 лет назад в Республике Беларусь не было ни самих киберпреступников, ни соответствующей законодательной базы. С приобретением независимости наша страна получила доступ к технологическим новшествам. Произошел своеобразный обмен: из бывшего СССР «утекали мозги», взамен наши знания обогащались тем бесценным высокотехнологическим опытом стран рыночной экономики, которого мы были лишены. Но к новым технологиям прилагался достаточно разнообразный «набор» совершенно новых, неизвестных ранее, преступлений. Кроме преступных деяний, где компьютерная техника была лишь средством или объектом преступления, появились совершенно специфические преступления, где объектом преступления стала информация, размещенная и на персональных компьютерах, и на компьютерах, соединенных как в локальную, так и глобальную информационные сети. Эти виды преступлений вошли в отдельный раздел Уголовного кодекса Республики Беларусь «Преступления против информационной безопасности» [1].

Одной из приоритетных задач в период формирования информационного общества является разработка необходимого законодательства. Становление информационного общества в условиях появления новых вызовов и угроз, направленных на дестабилизацию функционирования информационной инфраструктуры, нуждается в серьезном уточнении направления развития законодательства Республики Беларусь. Происходящие изменения особенно заметны на примере участвовавших случаев использования сети Интернет в противоправных целях.

В настоящее время в Республике Беларусь постоянно увеличивается количество преступлений против информационной безопасности. Так, по данным МВД, за 2013 г. в

сравнении с 2012 г. число выявленных преступлений в сфере высоких технологий увеличилось на 25,4 % (в 2013 г. – 2 558, в 2012 г. – 2 040).

Первое высокотехнологичное преступление на территории нашей республики было зарегистрировано 20 ноября 1998 г. Внедрив в программное обеспечение «компьютера-жертвы» вредоносную программу типа «тroyанский конь» под названием «BackOrifice», злоумышленник осуществил несанкционированный доступ к сетевым реквизитам пользователей сети Интернет из числа клиентов крупнейшего в Беларуси столичного сервис-провайдера.

В 2001 г. руководство МВД республики проанализировало криминогенную ситуацию, складывающуюся в сфере компьютерной информации и телекоммуникаций в нашей стране, а также странах дальнего и ближнего зарубежья. Была изучена организация работы правоохранительных органов других государств по предупреждению преступлений данной категории, опыт борьбы с киберпреступностью российских коллег. Принимая во внимание правонарушения, зарегистрированные в 1998-2000 гг., вступление в действие нового Уголовного кодекса, предусматривающего ответственность за преступления против информационной безопасности, а также высокую степень вероятности дальнейшего распространения киберпреступности на территории нашей страны, было принято решение о создании подразделения, специализирующегося на профилактике и раскрытии злодеяний данной категории.

28 ноября 2002 г. на основании приказа Министра внутренних дел, с целью совершенствования организации работы названных подразделений, в МВД было создано самостоятельное управление, осуществляющее практическую деятельность по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий (Управление «К»). Спустя 2 года (в 2004 г.) полностью подтвердилась правильность принятого решения, во всех УВД облисполкомов возникли самостоятельные отделы криминальной милиции по раскрытию преступлений в сфере киберпреступности [2, с. 15].

Изначально наиболее распространёнными были компьютерные махинации (хищения пин-кодов), конечным итогом которых являлось завладение товарами зарубежных интернет-магазинов, но с 2005 г. стали превалировать факты незаконного вторжения в процесс обмена электронными данными. На смену любителям-одиночкам пришли хорошо организованные преступные группы.

За короткий промежуток времени спектр преступлений в сфере высоких технологий значительно расширился и уже выходил за рамки злодеяний, имеющих исключительно экономический подтекст. Всё чаще совершались хакерские «атаки» на интернет-ресурсы государственного значения. Объяснялось это тем, что организованные преступные группы стали активнее использовать в своей противоправной деятельности новейшие достижения науки и техники. Технологические новинки использовались как для непосредственной подготовки, совершения и сокрытия преступлений, так и для организации преступной деятельности в целом (обмен информацией на качественно новом технологическом уровне).

Изучая категории лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за нарушения закона в области информационной безопасности, сотрудники Управления «К» пришли к выводу, что подавляющее большинство среди них составляют молодые люди в возрасте 18–29 лет (60,7 %). Вторыми по массовости шли граждане от 30 лет и старше (33,3 %). На основании данного анализа был сделан вывод: «Киберпреступления – удел взрослых, уже сформировавшихся личностей, выбравших вполне осознанно модель своего поведения в обществе». В то же время, постоянный

мониторинг ситуации показывает, что сделанный вывод в скором будущем будет опровергнут: количество несовершеннолетних, совершивших преступления в сфере высоких технологий, увеличивается с каждым годом.

Активные действия белорусских антихакеров сразу стали предметом внимательного изучения далеко за границами нашей республики, в результате чего привлекли внимание как правоохранительных органов других стран, специализировавшихся в этой области, так и IT-злоумышленников всех мастей. Значительные успехи белорусов успокоили первых, так как в рядах профессионалов явно прибыло, и по тем же причинам взволновали вторых.

За годы борьбы с высокотехнологичными преступлениями белорусский почерк не только восприняли, но и стали перенимать. Сегодня рассмотрение белорусского опыта в рамках различных семинаров и конференций является неотъемлемой частью данных мероприятий. Только в 2009 г. представители Управления по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий МВД приняли участие в десятке различных международных форумов. В частности, делегация МВД в марте 2009 г. приняла участие в рабочем совещании ОБСЕ по всеобъемлющему подходу к повышению кибербезопасности (г. Вена, Австрия), в ходе которого особый акцент делегацией был сделан на необходимость присоединения государств-участников к Конвенции Совета Европы по кибербезопасности, подписание которой позволит выйти на более качественный уровень взаимодействия между ними [3, с. 55].

Подводя итог, хочется выразить пожелание, чтобы белорусский законодатель активнее следил за развитием информационных технологий, проявлением новых способов использования инноваций во вред обществу, а также за новыми методиками и способами борьбы с подобными деяниями в зарубежных странах. Наука не стоит на месте: каждый день происходят новые открытия, конструируются новые изобретения, а сеть интернет всё дальше распространяется по миру. Такое разнообразие возможностей, которые предоставила наука современному человеку, может принести большой вред, если попадет в руки опытного хакера. Да и обычный пользователь, при соответствующей подготовке, даже с минимальным набором знаний, может немало навредить.

На наш взгляд, белорусские IT-специалисты должны обратить внимание на опыт своих российских коллег. Так, в ходе опроса, проведенного «Лабораторией Касперского» среди IT-специалистов малых, средних и крупных российских компаний, выяснилось, что защита данных оставалась в 2013 г. приоритетом № 1 для российских IT-специалистов – этим вопросом были обеспокоены более 40 % компаний. Данные показатели не удивительны, ведь согласно тому же опросу, в 65 % случаев утечка данных приводила к серьезным нарушениям бизнес-процессов предприятия, а 55 % инцидентов причинили значительный ущерб репутации компании. Сама же «Лаборатория Касперского» отмечает, что ежедневно появляется около 200 000 новых образцов вредоносного программного обеспечения. Надо отметить, что в основном вред компаниям наносят сами же сотрудники, так как даже для рядового сотрудника не представляет никакой трудности скинуть документ на личную электронную почту или забрать его домой на флеш-карте. Почти две трети работников (63,3 %) имеют удаленный доступ к корпоративной информации с домашних компьютеров, смартфонов или ноутбуков.

Мы настолько привыкли к интернету, компьютерной технике, электронным накопителям и т. д., что сами зачастую не понимаем, как легко могут воспользоваться злоумышленники нашими данными. Поэтому, что касается повседневной жизни

человека, мы не должны пренебрегать хотя бы минимальными средствами предосторожности. А что касается государства – как бы угрожающе это ни звучало, со временем киберпреступления станут серьезной угрозой во всех сферах деятельности человека и общества. Уже сейчас в СМИ прогнозируют появление нового вида терроризма – кибертерроризм. И это современная реальность третьего тысячелетия, которую просто нельзя игнорировать. Поэтому нашему государству сейчас самое время воспользоваться поговоркой «предупрежден – значит вооружен» и уделить значительную долю внимания пробелам в законодательстве данной сферы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. : с изм., внес. заключением Конституц. суда от 11.03.2004 г., № 3-171/2004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. Хомич, В. М. Научно-практический комментарий к уголовному кодексу Республики Беларусь / В. М. Хомич. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. – 695 с.
3. Чиченкова, О. С. Проблемы правовой охраны нераскрытой информации / О. С. Чиченкова // Интеллектуальная собственность Беларуси. – 2002. – № 2. – С. 50–56.

УДК 343.211

А. А. ПАЩЕНКО

Харьков, НИИ Изучения проблем преступности имени академика В. В. Сташиса НАПрН Украины, кандидат юридических наук, доцент

О ЗНАЧЕНИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ВИДОВ НОРМ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ УКРАИНЫ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ВОПРОСА ОБ ИХ СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ

Проблема подразделения уголовно-правовых норм на виды, как правильно подметила Е. В. Наден, в литературе поднимается, как правило, не самостоятельно, а в связи исследованием других вопросов, связанных с понятием, содержанием, системой уголовного права, уголовного законодательства и т. д. [1, с. 111]. Одним из таких вопросов является социальная обусловленность уголовно-правовых норм (законов об уголовной ответственности). Поэтому виды указанных норм мы будем выделять, опираясь на наличие особенностей в установлении их социальной обусловленности, а не на какой-то другой критерий. В то же время справедливым представляется и обратное утверждение: социальная обусловленность уголовно-правовых норм разных видов характеризуется неодинаково.

М. И. Бажанов, В. А. Навроцкий, А. В. Наумов, В. Д. Филимонов и многие другие украинские и российские криминалисты подразделяли (подразделяют) уголовно-правовые нормы на нормы общей и нормы особенной части. Как отмечает Е. В. Наден, не будет преувеличением утверждение о том, что до последнего времени такое подразделение было в науке общепринятым, безоговорочным и стало хрестоматийным [1, с. 113]. Не оспаривая его целесообразность и не комментируя критические соображения, которые появились по этому поводу в последнее время [1, с. 113-128], считаем необходимым отметить, что для решения вопроса о социальной обусловленности приведенная классификация норм мало что даёт. Дело в том, что как

в Общей, так и в Особенной части Уголовного кодекса Украины (далее – УК Украины) имеются различные по содержанию нормы, исследование социальной обусловленности которых не может основываться на одинаковых принципах. Возьмём для примера три нормы Общей части УК Украины: ст. 9 «Правовые последствия осуждения лица за пределами Украины», ст. 45 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием», а также примечание к последней статье, где даётся определение коррупционного преступления. Очевидно, учитывая разное функциональное предназначение указанных норм, их социальную обусловленность невозможно исследовать с помощью одного и того же круга обстоятельств. То есть даже в пределах Общей части имеются нормы, которые существенно отличаются друг от друга. Теперь пример из Особенной части: ст. 137 «Ненадлежащее исполнение обязанностей по охране жизни и здоровья детей», ст. 401 «Понятие воинского преступления», ч. 2 ст. 111 УК Украины «Освобождение от уголовной ответственности за государственную измену». Не вызывает сомнения, что задачи, которые преследовал законодатель, устанавливая эти нормы, различны.

Таким образом, подразделения уголовно-правовых норм на нормы Общей и нормы Особенной частей явно недостаточно для формирования инструментария (круга обстоятельств), с помощью которого определяется их социальная обусловленность. С другой стороны, следует отметить, что и в Общей и в Особенной частях имеются нормы с одинаковым функциональным предназначением. Прежде всего, это касается тех, которые предусматривают возможность непривлечения (или освобождения) лица от уголовной ответственности при определённых условиях. Такие нормы стимулируют определённое поведение субъекта преступления, являющееся для общества полезным. Они расположены законодателем как в Общей, так и в Особенной частях УК Украины: ст. 17 «Добровольный отказ при неоконченном преступлении», ст. 46 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением виновного с потерпевшим», ч. 2 ст. 114 «Освобождение от уголовной ответственности за шпионаж», ч. 3 ст. 175 «Освобождение от уголовной ответственности за невыплату заработной платы, стипендии, пенсии или других установленных законом выплат» и другие. Приведённое суждение является вторым аргументом, подтверждающим невозможность использования рассматриваемой классификации уголовно-правовых норм для решения вопроса об их социальной обусловленности.

Иную классификацию уголовно-правовых норм предложил В. Д. Филимонов. С его точки зрения, существуют нормы, регулирующие поведение граждан и деятельность государственных органов, главным образом, посредством других правовых норм (нормы, определяющие задачи, принципы и основные понятия уголовного права) и нормы, которые непосредственно регулируют поведение граждан и (или) деятельность государственных органов [2, с. 15]. Считаем, что такое подразделение норм на виды (также как и то, что было приведено выше) не может быть приемлемым для решения вопроса об их социальной обусловленности. Круг обстоятельств, определяющих последнюю, не может зависеть от того, оказывает определённая норма своё влияние прямо или опосредовано. Кроме того, рассматриваемая классификация не отражает особенностей норм в зависимости от цели и предмета уголовно-правового регулирования.

Уголовно-правовой метод не сводится исключительно к запрету, и, соответственно, система уголовно-правовых норм не исчерпывается запрещающими нормами [3, с. 29-31; 4, с. 84]. Т. В. Кленова выделяет также обязывающие, дозволяющие нормы, а также обращённые к суду управомочивающие нормы [4, с. 84].

Ранее эти виды норм называли П. С. Тоболкин [5, с. 41] и В. М. Галкин [6, с. 147]. При этом последний такой классификацией не ограничился, и, основываясь на постулате о регулятивной и охранительной функциях права, писал о регулятивных и охранительно-регулятивных уголовно-правовых нормах [6, с. 145; 146], а затем упомянул ещё поощрительно-регулятивные [6, с. 152]. Исследователь отметил, что охранительные нормы также регулятивны, иначе, по его убеждению, они не были бы нормами [6, с. 145], а поощрительные не только стимулируют субъекта обещанием определённых благ, но и наделяют правом или возлагают обязанность на государство предоставить соответствующее поощрение [6, с. 152]. Считаю приведённое уточнение вполне справедливым, но излишним. Дело в том, что регулирование отношений является назначением права в обществе, а поэтому не может существовать норм, которые ничего не регулируют. Если подходить к решению проблемы в предложенном учёным аспекте, то получается, что все нормы являются регулятивными, а это мало что даёт для их классификации. Поэтому указание на регулятивную составляющую охранительных норм является излишним. То же касается и поощрительных норм, не только предусматривающих благоприятные последствия, которые наступают или могут наступить для отдельных лиц при выполнении ими определённых требований, но и регулируют деятельность судебных и правоохранительных органов государства в таких случаях. То есть поощрение субъекта к определённому поведению невозможно без одновременного регулирования реакции на него со стороны государства.

Уместным представляется суждение Ю. В. Баулина о том, что вид нормы определяется тем видом уголовно-правовых отношений, которые такая норма предназначена упорядочивать в единстве с другими нормами [7, с. 812]. Следует поддержать также Е. В. Гороховскую, которая считает, что природа социальной обусловленности общественных отношений и уголовно-правовых норм, которые их регулируют и охраняют, едина [8, с. 7]. Поэтому соответствующим видам общественных отношений корреспондируют такие же виды уголовно-правовых норм.

И. В. Диордица отмечает, что следует выделять следующие виды уголовно-правовых отношений и, соответственно, норм: охранительные, запретительные и отношения в сфере правомерного поведения [9, с. 17]. В связи с этим интересно было бы узнать, как запретительные уголовно-правовые отношения соотносятся с охранительными? К сожалению, ответа на этот вопрос учёный не даёт. На наш взгляд, здесь речь идет об одном и том же. Если же под запретительными нормами уголовного права имеются в виду те положения, которые делают невозможным для правоприменителя совершение каких-либо действий, то таким образом эти нормы регулируют надлежащее поведение последнего, то есть являются регулятивными. Так, например, согласно ч. 6 ст. 80 УК Украины, «давность не применяется в случае осуждения за преступления против мира и безопасности человечества, предусмотренные статьями 437-439 и частью первой ст. 442 настоящего Кодекса». Это положение не позволяет суду применять давность в перечисленных случаях, регулируя тем самым его поведение. Кроме того, вряд ли данное положение можно назвать уголовно-правовой нормой. Таковой является лишь ст. 80 УК Украины в целом. Она регулирует освобождение от отбывания наказания, то есть является регулятивной нормой. Также следует отметить, что если взять отдельно ч. 6 названной ст. УК Украины, то она не имеет собственного, самостоятельного объекта (предмета) уголовно-правового регулирования, а выполняет соответствующую функцию только в совокупности с другими положениями этой статьи. К такому же выводу можно прийти и анализируя ч. 2 ст. 19 УК Украины, в которой указано, что «не подлежит уголовной

ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло осознавать свои действия (бездействие) или руководить ими вследствие хронического психического заболевания, временного расстройства психической деятельности, слабоумия или иного болезненного состояния психики». Установленный здесь запрет на привлечение к уголовной ответственности не имеет самостоятельного характера, не может быть назван отдельной уголовно-правовой нормой, а является частью нормы, регулирующей вопросы вменяемости. Указанное характерно и для других статей УК Украины, отдельные части которых содержат адресованный правоприменителю запрет совершать определённые действия: ч. 2 ст. 7, ч. 1 ст. 10, ч. 2 ст. 14, ч. 3 ст. 19, ч. 5 ст. 29, ч. 2 ст. 31 и др.

В. П. Коняхин в зависимости от способа правового регулирования подразделяет нормы Общей части УК Украины на уполномочивающие, обязывающие и запрещающие. Первые, по мнению ученого, наделяют участников уголовно-правовых отношений субъективными правами, указывают на возможность активного использования предоставленных им дозволений, вторые – обязывают субъекта уголовно-правовых отношений к тому или иному виду активного поведения и реализуются в форме выполнения или применения, третьи – возлагают на субъектов уголовно-правовых отношений обязанность пассивного поведения – воздержание от совершения определённых действий и реализуются в форме соблюдения [10, с. 32]. Такая классификация, очевидно, обусловлена тем, что учёный посвятил своё исследование сугубо Общей части уголовного права. Тем не менее, он выделяет в ней запрещающие нормы, что не является типичным подходом в науке. В то же время юрист по неизвестным причинам оставляет без внимания дефинитивные нормы (нормы-дефиниции), которые даже в Общей части имеются в большом количестве.

По мнению П. Л. Фриса, существуют 2 основных вида уголовно-правовых правоотношений: охранительные (составляющие подавляющее большинство, поскольку именно для охраны важнейших ценностей общества существует данная отрасль права) и поощрительные (призванные регулировать позитивное поведение граждан в экстремальных ситуациях, примыкающих к сфере уголовно-правового регулирования – необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание преступника и др.) [11, с. 8]. В связи с изложенным отмечаем, что имеются по крайней мере три, а не два, вида уголовных правоотношений. Более того, приведённые примеры обстоятельств, исключающих преступность деяния, являются примерами регулятивных, а не поощрительных правоотношений, поскольку определяют правомерность соответствующего поведения субъекта, а не поощряют (стимулируют) его к чему-то. Сам правовед далее признает, что «нельзя отбрасывать и чисто регулирующее назначение некоторых уголовно-правовых норм», и здесь также приводит в качестве примера обстоятельства, исключающие преступность деяния [11, с. 11; 12]. Отсюда следует, что:

- или учёный признаёт наличие регулятивных уголовно-правовых правоотношений (о которых почему-то не указал на с. 8, но тогда непонятно, почему в обоих случаях использовался один и тот же пример);
- или поощрительным уголовно-правовым правоотношениям корреспондируют регулятивные уголовно-правовые нормы, что тоже, с нашей точки зрения, является не совсем логичным.

В то же время считаем, что следует поддержать вывод П. Л. Фриса о том, что перечень регулятивных норм «в действующем законодательстве ограничен по

сравнению с наработками уголовно-правовой науки и в дальнейшем, надеемся, будет расширяться» [11, с. 12]. Пользуясь случаем, считаем необходимым подчеркнуть, что положения УК Украины об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, являются регулятивными уголовно-правовыми нормами, а не только нормами уголовного законодательства, как иногда утверждается в литературе. Например, ст. 36 УК Украины регулирует поведение субъекта, желающего воспользоваться предусмотренным в Конституции Украины правом на необходимую оборону. Такое регулирование осуществляется путём установления условий правомерности последней.

А. С. Оцяця справедливо отмечает, что методом функции права является способ регулирования общественных отношений. Она также утверждает, что уголовное право регулирует общественные отношения путём принуждения или поощрения лиц-участников данных отношений [12, с. 338]. Последнее суждение свидетельствует о том, что исследователь, так же как и П. Л. Фрис, выделяет два вида уголовно-правовых отношений: охранительные и поощрительные. Только о двух соответствующих видах норм уголовного права упоминает также П. В. Хряпинский [13, с. 36]. В связи с изложенным, считаем необходимым отметить, что нельзя игнорировать наличие в рассматриваемой отрасли права значительного по объёму массива норм, которые ничего не охраняют и ни к чему не поощряют. Эти нормы можно назвать собственно регулятивными или чисто регулятивными. Поэтому, кроме двух отмеченных учёными способов, существует еще как минимум один (собственно регулирование или чисто регулирование). Такую функцию выполняют нормы, предусмотренные стст. 5, 9, 10 УК Украины и др.

Обязанность, уполномочивание (управомочивание), дозволение являются разновидностями проявления регулятивной функции уголовного права. Поэтому есть смысл называть регулятивными все нормы (обязывающие, уполномочивающие (управомочивающие) и позволяющие), которые корреспондируют указанным разновидностям. Кроме того, отмеченные нормы имеют общую правовую природу, поэтому их социальную обусловленность следует изучать при помощи анализа одного и того же круга обстоятельств. С другой стороны, все эти разновидности регулятивных норм отличаются от норм других приведённых учёными видов, а потому образуют самостоятельную группу.

То есть, нет смысла в поиске отдельных правовых инструментариев для исследования социальной обусловленности обязывающих, уполномочивающих и позволяющих норм, и в то же время все такие нормы принципиально отличаются от других, а потому для решения указанной научной проблемы целесообразно выделять одну самостоятельную группу норм – регулятивные.

Учитывая выделенные наукой методы (способы) уголовно-правового регулирования (запрет, поощрение и собственно регулирование), а также особую правовую природу норм-дефиниций (поскольку вряд ли к названным методам можно относить такой метод, как разъяснение), которые ничего не охраняют и сами по себе ничего не регулируют, а лишь толкуют соответствующие термины, причём делают это применительно к отдельным положениям законодательства об уголовной ответственности, а не для УК Украины в целом (иначе говоря, они нужны для обеспечения возможности применения уголовно-правовых норм иных видов, прежде всего охранительных и регулятивных), – для решения вопроса о социальной обусловленности представляется целесообразным выделять 4 вида уголовно-правовых норм: охранительные, регулятивные, поощрительные и дефинитивные (нормы-дефиниции).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Наден, О. В. Теоретичні основи кримінально-правового регулювання в Україні : монографія / О. В. Наден. – Харьков : Право, 2012. – 272 с.
2. Филимонов, В. Д. Норма уголовного права : монография / В. Д. Филимонов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 279 с.
3. Наумов, А. В. Реализация уголовного права и деятельность следователя : учеб. пособие / А. В. Наумов. – Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1983. – 83 с.
4. Кленова, Т. В. Структура уголовно-правовой нормы и выражение её предписаний в законодательстве / Т. В. Кленова // Сов. государство и право. – 1988. – № 11. – С. 80–84.
5. Тоболкин, П. С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм : монография / П. С. Тоболкин. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1983. – 176 с.
6. Галкин, В. М. Классификация уголовно-правовых норм / В. М. Галкин // Проблемы совершенствования советского законодательства : сб. ст. ; редкол.: А. М. Яковлев (гл. ред.) [и др.]. – М. : ВНИИ сов. зак-ва, 1976. – Вып. 5. – С. 143–155.
7. Баулин, Ю. В. Уголовное право как система уголовно-правовых норм // Вибрані праці / Ю. В. Баулін. – Харьков : Право, 2013. – С. 811–813.
8. Гороховська, О. В. Вбивство через необережність: проблеми кримінальної відповідальності : монографія / О. В. Гороховська. – Київ : Вид-во Паливода А. В., 2007. – 180 с.
9. Діордіца, І. В. Кримінальне право України: навчальне видання : посіб. для підготовки до іспитів / І. В. Діордіца. – Київ : Видавець Ліпкан О. С., 2010. – 288 с.
10. Коняхин, В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В. П. Коняхин ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2002. – 42 с.
11. Фріс, П. Л. Кримінальне право України. Загальна частина : навч. посіб. / П. Л. Фріс. – Київ : Центр навч. літ., 2004. – 362 с.

УДК 343.21

В. В. ШПИЛЯРЕВИЧ

Ивано-Франковск, ПНУ имени Василия Стефаника, кандидат юридических наук

МЕРЫ НАКАЗАНИЯ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ БЕЗОПАСНОСТИ В СИСТЕМЕ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Согласно ч. 1 ст. 50 Уголовного кодекса Украины (далее – УК Украины) наказание есть мера государственного принуждения, применяемая от имени государства по приговору суда к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренном законом ограничении прав и свобод осуждённого [1]. Как известно, наказание было и остаётся сейчас классическим, одним из основных уголовно-правовых инструментов в руках государства для охраны важнейших общественных отношений. Это обусловлено тем, что в течение тысячелетий существования государства оно не смогло бы обеспечивать нормальную и стабильную жизнедеятельность общества без этого уголовно-правового института. Однако сегодня следует, что важную роль в сфере противодействия преступности выполняют не только меры наказания, но и другие, предусмотренные действующим УК

Украины, меры, в частности те, которые по своей правовой природе относятся к так называемым мерам безопасности.

Под уголовно-правовыми мерами безопасности следует понимать разновидность мер уголовно-правового характера, предусмотренных УК Украины, от имени государства по мотивированному решению суда применяются к лицу, которое находится в «опасном состоянии», с целью предотвращения повторного совершения им общественно опасного деяния, подпадающее под признаки деяния, предусмотренного Особенной частью УК Украины [2, с. 4; 8; 12].

Стоит отметить, что в нашем государстве, к сожалению, меры безопасности в сфере уголовно-правовой политики Украины, как самостоятельный вид профилактического воздействия, до сих пор не признаются и, наверное, поэтому до сих пор не получили должного закрепления в законе Украины об уголовной ответственности. Свидетельством этого является то, что в Общей части действующего УК Украины до сих пор нет ни одной нормы, не говоря об отдельном самостоятельном институте, который определял бы понятие, систему, цель и основания их применения. Это ещё раз доказывает то, что на научном уровне система мер, обеспечивающая надлежащую охрану уголовным законом интересов от общественно опасных деяний, рассматривается исключительно в пределах ответственности [3, с. 321], то есть все методы уголовно-правового реагирования на общественно опасные деяния сводятся к наказанию. Но уголовный закон в сфере противодействия преступности может быть эффективным только в том случае, если им предусмотрены разумные и научно обоснованные цель, задачи и средства их достижения [4, с. 241]. Кроме того, сегодня, как справедливо отмечали М. И. Загородников и А. Б. Сахаров, «<...> в условиях исторического поворота в сторону последовательной гуманизации <...> общества большое внимание и дальнейшего развития вообще требует некарательный метод уголовно-правового регулирования общественных отношений <...>» [5, с. 70].

В связи с этим, изучая вопрос места мер наказания и уголовно-правовых мер безопасности в системе мер противодействия преступности, целесообразно обратить внимание на критерии сходства и различия между ними. В частности, учитывая теоретические достижения учёных, следует отметить, что уголовно-правовые меры безопасности отличаются от мер наказания по следующим признакам:

- эти меры не включены в законодательный перечень видов наказаний [6, с. 462];
- исследуемые меры применяются только к лицу, которое находится в так называемом «опасном состоянии», что объективно свидетельствует о высокой степени вероятности в будущем повторно совершить то или иное общественно опасное деяние, предусмотренное соответствующей ст. Особенной части УК Украины [7, с. 42; 8, с. 159; 9, с. 66];
- уголовно-правовые меры безопасности, в отличие от мер наказания, для которых характерна и общая, и специальная превенция, ограничиваются исключительно специальной превенцией, поскольку направлены непосредственно на устранение так называемого «опасного состояния», в котором находится лицо [7, с. 42; 9, с. 65; 10, с. 333; 11, с. 6; 12, с. 5; 13, с. 279];
- указанные мероприятия, в отличие от мер наказания, могут применяться как на основании обвинительного приговора суда, так и за его постановлением (например, принудительные меры медицинского характера, применяемые к лицу, совершившему общественно опасное деяние в состоянии невменяемости) [9, с. 65; 66].

Что касается вопроса выяснения критериев сходства уголовно-правовых мер безопасности с мерами наказания, то, как правило, оно выражается в следующем:

- имеют уголовно-правовой характер [9, с. 65], то есть выступают разновидностью мер уголовно-правового характера;
- как институт мер безопасности, так и институт наказания должны предусматриваться исключительно законом Украины об уголовной ответственности [9, с. 66];
- их применение является прерогативой суда [9, с. 66];
- механизмом реализации мер безопасности и мер наказания является государственное уголовное принуждение – их применение не зависит от воли лиц, к которым эти меры применяются [14, с. 34; 292; 15, с. 63; 16, с. 44; 17, с. 12; 9, с. 65; 66].

Таким образом, меры наказания и уголовно-правовые меры безопасности являются самостоятельными мерами уголовно-правового характера и достаточно эффективными в случае целесообразности их реализации. Поскольку, как известно, не всегда применение наказания к виновному способно привести к желаемому результату. Напротив, жестокость наказания убеждает виновного в несправедливости его осуждения, порождает в его сознании чувство обиды, неуважения к обществу, государству и его законам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001, № 2341 – III // СЗ. – 2001. – № 25–26. – ст. 131.
2. Шпиляревич, В. В. Уголовно-правовые меры безопасности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. В. Шпиляревич. – Львов, 2015. – 20 с.
3. Пимонов, В. А. Проблема систематизации мер принуждения в уголовном праве России / В. А. Пимонов // Системность в уголовном праве : материалы 2-го Российского конгресса уголовного права, Москва, 31 мая – 1 июня, 2007 г. – М., 2007. – С. 321.
4. Митрофанов, И. Уголовно-правовые средства воздействия в механизме реализации норм, устанавливающих наказание за совершение преступлений / И. Митрофанов // Право Украины. – 2012. – № 7. – С. 239–245.
5. Загородников, Н. И. Социальное обновление советского общества и проблемы уголовного права / Н. И. Загородников, А. Б. Сахаров // Методологические проблемы уголовно-правового регулирования. – М., 1991. – 237 с.
6. Митрофанов, И. И. Уголовное право Украины. Общая часть : учеб. пособие / И. И. Митрофанов. – Кременчуг : ПП Щербатих О. В., 2009. – 632 с.
7. Брынза, С. М. Наказание за преступления против собственности по уголовному законодательству Республики Молдова / С. М. Брынза // Российский следователь. – 2002. – № 9. – С. 37–46.
8. Крылова, Н. Е. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии) : учеб. пособие / Н. Е. Крылова, А. В. Серебренникова. – М. : Зерцало, 1997. – 192 с.
9. Пономаренко, Ю. Меры безопасности по уголовному праву Украины / Ю. Пономаренко // Вестник прокуратуры. – 2011. – № 9 (123). – С. 63–67.
10. Пономаренко, Ю. А. К вопросу о мерах безопасности по уголовному законодательству Украины / Ю. А. Пономаренко // Уголовный кодекс Украины: 10 лет ожиданий : тезисы докладов и сообщений участников Международного симпозиума, Львов, 23–24 сент. 2011 г. – Львов : Львовский гос. ун-т внутр. дел, 2011. – С. 332–334.
11. Хавронюк, М. И. Меры уголовно-правового воздействия: какие они бывают / М. И. Хавронюк // Юридический вестник Украины. – 2013. – № 21 (934). – С. 6–7.

12. Хавронюк, М. И. Меры уголовно-правового воздействия: какие они бывают / М. И. Хавронюк // Юридический вестник Украины. – 2013. – № 22 (935). – С. 5.

13. Хавронюк, М. И. Уголовное законодательство Украины и других государств континентальной Европы: сравнительный анализ, проблемы гармонизации : монография / Н. И. Хавронюк. – М. Юрист, 2006. – 1048 с.

14. Жалинский, А. Э. Современное немецкое уголовное право / А. Э. Жалинский. – М. : Проспект, 2004 – 560 с.

15. Щедрин, Н. В. Введение в правовую теорию мер безопасности : монография / Н. В. Щедрин. – Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 1999. – 180 с.

16. Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности : монография / под науч. ред. Н. В. Щедрина. – Красноярск : СФУ, 2010. – 324 с.

17. Щедрин, Н. В. Меры безопасности как средство предупреждения преступности : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук : 12.00.08 / Н. В. Щедрин ; Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 2001. – 34 с.

УДК 344.65

Ж. А. ЛУЦЕВИЧ

Минск, АУнПРБ

Научный руководитель – Т. В. Телятицкая, кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Одной из функций любого государства является защита прав и свобод личности. В этих целях в государственном аппарате создаются и функционируют правоохранительные органы, а высшие органы государства и соответствующие должностные лица обязаны осуществлять любые доступные меры и действия для осуществления защиты законных прав и интересов различных субъектов.

Правоохранительные органы – это государственные органы, создаваемые в целях обеспечения правопорядка и законности, защиты прав, свобод и интересов граждан, организаций, общества и государства, предупреждения и пресечения преступлений и административных правонарушений, применения государственного принуждения или юридического воздействия в отношении лиц, совершивших неправомерные деяния [1, с. 5].

Детальная правовая регламентация таможенной деятельности имеет существенное практическое значение. Исследованию проблем правоохранительной деятельности, а также деятельности таможенных правоохранительных органов в научной юридической литературе советского и современного периода посвящено большое количество исследований (В. Г. Драганов, А. З. Игнатюк, А. Ф. Ноздрачев, А. В. Гриненко, Г. И. Загорский, Н. А. Петухов и др.), однако мнения учёных по данному вопросу различаются.

Правоохранительная деятельность таможенных органов направлена на защиту экономического суверенитета и экономической безопасности Республики Беларусь, прав и законных интересов участников таможенных правоотношений. Такой характер деятельности таможенных органов наиболее ярко проявляется в процессе применения должностными лицами таможенных органов мер принудительного характера в целях

борьбы с административными таможенными правонарушениями и преступлениями [2, с. 155].

Правоохранительную функцию таможенных органов также можно определить как экономически и социально-политически обусловленное направление правового воздействия, проводимого таможенными органами в соответствии с законодательством в определённых формах, направленного на охрану общественных отношений в сфере таможенного дела [3, с. 20].

Существуют разные подходы к определению состава форм, в которых осуществляется правоохранительная деятельность таможенными органами.

В частности, А. А. Чепик определяет, что правоохранительная деятельность осуществляется таможенными органами в следующих основных формах: административно-правовой; административно-процессуальной; уголовно-правовой; уголовно-процессуальной; оперативно-розыскной [1, с. 6].

А. З. Игнатюк также указывает, что правоохранительная деятельность таможенных органов осуществляется в различных формах – административно-правовой, уголовно-правовой, оперативно-розыскной, которые взаимосвязаны между собой, дополняют друг друга и являются средствами достижения целей и решения задач, стоящих перед таможенными органами.

Целями правоохранительной деятельности, помимо обеспечения реализации правовых норм, являются также: выявление подготовки или осуществления нарушений белорусского законодательства и международных договоров, к которым присоединилась Республика Беларусь, предупреждение преступности во внешнеэкономической деятельности, пресечение административных таможенных правонарушений [4, с. 4]. Этому же мнению придерживается Д. А. Кривошей [5, с. 212].

И. И. Дубик определяет, что основными формами правоохранительной деятельности таможенных органов являются:

- административно-правовая деятельность;
- административно-процессуальная деятельность;
- уголовно-правовая деятельность;
- уголовно-процессуальная деятельность;
- оперативно-розыскная деятельность.

Перечисленные формы тесно взаимосвязаны между собой, дополняют друг друга и являются средствами для достижения цели и решения задач, стоящих перед таможенными органами [6, с. 282–283].

И. И. Дубинский указывает, что содержание таких функций, как ведение борьбы с контрабандой и иными преступлениями, производство по делам о которых отнесено к компетенции таможенных органов, административными правонарушениями, ведение административного процесса по которым отнесено к компетенции таможенных органов, пресечение незаконного оборота через таможенную границу Таможенного союза и (или) Государственную границу Республики Беларусь наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, оружия, культурных ценностей, радиоактивных веществ, животных и растений, относящихся к видам, подпадающим под действие международных договоров Республики Беларусь и (или) включённым в Красную книгу Республики Беларусь, их частей и дериватов, других товаров, а также оказание содействия в борьбе с международным терроризмом и пресечении незаконного вмешательства в аэропортах Республики Беларусь в деятельность международной гражданской авиации, раскрывается в отдельных нормативных правовых актах, регулирующих вопросы осуществления правоохранительной

деятельности в стране. В частности, к таким нормативным правовым актам относятся: Уголовный кодекс Республики Беларусь, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, Закон Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 289-З «Об оперативно-розыскной деятельности» [7].

И. И. Дубик определяет, что уголовно-правовая и уголовно-процессуальная формы правоохранительной деятельности таможенных органов как органов дознания проявляются в:

- возбуждении уголовных дел по фактам или признакам преступлений, борьба с которыми отнесена к компетенции таможенных органов;
- производстве дознания по этим делам;
- участии в следственных действиях по поручению органов предварительного следствия [6, с. 284].

А. З. Игнатюк указывает, что уголовно-правовая форма правоохранительной деятельности таможенных органов как органов дознания проявляется в возбуждении уголовных дел по фактам или признакам уголовных преступлений, борьба с которыми отнесена к компетенции таможенных органов, в производстве дознания по этим делам, а также участии в следственных действиях по поручению органов предварительного следствия [4, с. 4].

Экономическая преступность, транснациональные организованные преступные группы и нелегальная миграция представляют в настоящее время наибольшую опасность для государств-членов ЕАЭС. В соответствии со ст. 7 Таможенного кодекса Таможенного союза таможенные органы Республики Беларусь являются органами дознания по делам о контрабанде, об уклонении от уплаты таможенных платежей и иных преступлениях, производство по которым в соответствии с законодательством Республики Беларусь отнесено к ведению таможенных органов [8]. В Таможенном кодексе ЕАЭС подобная норма закреплена в ч. 1 ст. 354 [9].

Дознание по делам о преступлениях, по которым дознание отнесено к ведению таможенных органов, проводят должностные лица отделов таможенных расследований, отделов по борьбе с контрабандой и административными таможенными правонарушениями, оперативно-поисковых отделов, таможенных постов и отделов таможенного оформления и контроля таможенных органов, уполномоченные на то руководителем таможенного органа, в соответствии с должностной инструкцией.

При рассмотрении фактов нарушений таможенного законодательства Государственным таможенным комитетом Республики Беларусь последовательно проводится работа по обеспечению единых подходов таможенных органов при разграничении фактов совершения неумышленных ошибочных действий, незначительных проступков, не влекущих ущерба экономике республики, и фактов незаконного перемещения товаров.

Таможенные органы как органы дознания в соответствии со ст. 46 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь в пределах своей компетенции обязаны:

- принимать предусмотренные уголовно-процессуальным законом меры для обнаружения преступлений и лиц, их совершивших;
- принимать все необходимые меры для предупреждения и пресечения преступлений.

Процессуальная деятельность таможенных органов определяется теми статьями Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, которые регулируют

деятельность органов дознания по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно.

В соответствии со стст. 37–39 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь на таможенные органы как органы дознания возлагается принятие необходимых оперативно-розыскных и иных предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер в целях обнаружения преступления и лиц, их совершивших.

На орган дознания возлагается также обязанность принятия всех мер, необходимых для предупреждения и пресечения преступления [10].

Приказом Председателя Государственного таможенного комитета Республики Беларусь от 19 июня 1993 г., № 189-ОД утверждено Положение о дознании в таможенных органах Республики Беларусь [11]. Положение определяет структуру органов дознания в системе таможенных органов, их функции, обязанности начальников таможен как руководителей органов дознания и порядок наделения должностных лиц таможенных органов правами на производство дознания.

Органами дознания в системе таможенных органов Республики Беларусь являются Государственный таможенный комитет Республики Беларусь и таможни.

Все предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь права и обязанности органа дознания принадлежат их начальникам. В системе таможенных органов начальниками органов дознания являются Председатель Государственного таможенного комитета Республики Беларусь и его первый заместитель, начальники таможен и их заместители по вопросам борьбы с таможенными правонарушениями.

Законность и обоснованность принимаемых таможенными органами процессуальных решений на этих стадиях зависят от правильного понимания и точного соблюдения, установленных процессуальным законом, правил.

Уголовное дело может быть возбуждено только при наличии указанных в уголовно-процессуальном законе условий. Ими являются: повод, основания к возбуждению уголовного дела и отсутствие обстоятельств, исключающих производство по делу.

Решая вопрос о возбуждении уголовного дела, уполномоченные органы и должностные лица должны иметь достаточные данные, указывающие на наличие признаков преступления, т. е. располагать фактическими сведениями, позволяющими сделать вывод о существовании самого события и о наличии в нём юридических признаков состава преступления.

И. И. Дубик фактически не разграничивает уголовно-правовую и уголовно-процессуальную формы правоохранительной деятельности и, рассматривая данные формы, рассматривает особенности правового статуса таможенных органов как органов дознания. А. З. Игнатюк определяет деятельность таможенных органов как органов дознания в качестве уголовно-правовой формы правоохранительной деятельности, однако фактически деятельность органов дознания регламентируется уголовно-процессуальными нормами. По нашему мнению, целесообразно определение деятельности таможенных органов как органов дознания в качестве уголовно-процессуальной формы деятельности, т. к. уголовно-правовая форма представляет собой, в первую очередь, закрепление материальных правил в нормах Уголовного кодекса, к которым таможенные органы фактически прямого отношения не имеют.

На основании проведённого анализа можно сделать следующие выводы.

Правоохранительную функцию таможенных органов можно определить как экономически и социально-политически обусловленное направление правового воздействия, проводимого таможенными органами в соответствии с законодательством в определённых формах, направленного на охрану общественных отношений в сфере таможенного дела

В соответствии со ст. 8 Закона Республики Беларусь «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» Государственный таможенный комитет Республики Беларусь и таможи являются государственными правоохранительными органами. На основании проведённого исследования в области правоохранительной деятельности считаем перспективным выделение следующих форм правоохранительной деятельности таможенных органов:

- административно-процессуальная деятельность;
- уголовно-процессуальная деятельность;
- оперативно-розыскная деятельность;
- профилактическая деятельность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чепик, А. А. Теоретические и правовые основы правоохранительной деятельности таможенных органов Республики Беларусь : пособ. для студентов фак. междунар. отношений / А. А. Чепик. – Минск : БГУ, 2012. – 98 с.

2. Квятович, А. А. Правоохранительный характер деятельности таможенных органов Республики Беларусь / А. А. Квятович // Проблемы управления. – 2014. – № 4 (53). – С. 152–156.

3. Коваленок, Д. В. Деятельность таможенных органов по противодействию правонарушениям как фактор обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь / Д. В. Коваленок // Идеологические аспекты военной безопасности. – Минск. – 2015. – № 2. – С. 18–23.

4. Игнатюк, А. З. Правоохранительная деятельность таможенных органов Республики Беларусь / А. З. Игнатюк, И. С. Яцута. – Минск : РУП «Белтаможсервис», 2003. – 96 с.

5. Кривошей, Д. А. Правоохранительная деятельность таможенных органов Республики Беларусь / Д. А. Кривошей // Экономические, юридические и информационные аспекты внешнеэкономической деятельности : материалы 3-й Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 8–9 апр. 2010 г. : в 2 ч. / М-во образования Респ. Беларусь, БНТУ, Факультет технологий управления и гуманитаризации ; редкол.: Г. М. Бровка [и др.]. – Минск : БНТУ, 2010. – Ч. 1. – С. 210–213.

6. Таможенная служба: основы деятельности : учеб.-метод. пособие / И. И. Дубик [и др.] – Минск : Амалфея, 2012. – 460 с.

7. Постатейный комментарий к Закону Республики Беларусь от 10.01.2014 г. № 129-З «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» [Электронный ресурс] / Н. А. Дубинский [и др.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2017.

8. Таможенный кодекс Таможенного Союза [Электронный ресурс] : приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества на уровне глав государств, 27 нояб. 2009 г., № 17 : в ред. Протокола от 16.04.2010 г. // Сайт Евразийской экономической комиссии. – Режим доступа: <http://www.tsouz.ru/Docs/Kodeks3/Pages/default.aspx>. – Дата доступа: 01.05.2017 г.

9. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]: приложение №1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза [заключен в г. Москва 11.04.2017 г.] // Сайт Альта-Софт. – Режим доступа: <https://www.alt.ru/codex-2017>. – Дата доступа: 29.05.2017.

10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.04.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

11. Положение о дознании в таможенных органах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : приказ Председателя Государственного таможенного комитета Респ. Беларусь, 19 июня 1993 г., № 189-ОД // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 343.213.5

А. М. СЯРГЕЙЧЫК

Мінск, Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь

Навуковы кіраўнік: Д. В. Шаблінская, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

УЛЬТРААКТЫЎНАЕ ПРЫМЯНЕННЕ КРЫМІНАЛЬНАГА ЗАКОНА

У крымінальна-прававой дактрыне пры разглядзе пытання аб функцыянаванні крымінальнага закона ў часе часта выкарыстоўваецца тэрмін «ультраактыўнае дзеянне крымінальнага закона». Пры гэтым ультраактыўнае дзеянне крымінальнага закона, як правіла, вызначаецца як распаўсюджванне крымінальнага закона, адмененага або замененага новым крымінальным законам, на асоб, якія ўчынілі злачынства ў час яго дзеяння [1, с. 55–56; 2, л. 37 і інш.].

Узнікае пытанне: ці адпавядае ў дадзеным выпадку вызначэнне вызначаемаму?

Каб адказаць на гэта пытанне, для пачатку адзначым, што крымінальны закон, як і любы іншы закон, дзейнічае з моманту набывання моцы неадкладна і спыняе сваё дзеянне з моманту страты моцы таксама неадкладна. Натуральна, што закон не можа дзейнічаць ні да, ні пасля перыяду свайго дзеяння.

Што тычыць прымянення крымінальнага закона, то яно магчымае выключна пасля набывання моцы адпаведным законам, г. зн. пасля пачатку яго дзеяння. Прымяненне крымінальнага закона заўсёды перспектыўнае па сваёй сутнасці.

Прымаючы да ўвагі выкладзенае, прааналізуем паняцце ўльтраактыўнае дзеянне крымінальнага закона.

Што да ўласна дзеяння крымінальнага закона, то яно не можа быць ультраактыўным, таму што закон да часу такога дзеяння ўжо адменены або заменены, г. зн. не дзейнічае. Адпаведна, у дадзеным выпадку гаворка можа ісці толькі пра ўльтраактыўнае прымяненне крымінальнага закона.

Прааналізуем лексічнае значэнне прыметніка «ўльтраактыўны» з пункту гледжання яго логіка-семантычнай адпаведнасці дактрынальнаму вызначэнню.

Для гэтага звернемся да «Лацінска-рускага слоўніка» І. Х. Дварэцкага (далей – слоўнік Дварэцкага). Прыметнік «ультраактыўны» ўтвораны ад двух лацінскіх слоў: ultra – даўжэй, пасля, звыш [3, с. 795] і action – дзеянне, дзейнасць, актыўнасць [3, с. 22]. Такім чынам, яго значэнне можна вызначыць як дзеючы пасля чаго-небудзь ці як той, які захоўвае актыўнасць пасля чаго-небудзь. Пад дзеяннем крымінальнага

закона мы разумеем яго пасіўнае функцыянаванне, а пад прымяненнем – актыўнае, таму, у дадзеным кантэксце дарэчы будзе спыніцца на варыянце перакладу той, які захоўвае актыўнасць. Такая выснова падмацоўваецца і тым, што іншым варыянтам перакладу слова action, паводле І. Х. Дварэцкага, з'яўляецца судовы працэс, справа, цяжба [3, с. 22], а дадзеныя паняцці звязаны менавіта з прымяненнем закона.

Такім чынам, прыметнік «ультраактыўны» ў логіка-семантычным сэнсе адпавядае дактрынальнаму вызначэнню, аднак назоўнік «дзеянне» ў дадзеным словазлучэнні недарэчны, таму што закон ультраактыўна можа толькі прымяняцца.

Зыходзячы з выкладзенага, а таксама ўлічваючы традыцыйнае вызначэнне, якое даецца дактрынай, ультраактыўнае прымяненне крымінальнага закона можна вызначыць як актыўнае функцыянаванне крымінальнага закона пасля яго замены або адмены ў дачыненні да пэўнай асобы (асоб), якая ўчыніла (якія ўчынілі) грамадска небяспечную дзею ў час яго дзеяння.

Абагульняючы вышэйпададзенае, можна зрабіць наступныя высновы: дактрынальнае паняцце «ўльтраактыўнае дзеянне крымінальнага закона» не ў поўнай меры адпавядае ўкладаемаму ў яго крымінальна-прававой дактрынай значэнню, таму што крымінальны закон у разглядаемым выпадку ўжо не дзейнічае (адменены, заменены), але прымяняецца. Г. зн. у дадзеным кантэксце гаворка павінна ісці толькі пра ўльтраактыўнае прымяненне крымінальнага закона, якое, у сваю чаргу, можа быць вызначана як актыўнае функцыянаванне крымінальнага закона пасля яго замены або адмены ў дачыненні да пэўнай асобы (асоб), якая ўчыніла (якія ўчынілі) грамадска небяспечную дзею падчас яго дзеяння.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Блум, М. И. Обратная сила закона. Действие советского уголовного закона во времени / М. И. Блум, А. А. Тилле. – М. : Юрид. лит., 1969. – 136 с.
2. Врублевская, Н. Г. Обратная сила норм уголовного закона: теоретические и прикладные проблемы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н. Г. Врублевская. – Минск, 2005. – 125 л.
3. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – 6-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 2000. – 846 с.

УДК 343

Ю. В. ГУТИЧ

Минск, БГУ

Научный руководитель: А. В. Шидловский, кандидат юридических наук, доцент

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЖИВОТНЫМИ

В современной системе права разных стран, существует множественность проблем, касающихся механизмов реализации уголовной политики и ответственности за жестокое обращение с животными. Первые юридические нормы, направленные на защиту животных от жестокого обращения, появились в Европе в XIX в. С течением времени многие страны позаимствовали и приняли подобные нормы, и в XX в. необходимость защиты животных была признана на международном уровне. Как известно, относительно недавно Республика Беларусь взяла курс на введение уголовной ответственности за жестокое обращение с животными. Однако необходимо

отметить, что данная норма ответственности за жестокое обращение с животными была закреплена в кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях. В Указе Президиума ВС РСФСР отмечалось, что жестокость по отношению к животным несовместима с моралью социалистического общества и наносит ущерб делу воспитания граждан, особенно детей. В Республике Беларусь действует Закон от 5 января 2015 г., № 241-З, дополнивший Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) ст. 339-1, предусматривающей уголовную ответственность за жестокое обращение с животными. Норма ст. 339-1 УК Республики Беларусь выражена следующим образом: жестокое обращение с животным, повлекшее его гибель или увечье, совершённое из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений либо в присутствии заведомо малолетнего, – наказывается общественными работами, или штрафом, или исправительными работами на срок до одного года, или арестом. То же действие, совершенное повторно либо группой лиц, – наказывается арестом, или ограничением свободы на срок до одного года, или лишением свободы на тот же срок.

Необходимо проанализировать состав преступления ст. 339-1 УК Республики Беларусь. Предметом данного преступления являются животные – как дикие, так и домашние. Объектом преступления является общественная нравственность и отношения, обеспечивающие гуманное отношение к животным. Объективная сторона преступления – жестокое обращение с животными, повлекшее их гибель или увечье. Под гибелью данного животного понимается наступление его смерти. Под увечьем – телесное повреждение, непосредственно связанное с потерей органа слуха, зрения, либо утратой функции какого-либо органа. Жестокое обращение с животными предполагает их избиение, мучение, в качестве примера можно привести: длительное лишение пищи, питья домашнего животного, помещение его во вредные для жизнедеятельности условия. Объективная сторона жестокого обращения с животными характеризуется также присутствием малолетних, не достигших 14-летнего возраста. Субъект преступления – вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Субъективная сторона преступления – вина в форме прямого умысла. Виновный осознает, что жестко обращается с животными, предвидит гибель животного или возможность причинения ему увечья и желает этого. Соответственно, по отношению к последствиям, вина лица может быть в форме прямого или косвенного умысла. Обязательный признак преступления – мотив преступления. Он может быть хулиганский или корыстный. Корыстные побуждения означают стремление лица получить в результате преступных действий каких-либо выгод имущественного характера или желание виновного избежать материальных затрат. Хулиганские побуждения – стремление виновного лица путем совершения указанных действий противопоставить себя обществу, высказать ему неуважение и пренебрежение нормами морали и нравственности.

Проанализировав состав преступления ст. 339-1 УК Республики Беларусь возникает ряд существенных вопросов о привлечении к уголовной ответственности лиц за жестокое обращение с животными. Как будет работать на практике механизм реализации данной статьи? Необходимо отметить, что в Кодексе Республики Беларусь об Административных правонарушениях содержится ст. 15.45, предусматривающая ответственность за жестокое обращение с животными. Она гласит: жестокое обращение с животными, повлекшее их гибель или увечье, а равно истязание животных влекут наложение штрафа в размере от десяти до тридцати базовых величин или административный арест. Основываясь на практике правоприменительных норм

реализации данных статей, необходимо их разграничивать. Существенным отличием уголовной статьи от административной является то, что уголовная ответственность будет наступать при условии, если жестокое обращение с животным, повлекшее его гибель или увечье, совершено из хулиганских, корыстных побуждений, т. е. наличие указанных мотивов совершения преступления будет подлежать доказыванию в конкретном случае или же совершено в присутствии заведомо малолетнего. Касательно административной статьи, указанные мотивы не являются условием привлечения к административной ответственности, достаточно наличия самого факта жестокого обращения с животными и наступивших последствий гибели или увечья или же наличия факта истязания животных. Также до конца необоснованным является вопрос: применяется ли административный кодекс, если животное получило увечье в результате самообороны человека? На основании вышеупомянутого необходимо отметить, что государству в лице законодательных органов следует доработать нормы статей УК Республики Беларусь и КоАП Республики Беларусь. Как будет работать относительно новая статья на практике и механизм её реализации – покажет время.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабий, Н. А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учеб. пособие / Н. А. Бабий. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2006. – 335 с.
2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
3. Лукашов, А. И. Уголовный кодекс Республики Беларусь: сравнительный анализ и комментарий // А. И. Лукашов, Э. А. Саркисова. – Минск : Тесей, 2000. – 672 с.
4. Несовершеннолетние в Республике Беларусь: Основы правового положения, правовой защиты и ответственности : науч.-практ. коммент. к законодательству и иным нормат. актам о несовершеннолетних (разд. XI) / под общ. ред. И. О. Грунтова. – Минск, 1999. – С. 429–462.
5. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. – 1007 с.
6. Уголовное право. Общая часть : учебник / Н. А. Бабий [и др.] ; под общ. ред. В. М. Хомича. – Минск : Тесей, 2002. – 496 с.
7. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. : с изм., внес. заключением Конституц. суда от 11.03.2004 г., № 3-171/2004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
8. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. пособие / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. Н. А. Бабия и И. О. Грунтова. – Минск : Новое знание, 2002. – 912 с.

**БАРЬЕРЫ ВХОДА НА РЫНОК КАК ОБЪЕКТ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

В настоящее время в Республике Беларусь большое внимание уделяется развитию и защите рыночной конкуренции, без которой поступательное экономическое развитие невозможно по определению. Одним из важнейших элементов правовой защиты конкурентных отношений является недопущение и устранение барьеров входа хозяйствующих субъектов на товарные рынки. Они представляют собой ряд факторов, обладающих способностью блокировать или сдерживать проникновение на рынок новых хозяйствующих субъектов. Барьеры входа на рынок являются своего рода индикаторами потенциальной конкуренции и позволяют давать оценку рынка с позиции целей конкурентного регулирования и принятия санкций в отношении субъектов «возведения» данных барьеров [1, с. 60].

Степень преодолемости барьеров оценивается в ходе исследования соответствующих рынков и дифференцируется в зависимости от их способности в той или иной мере ограничивать конкуренцию. В этой связи возможные барьеры на пути проникновения на рынок той или иной отрасли могут существенно варьироваться в зависимости от различных факторов: численности хозяйствующих субъектов и доли, занимаемой ими на данном товарном рынке, показателей рыночной концентрации, открытости рынка для межрегиональной и международной торговли, административной защищённости рынка и других факторов. В результате возможные барьеры на пути проникновения на рынок отдельных отраслей можно разделить на три группы: низкие барьеры, средние барьеры, высокие барьеры.

В национальной экономике низкие барьеры существуют на рынках муки и мучных изделий, консервированных фруктов и овощей, одежды; средние – на рынках кондитерских изделий, туалетных средств, безалкогольных напитков, высокие – на рынках мобильной телефонной связи, пива, автомобильной промышленности.

Определение высоты барьеров для входа на рынок является отправным пунктом для принятия антимонопольными органами соответствующих мер реагирования, которые касаются субъектов возведения данных барьеров и имеют проконкурентную направленность. Такими субъектами являются хозяйствующие субъекты, осуществляющие предпринимательскую деятельность на одном и том же товарном рынке, а также государственные органы (органы государственной власти и управления). Поэтому барьеры делятся на искусственные (создаваемые хозяйствующими субъектами) и административные (создаваемые государственными органами).

Искусственные барьеры – это то, что препятствует со стороны уже действующих на товарном рынке хозяйствующих субъектов входу на рынок потенциальных конкурентов или ставит в невыгодные условия вошедших на рынок «новичков». Потенциальными конкурентами могут быть хозяйствующие субъекты, имеющие оборудование, кадры и технологии для производства субститутов (товаров-заменителей), новые хозяйствующие субъекты, а также хозяйствующие субъекты, находящиеся за пределами географических границ данного товарного рынка [2, с. 88]. Вероятность входа на рынок новых хозяйствующих субъектов стимулируется возможностью получения высокой прибыли.

Одним из самых распространённых барьеров является использование хозяйствующими субъектами своей рыночной власти в антиконкурентных целях с помощью монополистического ценообразования (установление монопольно высоких и особенно монопольно низких цен).

Административные барьеры существуют в различных формах, одной из которых является предоставление льгот и преференций отдельным хозяйствующим субъектам. В Республике Беларусь созданы специальные правовые режимы для отдельных хозяйствующих субъектов, стимулирование развития территорий или вида деятельности. Это привело к тому, что различные субъекты хозяйствования изначально находятся в различных правовых условиях осуществления предпринимательской деятельности [3, с. 11]. С одной стороны, такой подход оправдан, так как способствует достижению важных публичных интересов. В частности, вполне оправдан специальный правовой режим, установленный для Парка высоких технологий. С другой стороны, такие режимы существенно снижают уровень конкурентоспособности хозяйствующих субъектов, не подпадающих под меры государственного протекционизма.

К примеру, высокими административными барьерами в сфере агропромышленного комплекса сегодня являются:

- доминирование государства на отдельных товарных рынках;
- отсутствие равных возможностей для всех производителей сельскохозяйственного сырья на участие в программах государственной поддержки;
- существование дискриминационных и антиконкурентных подходов при осуществлении лизинга сельскохозяйственной техники;
- неравные условия конкуренции для отечественных и иностранных производителей сельскохозяйственной продукции [4, с. 22-23].

Административные барьеры также могут воздвигаться в результате осуществления государственными органами квотирования, лицензирования, патентования и других мер регламентирующего характера. В этой связи государственным органам следует учитывать положительные и негативные моменты своей деятельности в установлении административных барьеров, всегда соотнося их с задачей обеспечения конкуренции.

Существуют также конъюнктурные и технологические барьеры входа на рынок. Первые из них обусловлены существующей рыночной инфраструктурой и конъюнктурой рынка, вторые – природой и технологией производства. Конъюнктурные барьеры устраняются или понижаются до допустимого уровня в ходе структурной перестройки экономики, её демонополизации и развития конкурентной среды. Технологические барьеры носят неустранимый характер, их нужно учитывать и принимать как неизбежный фактор экономического развития. Поэтому они не являются объектом адресного конкурентного регулирования.

С позиции эффективного правового регулирования конкурентных отношений наибольшее значение имеет недопущение, устранение или понижение до приемлемого уровня искусственных и административных барьеров. В этой связи мы предлагаем отразить в законодательстве о конкуренции (антимонопольном законодательстве) наиболее типичные барьеры, что во многом будет способствовать устранению возможных и реально существующих противоречий между хозяйствующими субъектами и антимонопольными органами по вопросу правомерности и недопустимости определённых действий на товарных рынках. Одновременно полагаем, что наиболее опасные ограничения конкуренции на основе установления

барьеров входа на рынок должны пресекаться не только с помощью административного, но и уголовного законодательства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Мартыненко, Г. Барьеры входа на рынок, методика их оценки и пути преодоления / Г. Мартыненко // Вестник МАП России. – 1999. – № 1. – С. 60-63.
2. Князева, И. В. Антимонопольная политика в России: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Национальная экономика» / И. В. Князева. – 5-е изд., перераб. – М.: Омега-Л, 2011. – 505 с.
3. Амелъченя, Ю. К. К вопросу о действии принципа развития конкуренции в сфере государственных закупок / Ю. К. Амелъченя // Тендер. – 2015. – № 8 (733). – С. 10-12.
4. Ганакова, Е. Антимонопольное регулирование на товарных рынках агропромышленного комплекса Республики Беларусь / Е. Ганакова // Моя бухгалтерия. – 2014. – № 8 (128). – С. 20-24.

УДК 343.915

Е. С. БАЙКОВА

Могилев, МГУ имени А. А. Кулешова

Научный руководитель: В. И. Мурзич, старший преподаватель

ПРЕСТУПНОСТЬ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Преступность рассматривается как социальное явление. Совершение преступлений влечет за собой нарушение прав и свобод членов социума. Любое преступление, независимо от категории людей его совершивших, приносит ущерб обществу. Не будут являться исключением и преступления, которые совершают лица, не достигшие 18-летнего возраста.

Совершение преступлений несовершеннолетними становится частым явлением в современном обществе. Преступность среди данной категории лиц обуславливается рядом причин. Эти причины могут исходить как из общества, так и из семьи. Причинами совершения преступлений могут служить:

- недостаточное воспитание со стороны родителей;
- плохие условия проживания несовершеннолетних;
- психологическое воздействие на ребенка со стороны окружающих;
- формирование у ребенка преступных качеств;
- проявление агрессивности и жестокости в семье;
- недостатки учебно-воспитательной работы в учебных заведениях;
- навязывание преступного поведения ребенку.

Все перечисленные причины, как и многие другие, являются толчком для совершения преступлений лицами, не достигшими 18-летнего возраста, влекущих за собой уголовную ответственность.

Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних регулируются в гл. 5 Уголовного кодекса Республики Беларусь (Далее – УК Республики Беларусь) в ст.ст. 108-121 [3].

Рассмотрим статистические данные за 2010-2016 г.:

- 2010 г. – 3 946 лиц, совершивших преступление;
- 2011 г. – 3 347 лиц, совершивших преступление;

- 2012 г. – 2 610 лиц, совершивших преступление;
- 2013 г. – 1 983 лица, совершившие преступление;
- 2014 г. – 2 240 лиц, совершивших преступление;
- 2015 г. – 2 377 лиц, совершивших преступление;
- 2016 г. – 2 004 лица, совершившие преступление [1].

Анализируя данную статистику, можно сказать, что в период с 2010 г. по 2013 г. преступность среди несовершеннолетних уменьшилась на 49,75 %. Однако с 2013 г. она увеличивается, и уже в 2015 г. она составляет 2 377 преступлений, что на 19,87 % больше, чем в 2013 г. Анализируя показатели 2016 г., нужно отметить то, что данный показатель понизился, а, соответственно, можно сказать, что проводятся различного рода профилактические мероприятия по предупреждению совершения преступлений со стороны несовершеннолетних.

Подростки, не задумываясь о последствиях своих действий, совершают различные преступления. Такими преступлениями являются кража, грабеж, разбой, вымогательство, мошенничество, убийство, изнасилование и многие другие.

Статистика показывает, что самым распространённым преступлением среди подростков является именно кража. За 2015 г. насчитывается 1 465 случаев совершения кражи несовершеннолетними, а уже в 2016 г. показатель уменьшился и составил 1 219 преступлений. Менее распространённым является хулиганство. За 2015 г. насчитывалось 353 случая, а за 2016 г. – 323 случая.

Также очень опасным для подростков является и употребление наркотических веществ. Именно в этой сфере несовершеннолетние совершают такое преступление как незаконный оборот наркотических средств, также они могут преследовать такую цель как сбыт. По официальным данным за 2015 г. было выявлено 526 преступлений, а с целью сбыта – 219. В 2016 г. – 263 преступления, с целью сбыта – 108.

Важным является состояние подростка, в котором он находится в момент совершения преступления. Возможно нахождение подростка как в алкогольном опьянении, так и под действием наркотических веществ. За 2015 г. при совершении преступлений подростки находились в алкогольном опьянении в 388 случаях, а в наркотическом возбуждении – 151 случай. В 2016 г. данные показатели уменьшились и составляют: в алкогольном опьянении – 354, а в наркотическом возбуждении – 84 [2].

Таким образом, преступность среди несовершеннолетних должна пресекаться ещё на самых ранних стадиях формирования личности ребенка. Если же вовремя не взять на контроль проявление каких-либо отрицательных качеств в поступках ребенка и не принять меры по их предотвращению, то имеется вероятность того, что несовершеннолетний может стать преступником. Если же преступное поведение у ребёнка уже сформировалось, то компетентные органы обязаны осуществлять действия, направленные на предотвращение совершения преступлений несовершеннолетними. Подростков, допускающих совершение правонарушений и состоящих на учёте в инспекции по делам несовершеннолетних, а также на внутришкольном учёте, и детей, находящихся в социально-опасном положении, направляют в оздоровительные лагеря «Подросток» районных и городских отделов образования. В работе с данной категорией лиц активно участвуют работники органов внутренних дел. Аналогичные оздоровительные лагеря могут успешно функционировать с участием военнослужащих (Министерство обороны) и работников отделов по чрезвычайным ситуациям (Министерство по чрезвычайным ситуациям).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Общая статистика преступлений за 2016 г. [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=342713>. – Дата доступа: 25.02.2017.
2. Сведения о состоянии правопорядка в подростковой среде за 2016 г. [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=314783>. – Дата доступа: 25.02.2017.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. : с изм., внес. заключением Конституц. суда от 11.03.2004 г., № 3-171/2004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 343.985.7

А. И. ГИГЕВИЧ

Минск, Академия МВД Республики Беларусь

Научный руководитель: В. М. Логвин, кандидат юридических наук, доцент

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЁТОВ В РОЗЫСКЕ ЛИЦ, ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ

Ежегодно в Республике Беларусь пропадает без вести значительное количество граждан. Розыск пропавших граждан остаётся одним из наиболее острых вопросов, вызывающих серьёзную обеспокоенность в обществе. Согласно статистическим данным МВД Республики Беларусь количество лиц, пропавших без вести, не уменьшается, и за последние пять лет количество лиц данной категории лишь возросло.

Установление местонахождения лиц, пропавших без вести, а также установление личности граждан, которые по состоянию своего здоровья или возрасту не могут сообщить о себе сведения, является одной из основных задач правоохранительных органов. Как показывает изучение уголовных и розыскных дел по фактам исчезновения граждан, причины исчезновения людей весьма разнообразны. Причинами являются и возраст пропавших, их болезненное состояние, нежелание проживать в семье, несчастные случаи, а также совершение в отношении пропавших лиц противоправных действий. При установлении места нахождения пропавшего человека возникает задача его идентификации.

Анализ истории криминалистических учётов свидетельствует о том, что на различных этапах развития общества и государства использовались разнообразные способы регистрации граждан: словесный портрет; антропометрический метод; дактилоскопический метод; сигналетическая фотосъёмка и др. На протяжении жизни человек подвержен естественному изменению (возраст, рост, телосложение), однако ряд признаков человека остаются неизменными в процессе жизнедеятельности. Методы идентификации человека в обыденной жизни приобретают новую сферу применения. Это связано не только с безвестным исчезновением граждан и преступлениями против жизни и здоровья граждан, но и с чрезвычайными ситуациями (автомобильными, железнодорожными, авиационными катастрофами), увеличением роли гражданских правоотношений (удостоверительная роль человека при совершении сделок и т. д.). Повышение качества удостоверения личности и оперативного отождествления как в обычных условиях жизни, так и в условиях чрезвычайной ситуации позволит

гражданам не остаться безымянными и в непредвиденных, чрезвычайных ситуациях рассчитывать на экстренную медицинскую помощь (оперативное установление группы крови, непереносимость определённых медицинских препаратов и т. д.).

4 ноября 2003 г. в Республике Беларусь был принят Закон «О государственной дактилоскопической регистрации». Согласно ст. 5 Закона в Республике Беларусь осуществляется добровольная и обязательная государственная дактилоскопическая регистрация. В ст. 7 Закона установлен достаточно обширный перечень лиц, подлежащих обязательной государственной дактилоскопической регистрации, однако такая регистрация если и охватывает большое количество людей, то только в определённом возрасте или периоде жизни. В настоящее время в обществе ведутся дискуссии о необходимости введения всеобщей дактилоскопической регистрации граждан. У данной идеи есть как сторонники, так и противники.

Политика в области дактилоскопирования законопослушных граждан и лиц из группы риска в большинстве государств проводится со времён Первой мировой войны. Насколько данная программа оказалась эффективной показывает пример: большинство тел пассажиров, погибших в результате крушения авиарейса над востоком Украины в июле 2014 г., было идентифицировано по отпечаткам пальцев рук.

Следует отметить, что государственная дактилоскопическая регистрация имеет также профилактическое значение, и носит упреждающий характер от возможного совершения противоправного деяния со стороны конкретных граждан.

В период увеличения выезда граждан Республики Беларусь за рубеж, в том числе и в связи с трудовой миграцией, встаёт вопрос об идентификации человека в различных непредвиденных ситуациях, несчастных случаях и совершении в отношении граждан противоправных действий (согласно сведений МВД 60 % лиц, пропавших без вести – это граждане, выехавшие с целью трудовой миграции за пределы Республики Беларусь).

Негативным обстоятельством, препятствующим проведению дактилоскопирования законопослушного населения является психологический фактор, обусловленный тем, что исполнителем закона является МВД, то есть тот орган власти, который, по мнению населения, всегда занимается только преступниками и лицами, ведущими асоциальный образ жизни.

Существенный вклад в установление личности человека внесло развитие геномной медицины. Генотип каждого человека неповторим и представляет собой определённый код. Необходимо также отметить, что генотип пропавшего человека можно выявить по крови его близких родственников. Развитие технических возможностей поставило данные исследования на достаточно высокий, и, главное, постоянно снижающий свою себестоимость, метод идентификации. При этом результативность и минимизация человеческого фактора в проводимых исследованиях позволяет повысить качество исследований: ДНК человека невозможно фальсифицировать.

В Республике Беларусь, как и во многих странах Европы, Азии, Америки существует база данных ДНК. Данная база формируется из информации, непосредственно направляемой для постановки на учёт, а также получаемой в процессе проведения генотипоскопических экспертиз. Однако зарубежный опыт показывает, что для полноценного функционирования системы по идентификации ДНК необходимо поставить на данный учёт минимум 5–10 % населения страны, то есть от 400 тысяч до 1 миллиона человек.

В некоторых странах накоплен уникальный опыт успешного установления личностей неизвестных граждан и расследования фактов безвестного исчезновения граждан. Так, в Объединённых Арабских Эмиратах осуществляется создание первой в мире общенациональной базы данных ДНК всего населения, в том числе несовершеннолетних и эмигрантов. В базу ежегодно вносится около 1 миллиона образцов. По мнению полицейского руководства ОАЭ, данные меры позволят сэкономить время и силы при раскрытии преступлений, а также при идентификации личностей жертв автомобильных, железнодорожных и авиационных катастроф. В правоохранительной системе ОАЭ создан специальный орган под названием EmiratesIdentity (UAE to collect 10 million DNA samples // Emirates 24 (7), January 18, 2011).

В Республике Беларусь до настоящего времени не принят Закон о геномной регистрации граждан. Представляется, что актуальность и необходимость подготовки законопроекта «О государственной геномной регистрации» вызвана тем, что создание базы учёта граждан по геномной информации значительно упростит процедуру идентификации лиц, что будет полезно как государственным органам, так и гражданам.

Представляется, что при подготовке текста законопроекта следует обратить внимание на следующие аспекты: организационный; нравственный; финансовый.

Организационный аспект: Какие категории граждан подлежат обязательной геномной регистрации? Кем должна осуществляться данная регистрация? Думается, что организация процедуры геномной регистрации потребует чёткой совместной согласованной деятельности всех правоохранительных органов. Также необходимо рассмотреть вопрос об обязательной регистрации близких родственников лиц, пропавших без вести.

Моральный аспект: достаточно большое число граждан считают, что геномная регистрация затрагивает права и свободы человека и потенциально может нарушить их или привести к иным неблагоприятным последствиям.

Финансовый аспект: самый болезненный, т. к. для претворения в жизнь положений законопроекта потребуются огромные финансовые затраты. Так, например, расходы на поддержание базы генетических данных Великобритании только в 2008-2009 гг. составили 4 290 500 фунтов стерлингов, причём речь идёт о расходах на поддержание уже созданной системы. В октябре 2016 г. правительство Бельгии сообщило, что планирует инвестировать 10 миллионов евро в развитие базы геномной регистрации граждан в 2017 г.

Заключение. Внедрение в жизнь общества всеобщей дактилоскопической регистрации и системы геномной регистрации требует решения целого ряда серьёзных проблем. Это необходимо не только для реализации потенциала дактилоскопической и геномной регистрации, но и для достижения при её использовании баланса между интересами правосудия и правами личности.

УДК 343

А. Н. ГОНЧАРОВ

Гродно, ГрГУ имени Я. Купалы

Научный руководитель: Р. Н. Ключко, кандидат юридических наук, доцент

НАЗНАЧЕНИЕ НАКАЗАНИЯ ЛИЦАМ, ЗАКЛЮЧИВШИМ ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ

При осуществлении следственными органами деятельности по расследованию и раскрытию латентных преступлений, тяжких преступлений, совершённых организованными группами либо группой лиц по предварительному сговору, возникают затруднения по выявлению и изобличению всех лиц, причастных к их совершению, возмещению имущественного, физического и морального вреда, причинённого потерпевшим. Аналогично возникают затруднения по сбору достаточной доказательной базы, которая в последующем позволит суду постановить обвинительный приговор и соблюсти принцип неотвратимости наказания, закреплённый в ч. 4 ст. 3 Уголовного Кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь).

Именно по данным причинам, по мнению автора, Законом Республики Беларусь от 5 января 2015 г., № 241-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» (далее – Закон) в правовую систему Республики Беларусь внедрён новый уголовно-процессуальный институт: досудебное соглашение о сотрудничестве.

Вышеуказанным Законом ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь) дополнена п. 4-1, согласно которому, досудебное соглашение о сотрудничестве – это соглашение, заключаемое в письменном виде между подозреваемым (обвиняемым) и прокурором, в котором определяются обязательства подозреваемого (обвиняемого) по оказанию содействия предварительному следствию и условия наступления ответственности подозреваемого (обвиняемого) при выполнении им указанных обязательств [2].

Порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве регламентирует вновь введённая Законом ст. 468-8 УПК Республики Беларусь, в соответствии с которой, кроме традиционных для любого процессуального документа сведений о дате и месте составления досудебного соглашения, должностном лице органа прокуратуры, его заключившем (одна сторона соглашения), фамилии, имени и отчестве подозреваемого (обвиняемого), заключившего соглашение, числе, месяце, годе и месте его рождения (вторая сторона соглашения), описание инкриминируемого подозреваемому (обвиняемому) преступления и иных сведений, в нем должны содержаться обязательства подозреваемого (обвиняемого) по осуществлению действий, которые он обязуется совершить в целях оказания содействия предварительному следствию в расследовании преступления, изобличении других соучастников преступления, розыске имущества, приобретённого преступным путем, а также действий по возмещению имущественного ущерба, уплате дохода, полученного преступным путем, иных действий, направленных на заглаживание вреда, причинённого преступлением, при этом соглашение о сотрудничестве как

процессуальный документ имеет юридическую силу, если по своему содержанию оно отвечает требованиям, предъявляемым к нему названной статьёй [2].

Нельзя оставить без внимания и тот факт, что в соответствии с ч. 3 ст. 468-6 УПК Республики Беларусь досудебное соглашение о сотрудничестве не может быть заключено по уголовным делам ускоренного производства [2].

Указанное, на взгляд автора, обусловлено тем, что согласно ч. 1 ст. 452 УПК Республики Беларусь, ускоренное производство осуществляется при наличии признаков преступлений, не представляющих большой общественной опасности, или менее тяжких преступлений, если факт преступления очевиден, известно лицо, подозреваемое в совершении преступления, и оно не отрицает совершения им этого преступления, вследствие чего у органов предварительного следствия не возникает затруднений по сбору доказательств, свидетельствующих о виновности лица в инкриминируемом ему преступлении, тем более, что фактически лицо само изобличает себя в совершении преступления [2].

Принципиальным для досудебного соглашения о сотрудничестве является назначение наказания обвиняемому. Этот же вопрос является основополагающим для подозреваемого (обвиняемого) обратившегося с ходатайством о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Законом в УК Республики Беларусь введена ст. 69-1, регламентирующая порядок назначения наказания лицу, заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве и выполнившему обязательства предусмотренные соглашением.

В силу ч. 1 ст. 69-1 УК Республики Беларусь при выполнении лицом, совершившим преступление, за которое не предусмотрено пожизненное заключение или смертная казнь (вторая категория уголовных дел), обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве, срок или размер наказания не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида основного наказания, предусмотренного соответствующей ст. Особенной части УК Республики Беларусь, а в случае совершения лицом тяжкого или особо тяжкого преступления, сопряженного с посягательством на жизнь или здоровье человека, – двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида основного наказания, предусмотренного соответствующей ст. Особенной части УК Республики Беларусь [1].

В тоже время, следует отметить, что ст. 69-1 УК Республики Беларусь не предусмотрена возможность назначения обвиняемому за совершённое преступление более мягкого вида наказания, чем предусмотрено санкцией статьи, предусматривающей ответственность за его совершение [1]. Таким образом, в случае совершения лицом преступления, за которое санкцией статьи предусмотрено наказание только в виде лишения свободы, к лицу, заключившему соглашение и выполнившему все принятые по нему обязательства, могут быть применены послабления только относительно срока данного вида наказания.

По мнению автора, целесообразным являлось бы предусмотреть в ст. 69-1 УК Республики Беларусь, возможность назначения обвиняемому, заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве и выполнившему принятые на себя обязательства, наказания более мягкого вида, чем предусмотрено санкцией статьи за преступление, в совершении которого он обвиняется. Такая возможность предусмотрена ст. 70 УК Республики Беларусь, однако для её применения необходимо наличие исключительных обстоятельств, к которым заключение досудебного соглашения о сотрудничестве отнести нельзя [1]. Кроме того, назначение наказания при

досудебном соглашении о сотрудничестве регламентируется иной нормой УК Республики Беларусь.

При этом является очевидным, что при избличении иных участников преступления, тем более в случае взятия обвиняемым (подозреваемым) на себя дополнительных обязательств, предусмотренных ч. 3 ст. 468-8 УПК Республики Беларусь, в частности сообщить известные ему сведения о других преступлениях и лицах, их совершивших, обвиняемый (подозреваемый) подвергает себя риску относительно возможной мести со стороны лиц, избличённых им в совершении преступлений, их родственников, друзей и т. п. [2].

Кроме того, законодателем не предусмотрена возможность назначения лицу, заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве, альтернативного лишения свободы вида наказания, в случае, если санкция статьи предусматривает только данный вид наказания. Это свидетельствует о том, что лицо может быть подвержено риску и в период отбывания наказания.

В то же время, в соответствии с ч. 1 ст. 69 УК Республики Беларусь при наличии хотя бы одного из смягчающих обстоятельств, указанных в пп. 1, 3 и 4 ч. 1 ст. 63 УК Республики Беларусь, и отсутствии отягчающих обстоятельств, названных в ст. 64 УК Республики Беларусь, срок или размер наказания не может превышать половины максимального срока или размера избранного судом вида основного наказания, предусмотренного соответствующей ст. Особенной части настоящего Кодекса [1].

Указанные правила согласно ч. 2 ст. 69 УК Республики Беларусь, не применяются только в отношении лица, совершившего особо тяжкое преступление, сопряжённое с умышленным лишением жизни человека при отягчающих обстоятельствах [1].

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 63 УК Республики Беларусь обстоятельствами, смягчающими ответственность, признаются: активное способствование выявлению преступления, избличению других участников преступления, розыск имущества, приобретённого преступным путем [1].

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что в случае совершения лицом преступления без отягчающих ответственность обстоятельств и не сопряжённого с умышленным лишением жизни человека, предпочтительным для обвиняемого (подозреваемого) будет являться не заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, а иное активное способствование выявлению преступления, так как в данном случае лицо не избличает иных участников преступления и соответственно не подвергает себя риску относительно возможной мести с их стороны, а назначенное в соответствии с ч. 1 ст. 69 УК Республики Беларусь судом наказание, также не будет превышать половины максимального срока или размера наказания, то есть как и в случае применения ст. 69-1 УК Республики Беларусь [1].

Таким образом, в настоящее время для подозреваемых (обвиняемых) совершивших преступления, не направленные против жизни и здоровья человека, отсутствует надлежащая мотивация к заключению досудебного соглашения о сотрудничестве и избличению иных участников преступления.

По вышеуказанным причинам, цели, для достижения которых и был введен новый уголовно-правовой институт, направленный на повышение эффективности борьбы с преступностью, в том числе и организованной, могут оказаться нереализованными в отношении большинства преступлений, предусмотренных Особенной частью УК Республики Беларусь, которые не связаны с посягательством на

жизнь и здоровье человека, однако причиняющие существенный вред общественным и государственным интересам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. : с изм., внес. заключением Конституц. суда от 11.03.2004 г., № 3-171/2004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.04.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 343.851

Д. А. ЕГОРОВ

Минск, Академия МВД Республики Беларусь

Научный руководитель: Л. М. Рябцев, доктор юридических наук, профессор

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ ОБЪЕКТОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ

Потенциально опасный характер деятельности по использованию атомной энергии, повышенный риск оказания вредного воздействия ионизирующего излучения на граждан и окружающую среду, опасность совершения преступных посягательств в отношении объектов использования атомной энергии (далее – ОИАЭ) обуславливают необходимость первоочередной выработки мер, направленных на предупреждение правонарушений в данной сфере. К их числу следует отнести запреты и ограничения, устанавливаемые на территории ядерной установки, пункта хранения, в их санитарно-защитной зоне, применение которых обусловлено, в том числе, необходимостью повышения уровня физической защиты ОИАЭ.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 24 Закона Республики Беларусь от 30 июля 2008 г., № 426-3 «Об использовании атомной энергии» (далее – Закон об использовании атомной энергии) в целях обеспечения физической защиты ОИАЭ и безопасности работников (персонала) эксплуатирующих организаций, могут быть ограничены перемещение и действия лиц, в том числе работников (персонала), находящихся на территории расположения ядерной установки и (или) пункта хранения, а также в их санитарно-защитных зонах [1].

Вместе с тем, следует констатировать, что если на территории таких объектов ограничение перемещения и действий лиц объективно обусловлены зональным принципом физической защиты и разделением территории ядерных объектов на специальные зоны (защищённые, запретные, внутренние, особо важные, ограниченного доступа), режим функционирования которых обеспечивается принудительными полномочиями сил охраны и применением специальных инженерно-технических средств, физических барьеров, ограничивающих перемещение и действия лиц, то на территории санитарно-защитных зон характер и пределы таких ограничений не установлены.

Кроме того, законодательная формулировка «могут быть ограничены» не раскрывает конкретных ограничительных мер, пределов ограничения прав граждан, находящихся на территории санитарно-защитных зон, а также не определяет границы усмотрения государственно-властных субъектов. Аналогичная юридическая конструкция использована и в п. 17 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 2 апреля 2009 г., № 411 «Об утверждении Положения о порядке согласования, установления и обозначения границ санитарно-защитной зоны, зоны наблюдения ядерной установки и (или) пункта хранения и требования по их охране и использованию», утверждающем порядок согласования, установления и обозначения границ санитарно-защитной зоны, зоны наблюдения ядерной установки и (или) пункта хранения и требования по их охране и использованию [2].

Как представляется, указанный законодательный пробел влечет за собой увеличение дискреционных полномочий субъектов обеспечения безопасности ОИАЭ, противоречит конституционному принципу верховенства права и вытекающему из него принципу правовой определённости, а также не согласуется с нормами Конституции Республики Беларусь, провозглашающими, что ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц (ч. 1 ст. 23 Конституции Республики Беларусь).

Необходимость определения на законодательном уровне конкретных ограничительных мер, применяемых на территории, прилегающей к ОИАЭ, обусловлена и тем, что тактика действия потенциальных нарушителей может быть различной: открытой, связанной с прямым проникновением на объект через периметр охраняемых зон, подавлением или уничтожением сил охраны и персонала; скрытой, выражающейся в преодолении контрольно-пропускных пунктов обманным путем, преодолением рубежей физической защиты ухищрёнными способами, с обходом средств обнаружения, блокированием сигналов тревоги и видеоизображений, с маскировкой от распознавания телевизионными средствами видеонаблюдения; комбинированной, выражающейся в скрытном проникновении к местам размещения сил охраны, с последующим открытым нападением и прорывом на территорию объекта.

В этой связи использование профилактических возможностей служб охраны, военнослужащих внутренних войск не всегда эффективно, поскольку носит гласный характер, либо ограничивается границами охраняемых зон и не позволяет предупредить противоправные действия, предотвратить саму возможность их совершения в территориальном удалении от охраняемых объектов.

Потребность в установлении конкретных ограничительных мер также обусловлена потенциальной вероятностью совершения хищений ядерных материалов. Уровень такого риска может быть предварительно оценён по угрозам незаконного оборота ядерных материалов. В частности, в базе данных Международного агентства по атомной энергии за период с 1993 г. зарегистрировано более двух тысяч трехсот инцидентов нелегального их перемещения [3, р. 22]. Ядерные материалы Республики Беларусь также могут рассматриваться террористами как вероятный источник вооружения.

Кроме того, анализ мировой общественно-политической обстановки показывает, что объектами террористических угроз могут стать и ОИАЭ. К примеру, в результате совершенных 22 марта 2016 г. взрывов в аэропорту Брюсселя (Бельгия), в связи с террористической угрозой подвергся эвакуации персонал АЭС «Трианж» [4].

17 августа 2016 г. в отношении Южно-Украинской АЭС в Украине был введен «жёлтый» уровень террористической угрозы, устанавливаемый при наличии достоверной (подтвержденной) информации о подготовке к совершению террористического акта [5].

После терактов 11 сентября 2001 г. в Соединенных Штатах Америки были усилены меры безопасности, применяемые на 60 атомных электростанциях, расположенных в 31 штате. Всем объектам было предписано поддерживать наивысший уровень защиты, предполагающий усиленное патрулирование, дополнительную охрану и более тесную координацию с правоохранительными и военными организациями.

Важным также представляется опыт обеспечения безопасности ОИАЭ сопредельными государствами, в частности Российской Федерацией, в законодательстве которой предусмотрено формирование зоны безопасности с особым правовым режимом, направленным на повышение уровня антитеррористической защищенности ОИАЭ и предусматривающий ограничения прав лиц на её территории (ст. 31 Федерального закона от 21 ноября 1995 г. «Об использовании атомной энергии») [6].

Применительно к национальным особенностям отметим, что закрепление конкретных ограничительных мер на территории санитарно-защитных зон является недостаточным, поскольку их территория в соответствии с действующим законодательством может быть ограничена размерами промышленной площадки ядерной установки, пункта хранения (п. 10 Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 2 апреля 2009 г., № 411 «Об утверждении Положения о порядке согласования, установления и обозначения границ санитарно-защитной зоны, зоны наблюдения ядерной установки и (или) пункта хранения и требования по их охране и использованию») [2], что фактически нивелирует профилактический потенциал таких ограничений.

В этой связи представляется целесообразным установление предупредительной зоны с особым правовым режимом, территориальные границы и порядок функционирования которой должны определяться, исходя из принятой проектной угрозы, определяющей свойства и характеристики потенциальных нарушителей. Для противодействия угрозам проектируется и оценивается физическая защита (по результатам проведения анализа уязвимости ядерных объектов, осуществляемого эксплуатирующей организацией для выявления уязвимых мест, исходя из принятой проектной угрозы и вероятных способов осуществления несанкционированных действий). Отметим, что высказанное мнение поддерживают 100 % опрошенных по данной проблеме практических сотрудников, обеспечивающих физическую защиту ОИАЭ.

На основании изложенного, в целях повышения уровня физической защищенности ядерных установок, пунктов хранения, персонала эксплуатирующих организаций, представляется необходимым сформировать в районе расположения ядерных установок, пунктов хранения предупредительную зону с особым правовым режимом, для чего предлагается дополнить Закон об использовании атомной энергии ст. 24-1 следующего содержания:

Статья 24-1 Предупредительная зона с особым правовым режимом

Предупредительная зона с особым правовым режимом (далее – предупредительная зона) устанавливается в целях создания необходимых условий для обеспечения физической защиты объектов использования атомной энергии и безопасности работников (персонала) эксплуатирующих организаций в порядке, определенном Правительством Республики Беларусь.

В предупредительной зоне предусматриваются следующие меры и ограничения: ограничение на въезд на территорию предупредительной зоны и (или) пребывание на ней граждан;

ограничение на осуществление отдельных видов хозяйственной, финансово-экономической деятельности на территорию предупредительной зоны;

ограничение на территории предупредительной зоны движения транспортных средств и осуществление их досмотра;

ограничение на полеты летательных аппаратов (включая воздушные суда) над территорией предупредительной зоны.

Порядок обеспечения особого правового режима предупредительной зоны устанавливается Правительством Республики Беларусь. Размеры и границы предупредительной зоны с особым правовым режимом устанавливаются Правительством Республики Беларусь по представлению органов государственного регулирования безопасности при использовании атомной энергии.

Ответственность за нарушение требований особого правового режима предупредительной зоны устанавливается законодательством Республики Беларусь.

Подчеркнем, что формирование предупредительной зоны с особым правовым режимом в районе дислокации ядерных установок, пунктов хранения позволит повысить уровень физической защищенности ОИАЭ, упредить противоправные действия в отношении таких объектов на ранних стадиях их совершения и в территориальной удалённости от предметов защиты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об использовании атомной энергии [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 июля 2008 г., № 426-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.12.2011 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Об утверждении Положения о порядке согласования, установления и обозначения границ санитарно-защитной зоны, зоны наблюдения ядерной установки и (или) пункта хранения и требования по их охране и использованию [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 2 апр. 2009 г., № 411 : в ред. Постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 30.12.2010 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Web, G. Tracking Traffickers: The IAEA Incident and Trafficking Database / G. Web // IAEA Bulletin. – Vol. 54/2. – № 54. – P. 22.

4. Терракты в Брюсселе: погибли не менее 34 человек, более сотни пострадавших [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.tut.by/world/489385.html>. – Дата доступа: 21.01.2017.

5. Усилена охрана Южно-Украинской АЭС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.energoatom.kiev.ua/ru/actvts/physical_protection/45745-usilena_ohra_na_yujnoukrainskoj_aes. – Дата доступа: 21.01.2017.

6. Об использовании атомной энергии [Электронный ресурс] : Федер. закон, 21 нояб. 1995 г., № 170 : в ред. Федер. закона от 03.07.2016 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант-Плюс». – М., 2017.

УДК 343.21

В. А. КАРАВАЕВА

Минск, Академия МВД Республики Беларусь

Научный руководитель: А. Л. Савенок, кандидат юридических наук, доцент

РОЛЬ ЭЛЕМЕНТОВ СОДЕРЖАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ПРОЦЕССЕ ПОВЫШЕНИЯ ЕГО КАЧЕСТВА

Качество уголовного закона напрямую зависит от степени разработанности основных методологических подходов к его конструированию. В последние годы на страницах юридических изданий учёными Республики Беларусь в области уголовного права всё чаще отмечаются недостатки отдельных уголовно-правовых норм, предлагаются множественные изменения и дополнения их формы и содержания, указываются существенные погрешности при их конструировании. В большинстве случаев анализ конкретных уголовно-правовых норм проводится фрагментарно, редко исследуются проблемы законодательной техники, что в итоге мало способствует повышению качества уголовного закона. Наряду с этим в отечественной юридической литературе не уделяется должного внимания содержанию законодательной техники уголовного закона и его элементам, от которых в значительной степени зависит эффективность уголовно-правовых норм.

Отдельные аспекты содержания законодательной техники уголовного закона рассматривали в своих исследованиях как российские (С. С. Алексеев, К. А. Воскресенский, М. Л. Давыдова, А. А. Князьков, Д. А. Керимов, Я. И. Семенов, Д. В. Чухвичев, К. К. Панько, И. Н. Бокова и др.), так и белорусские ученые (Н. А. Бабий, А. Л. Савенок, В. В. Марчук, Е. А. Реутская, В. М. Хомич и др.). Большинство публикаций касаются общетеоретических вопросов содержания законодательной техники применительно ко всем нормативным правовым актам, а уголовно-правовые особенности в отечественной юридической литературе практически не рассматриваются. Учёными не выработан единый подход к элементам содержания законодательной техники уголовного закона, а также их роли при конструировании уголовно-правовых норм.

В юридической литературе отсутствует единое мнение об элементах содержания законодательной техники. В своих исследованиях И. Л. Брауде и Т. В. Кашанина говорят о правилах [1, с. 53; 2, с. 100], И. Н. Бокова – о приемах [3, с. 35], Ю. А. Тихомиров и С. А. Жинкин – о правилах и приемах [4, с. 213; 5, с. 13], А. Нашиц – о средствах и приемах [6, с. 138], И. К. Ильин и Н. В. Миронов – о приемах и методах [7, с. 66], Д. А. Керимов, Я. И. Семенов и К. К. Панько, К. А. Воскресенский – о правилах, приёмах и средствах [8, с. 18; 9, с. 47; 10, с. 138; 11, с. 8] и т. д. На наш взгляд, при всей многогранности такого явления как законодательная техника подобный разброс мнений по данному вопросу не способствует дальнейшему целенаправленному совершенствованию его содержания. Особую сложность приобретает данная проблема в рамках уголовного закона, так как многие проблемы конструирования уголовно-правовых норм могут быть изначально решены после уяснения и выработки единого научно обоснованного подхода.

Первичным элементом законодательной техники уголовного закона являются средства, которые справедливо признаются «ключом к повышению качества кодификационного процесса» [12]. Анализ юридической литературы свидетельствует о том, что среди учёных отсутствует единое мнение по поводу классификации средств

законодательной техники. Наиболее подходящей представляется классификация, изложенная К. А. Воскресенским. Автор относит к средствам законодательной техники уголовного закона следующие группы:

- логические (нормативное построение, системное построение, отраслевая типизация);
- специальные юридические (конструкции, презумпции, фикции, аксиомы и др.);
- лингвистические (выразительные средства языка, терминология и т. д.;
- графические (средства документального оформления, внешние реквизиты и т. д.) [11, с. 63–64].

Каждая группа средств должна быть тщательным образом исследована с целью повышения качества уголовного закона. Графические средства законодательной техники, относящиеся ко всем нормативным правовым актам, регулируются положениями Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» (далее – Закон) и Правилами подготовки проектов нормативных правовых актов (далее – Правила). Данная группа средств представляет наименьшую сложность, однако даже здесь законодатель не может прийти к единообразию. Так, анализ ч. 3 ст. 426 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) («действия, предусмотренные ч. 1 или 2 настоящей статьи...») и ч. 3 ст. 430 УК Республики Беларусь («действия, предусмотренные частями первой или второй...») позволяет сделать вывод не только об отсутствии единого подхода к буквенному и числовому обозначению частей статей, но и о недостаточно продуманном внесении изменений в УК Республики Беларусь. Ежегодно законодатель пытается привести УК Республики Беларусь в соответствие с Законом и Правилами, но пока данный процесс нельзя назвать завершённым. Что касается остальных групп средств законодательной техники уголовного закона, то до настоящего времени они остаются неисследованными и используются в уголовном законе в силу правовой традиции, а не на основании нормативно закреплённых требований законодателя.

Следует констатировать, что недостаточное внимание к специально-юридическим средствам законодательной техники уголовного закона напрямую связано с недостатками в конструировании уголовно-правовых норм. К примеру, конструкции статей Особенной части УК Республики Беларусь также не отличаются единообразием. Анализ статей показывает, что законодатель размещает основные составы преступлений не только в части первой, но и в иных частях статей Особенной части УК Республики Беларусь, что затрудняет процесс правоприменения. Так, нельзя назвать удачной конструкцию ст. 426 УК Республики Беларусь «Превышение власти или служебных полномочий». Наряду с квалифицирующими признаками «лицом, занимающим ответственное положение, либо повлекшие тяжкие последствия» в ч. 3 ст. 426 УК Республики Беларусь расположен самостоятельный формальный состав преступления, присоединённый сочетанием «а равно», который не связан с чч. 1 и 2 данной статьи: умышленное совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы прав и полномочий, предоставленных ему по службе, сопряженное с насилием, мучением или оскорблением потерпевшего либо применением оружия или специальных средств.

Следующим не менее важным элементом содержания законодательной техники уголовного закона являются приёмы. К приемам изложения уголовно-правовых норм исследователи относят абстрактный и казуистический, прямой (простой и описательный), отсылочный и бланкетный. Некоторые исследователи дополняют указанный перечень примечаниями и дефинициями [13, с. 66; 14, с. 94–95; 15, с. 66],

оценочными категориями [16], юридическими исключениями [17, с. 522], приёмом дифференциации составов преступления на материальные и формальные, перечислениями [11, с. 18] и т. д. Чрезвычайно сложно назвать все приемы, которые использует законодатель при конструировании уголовного закона, но в то же время следует остановиться на наиболее сложных с точки зрения законодательной техники.

Одним из наименее исследованных приемов является примечание. В юридической литературе всё чаще отмечается его противоречивость и отсутствие единого подхода к конструированию. Как нами ранее было отмечено, исследователи не пришли к единому мнению относительно природы и структуры примечания в уголовном законе, его предназначения и тех нормативных предписаний, которые могут в нём содержаться [18, с. 305].

Не менее сложной для правоприменения является проблема интерпретации оценочных признаков при определении общественно опасных последствий. Так, например, применение норм Гл. 35 УК Республики Беларусь «Преступления против интересов службы» затруднено по причине использования такого оценочного признака как «существенный вред». Точное уяснение его содержания должно способствовать правильной квалификации, разграничению смежных составов преступлений, отграничению преступлений против интересов службы от иных правонарушений. По мнению В. В. Лосева, единственным решением на пути к устранению противоречий и правильному применению данного оценочного признака является разработка примерного (ориентирующего) перечня обстоятельств, которые могут быть признаны существенным вредом как криминообразующим признаком преступлений, предусмотренных стст. 424–426 УК Республики Беларусь [19, с. 60]. Полагаем, что иные приемы законодательной техники уголовного закона также нуждаются в детальном изучении.

Третьим элементом содержания законодательной техники уголовного закона являются правила, которые содержатся как в правовой доктрине, так и в нормативных правовых актах. Роль общеобязательных правил, закрепленных в законодательстве, в установлении единых основ конструирования уголовного закона достаточно велика. Анализ соответствия уголовно-правовых норм указанным правилам позволяет сделать вывод об уровне законодательной техники уголовного закона. Учёными в области уголовного права нередко указывается на тот факт, что конструкция отдельных норм далека от совершенства, высказываются претензии в адрес законодателя и правоприменителя, вследствие чего в УК Республики Беларусь вносятся множественные точечные изменения и дополнения. Одним из наиболее целесообразных решений данной проблемы является разработка и закрепление на законодательном уровне правил законодательной техники уголовного закона, которые будут регулировать процесс его конструирования, содержать конкретные требования к использованию средств и приемов законодательной техники.

Безусловно, первоначальное формирование правил законодательной техники уголовного закона должно происходить в правовой доктрине. Исследователями вырабатываются отдельные принципы, требования, подходы к конструированию уголовного закона в целом и его отдельных элементов. Однако нередко учёные пытаются сопоставить содержание и форму действующих уголовно-правовых норм с правилами, которые выработаны в правовой доктрине, но нормативно не закреплены. В юридической литературе встречаются отдельные суждения о том, что в процессе конструирования либо применения отдельных уголовно-правовых норм нарушаются

принципы системности и т. д. Однако они имеются только в правовой доктрине и законодатель должен соблюдать их не обязан.

На наш взгляд, именно правила играют определяющую роль в процессе совершенствования законодательной техники уголовного закона. Разработка правил конструирования статей Особенной части УК Республики Беларусь, диспозиций, санкций и иных структурных элементов уголовного закона справедливо относят к числу приоритетных задач повышения эффективности уголовного законодательства в современных условиях [20]. Каждое внесение изменений и дополнений в УК Республики Беларусь также должно соответствовать правилам. Изменения, внесенные в уголовный кодекс без учета специфических правил законодательной техники уголовного закона, «могут не только оказаться нежизнеспособными, но и внести диссонанс в действующие правовые нормы» [21, с. 156].

Заключение. Совершенствование качества уголовного закона невозможно без детального изучения правил, приёмов и средств законодательной техники, составляющих её содержание. Большинство противоречий и недостатков при применении УК можно избежать, выстроив научно обоснованную систему правил конструирования уголовного закона при помощи соответствующих средств и приемов. Безусловно, данные правила должны быть законодательно закреплены. Только в этом случае можно будет требовать от законодателя их соблюдение и оценивать уровень совершенства уголовного закона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брауде, И. Л. Вопросы законодательной техники / И. Л. Брауде // Советское государство и право. – 1957. – № 8. – С. 52–59.
2. Кашанина, Т. В. Юридическая техника / Т. В. Кашанина. – М. : Эксмо, 2007. – 510 с.
3. Бокова, И. Н. Юридическая техника в уголовном законодательстве: теоретико-прикладной анализ главы 22 УК РФ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / И. Н. Бокова. – Н. Новгород, 2002. – 258 л.
4. Тихомиров, Ю. А. Теория закона / Ю. А. Тихомиров. – М. : Наука, 1982. – 257 с.
5. Жинкин, С. А. Законодательная техника в региональном правотворчестве: теоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / С. А. Жинкин. – Краснодар, 2000. – 173 л.
6. Нашиц, А. Правотворчество. Теория и законодательная техника / А. Нашиц. – М. : Прогресс, 1974. – 256 с.
7. Ильин, И. К. О форме и стиле правовых актов / И. К. Ильин, Н. В. Миронов // Советское государство и право. – 1960. – № 12. – С. 65–73.
8. Керимов, Д. А. Законодательная техника : науч.-метод. и учеб. пособие / Д. А. Керимов. – М. : НОРМА-ИНФРА, 2000. – 127 с.
9. Семенов, Я. И. Законодательная техника в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Я. И. Семенов. – Челябинск, 2007. – 167 л.
10. Панько, К. К. Основы законодательной техники в уголовном праве России : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Воронеж, 2006. – 429 л.
11. Воскресенский, К. А. Юридическая техника: частные вопросы совершенствования уголовного закона : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / К. А. Воскресенский ; Санкт-Петерб. ун-т МВД России. – СПб., 2008. – 23 с.

12. Желдыбина, Т. А. Вопросы законодательной техники в процессе кодификации права (по состоянию на 24.11.2015 г.) [Электронный ресурс] / Т. А. Желдыбина // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2017.

13. Соловьев, О. Г. Место и значение приемов законодательной техники в процессе конструирования норм уголовного законодательства / О. Г. Соловьев // Юридическая наука. – 2015. – № 3. – С. 65–68.

14. Денисова, А. В. О приемах законодательной техники, используемых в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации / А. В. Денисова // Общество и право. – 2010. – № 2 (29). – С. 94–98.

15. Пронина, М. П. Приемы конструирования норм уголовного законодательства / М. П. Пронина // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 7. – С. 152–156.

16. Рясина, А. С. Оценочные категории как прием законодательной техники в российском праве / А. С. Рясина // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – С. 658–665.

17. Суменков, С. Ю. Техника закрепления юридических исключений правотворческими средствами / С. Ю. Суменков // Юридическая техника. – 2012. – № 6. – С. 520–526.

18. Караваева, В. А. Проблемы правовой регламентации и содержания примечаний в уголовном законе / В. А. Караваева // Теоретические и прикладные аспекты современной юридической науки : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти профессора В.И. Семенова, Минск, 11 дек. 2015 г. / Национальный центр законодательства и правовых исследований ; редкол.: С.М. Сивец [и др.]. – Минск : Ин-т радиологии, 2015. – С. 305–306.

19. Лосев, В. В. Существенный вред в составах преступлений против интересов службы / В. В. Лосев // Законность и правопорядок. – 2013. – № 4 (28). – С. 57–61.

20. Савенок, А. Л. Основные направления повышения эффективности уголовного законодательства в современных условиях (по состоянию на 26.09.2014 г.) [Электронный ресурс] / А. Л. Савенок // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2017.

21. Давыдова, М. Л. Нормативность юридической техники: к вопросу о механизме действия правотворческих правил и средств / М. Л. Давыдова // Юридическая техника. – 2012. – № 6. – С. 154–158.

УДК 342.7:355.09 (476)

А. С. ИГНАТЕНКО

Минск, БГУ

Научный руководитель: Василевич Г. А., доктор юридических наук, профессор

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ДИСЦИПЛИНАРНАЯ (СЛУЖЕБНАЯ)
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И ЛИЦ,
ИМЕЮЩИХ СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЗВАНИЯ**

В настоящее время в Республике Беларусь выстроена эффективная система правового регулирования специальной дисциплинарной ответственности, характерными признаками которой являются: во-первых, специальные источники правового регулирования ответственности, как правило, это Дисциплинарные уставы; во-вторых, специальные субъекты дисциплинарной ответственности, к которым относятся военнослужащие и лица, имеющие специальные звания; в-третьих, особый характер дисциплинарного проступка; в-четвертых, специфические последствия

дисциплинарного проступка; в-пятых, меры дисциплинарного взыскания; в-шестых, особые правила применения мер дисциплинарного взыскания; в-седьмых, специальный порядок обжалования решений о применении мер взыскания.

В качестве источников правового регулирования специальной дисциплинарной (служебной) ответственности лиц, имеющих воинские и специальные звания, следует назвать: Положение о прохождении службы в органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 11 января 2013 г., № 22, Положение о прохождении службы в органах финансовых расследований Комитета государственного контроля и Дисциплинарный устав органов финансовых расследований Комитета государственного контроля, утвержденные Указом Президента Республики Беларусь от 20 декабря 2007 г., № 660 «О некоторых вопросах органов финансовых расследований Комитета государственного контроля», Положение о прохождении службы в органах внутренних дел Республики Беларусь, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 15 марта 2012 г., № 133 «О вопросах прохождения службы в органах внутренних дел Республики Беларусь», и Дисциплинарный устав органов внутренних дел Республики Беларусь, утвержденный Указом Президента Республики Беларусь от 29 мая 2003 г., № 218 «Об утверждении Дисциплинарного устава органов внутренних дел Республики Беларусь и текста Присяги лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Республики Беларусь», Положение о порядке прохождения службы в Следственном комитете Республики Беларусь и Дисциплинарный устав Следственного комитета Республики Беларусь, утвержденные Указом Президента Республики Беларусь от 10 ноября 2011 г., № 518 «Вопросы Следственного комитета Республики Беларусь», Положение о порядке и условиях прохождения службы в таможенных органах, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 21 апреля 2008 г., № 228 «О некоторых вопросах таможенных органов», и Дисциплинарный устав таможенных органов Республики Беларусь, утвержденный Указом Президента Республики Беларусь от 9 марта 2011 г., № 98, Положение о порядке прохождения службы в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь и Дисциплинарный устав Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, утвержденные Указом Президента Республики Беларусь от 1 июля 2013 г., № 292 «Вопросы Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь». Дисциплинарные уставы определяют в целом содержание служебной и военной дисциплины лиц, имеющих воинские (военнослужащие) и специальные звания (работники, сотрудники, должностные лица органов и подразделений, приравненных по правовому статусу к военизированным формированиям).

Следует отметить, что в многообразии определений понятия «служебная дисциплина», в её содержании видится актуальная проблема унификации единых подходов к её правовому регулированию.

В законодательстве отсутствуют как единые понятия «специальная дисциплинарная (служебная) ответственность», «служебная дисциплина». В нормативных актах, регламентирующих отдельные виды государственной службы (военной, органов внутренних дел, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, таможенных органов, органов судебных экспертиз и следственных органов, органов финансовых расследований), эти понятия значительно различаются. Приведём определения системообразующего для нашего исследования понятия «служебная дисциплина» из соответствующих Дисциплинарных уставов для наглядности и точности анализа.

Служебная дисциплина в органах судебных экспертиз предусматривает соблюдение сотрудниками Присяги, выполнение служебных обязанностей, установленных законодательными и иными нормативными правовыми актами, правовыми актами Государственного комитета судебных экспертиз, а также условий контракта о службе в Государственном комитете судебных экспертиз и приказов начальников.

Воинская дисциплина есть строгое и точное соблюдение всеми военнослужащими порядка и правил, установленных в общевоинских уставах Вооруженных Сил и иных актах законодательства.

Служебная дисциплина в следственных органах предусматривает соблюдение сотрудниками Присяги, выполнение служебных обязанностей, установленных Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь и иными нормативными правовыми актами, правовыми актами Следственного комитета, а также условий контракта о службе в Следственном комитете и приказов начальников.

Служебная дисциплина в таможенных органах – строгое и точное исполнение должностными лицами своих служебных обязанностей, установленных Дисциплинарным Уставом, иными актами законодательства, должностной инструкцией, приказами начальников, а также условий заключенных с ними контрактов (трудовых договоров).

Служебная дисциплина в органах финансовых расследований – строгое и точное выполнение всеми работниками своих служебных обязанностей, установленных актами законодательства, в том числе настоящим Дисциплинарным уставом, присягой рядового и начальствующего состава органов финансовых расследований Комитета государственного контроля, приказами, распоряжениями Председателя Комитета государственного контроля, заместителя Председателя Комитета – директора Департамента финансовых расследований и других начальников органов финансовых расследований, должностной инструкцией, а также условий заключенных с ними контрактов о службе в органах финансовых расследований.

Служебная дисциплина в органах внутренних дел – строгое выполнение сотрудниками органов внутренних дел своих служебных обязанностей, установленных актами законодательства, в том числе настоящим Уставом, Присягой, Правилами профессиональной этики, а также условий заключенных с ними контрактов о службе в органах внутренних дел (далее – контракты) и приказов начальников.

Дисциплина в органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь есть строгое и точное соблюдение лицами рядового и начальствующего состава органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям порядка и правил, установленных законодательством Республики Беларусь, присягой, уставами и приказами прямых начальников.

Следует отметить, что сравнительно-правовой анализ терминологического определения понятия «служебная дисциплина», лиц, имеющих воинские, специальные звания позволяет сформулировать следующие выводы, которые не теряют своего значения и для анализа других терминологических определений в сфере служебной ответственности данной категории лиц.

1. Дисциплинарные уставы утверждены указами Президента Республики Беларусь и определяют содержание понятия «дисциплина» с учётом субъекта правонарушения. Так, воинская дисциплина устанавливается в отношении военнослужащих Вооружённых сил; служебная дисциплина в отношении лиц, имеющих специальные звания, а именно в отношении лиц рядового, младшего и

начальствующего

состава, имеющих специальные звания (работники органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям и органов финансовых расследований; сотрудники следственных органов, органов внутренних дел, органов судебных экспертиз и должностные лица таможенных органов).

2. Соблюдение дисциплинарной дисциплины для различных лиц воинских формирований и приравненных к ним имеет в своем основании осознание каждым своего воинского либо служебного долга и личной ответственности за защиту государства, за исполнение своих служебных обязанностей, а также условий контракта о службе и приказов начальников.

3. Единственным основанием применения дисциплинарной ответственности является совершение дисциплинарного, вернее, служебного проступка. Однако нет единого подхода к определению понятия «служебный проступок», совершённый военнослужащим либо лицом, имеющим специальное звание. За совершение проступка налагаются меры дисциплинарного взыскания, установленные для каждого вида государственной службы в соответствующем нормативном правовом акте.

4. Анализ норм, регулирующих специальную дисциплинарную, суть служебную, ответственность военнослужащих и лиц, имеющих специальные звания, даёт право говорить о чрезмерной дифференциации правового регулирования общественных отношений по привлечению к ответственности за совершение служебного проступка данной категорией государственных служащих.

5. Определение единого терминологического подхода к установлению унифицированных основных понятий специальной дисциплинарной (служебной) ответственности, таких терминов, как: субъект правонарушения, служебный проступок, служебная дисциплина, служебная ответственность и др., единых правил привлечения к служебной ответственности военнослужащих и лиц, имеющих специальные звания позволит систематизировать специальное законодательство в данной сфере общественных отношений и преодолеть имеющиеся пробелы и несоответствия правового регулирования специальной дисциплинарной (служебной) дисциплины.

УДК 343.9

О. В. КАТУШОНОК

Новополоцк, ПГУ

Научный руководитель: В. М. Хомич, доктор юридических наук, профессор

ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ВНУТРИСЕМЕЙНОГО ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ

В современной науке проблема геронтологического насилия относится к малоизученным явлениям. Практически отсутствует объективная и достоверная информация о проявлениях такого вида насилия, в том числе и в семье. При обращении к жертвам семейного насилия внимание уделяется либо женщинам, либо несовершеннолетним, в то время как о престарелых родственниках речь не идёт.

Проблема жестокого обращения с пожилыми лицами не является новой, но выделена в самостоятельное направление для исследования она было лишь в 1980-х гг. Для отображения жестокого обращения с престарелыми в англоязычной литературе используется термин «elder abuse» [1, с. 125; 2; 3] или «elderly abuse» [4, с. 310],

а впервые оно было описано в британских научных журналах в 1975 г. А. Бейкером и Г. Берстоном под термином «granny battering» [1, с. 125].

Всемирная организация здравоохранения для уяснения сущности рассматриваемого явления приняла определение, данное Актом о плохом обращении с престарелыми в Великобритании (UK's Action on Elder Abuse), согласно которому, «elder abuse» – это совершение каких-либо разовых или повторяющихся актов или отсутствие надлежащих действий в рамках любых отношений, предполагающих доверительное отношение, что причиняет вред пожилому человеку или вызывает у него стресс [5].

В русскоязычных странах для определения жестокого обращения со стариками употребляется термин «геронтологическое насилие», к определению которого авторы подходят по-разному. Так, Э. К. Турдубаева насилие в отношении пожилых людей определяет как внешнее воздействие на пожилого человека или группу пожилых людей с целью подчинить их воле того или тех, кто осуществляет такое воздействие, ограничение их свободы, принуждение пожилых людей к определённым поступкам или удерживание от них с помощью прямого воздействия [6, с. 16].

П. В. Пучков «геронтологическое насилие» понимает как противоправное действие, расходящееся с общепринятыми социокультурными нормами, образцами поведения в отношении пожилых людей, результатом которых является нанесение им физического, экономического, психологического вреда, ограничивающего пожилых людей в выборе и возможностях приемлемого уровня жизни [7, с. 11]. Учёный полагает, что понятие «elderly abuse» тесно связано как по семантике, так и по содержательному наполнению с понятием «геронтологическое насилие» [7, с. 12].

На наш взгляд, термин «геронтологическое насилие» не отражает в полной мере тот смысл, который вкладывается в понятие «elder abuse», а является гораздо уже. В зарубежной юридической литературе понятие «elder abuse» охватывает две самостоятельные категории: «abuse», а также «neglect» [2], что определяется как «пренебрегать, не заботиться о чём-либо; запускать; не делать чего-либо нужного» [8, с. 416]. Как видно, в данном определении речь о насилии как таковом не идёт, в то время как «abuse» непосредственно переводится как плохое или жестокое обращение; оскорбление, брань и т. д. [8, с. 16].

В русскоязычных исследованиях насилия над пожилыми людьми, в том числе и в семье, категории «геронтологическое насилие» и «геронтологический эбьюзинг» употребляются как синонимы. При этом другая составляющая – «neglect» – отдельно не выделяется, а рассматривается как форма эбьюзинга, что, по-нашему, является не совсем верным. На основании изложенного считаем целесообразным в криминологических и социологических исследованиях жестокого обращения с престарелыми людьми наряду с понятием «геронтологический эбьюзинг» использовать и понятие «геронтологический неглектинг», наполняя данные термины различным содержанием.

При исследованиях насилия над пожилыми членами семьи, как правило, выделяются три его основные формы: физическое, психологическое (эмоционально-психологическое), экономическое (финансово-экономическое) насилие [6, с. 16; 9]. П. В. Пучков в дополнение к названным выделяет также пренебрежительное отношение к уходу за пожилыми людьми, сексуальный эбьюзинг и эбьюзинг, связанный со злоупотреблением медикаментозными средствами [10].

На наш взгляд, выделять экономическое и сексуальное геронтологическое насилие в качестве самостоятельных форм не является верным. Совершаемые

родственниками по отношению друг к другу действия сексуальной или экономической направленности в итоге всё равно причиняют физические и/или психические страдания. На основании этого в криминологических исследованиях семейного насилия следует разграничивать понятия «насилие», с одной стороны, и «воздействие», «характер воздействия», с другой стороны и, соответственно, выделять только две формы семейного насилия: физическое и психическое. Все иные действия (бездействия), какой бы направленности они ни были, в результате вред причиняют психическому и (или) физическому здоровью потерпевшего.

Исходя из выше изложенного, можно выделить следующие формы воздействия на пожилых родственников, причиняющие им физические и (или) психические страдания:

1. *Физическое воздействие*; такое воздействие на стариков практически ни чем не отличается от физического воздействия в отношении других членов семьи и проявляется в следующих формах: побои, избиения; физические наказания, удары руками и (или) ногами, при помощи орудий и подручных средств, ограничение пространства (например, запираение в комнате, доме), принуждение к выполнению физической или иной непосильной работы и т. д.

2. *Психическое воздействие*.

Как разновидности психического воздействия следует рассматривать:

– эмоциональное/моральное воздействие: эмоциональное подавление, унижение достоинства, воздействие на стариков путём причинения вреда другим членам семьи, животным либо вещам, которые им дороги, угроза оружием или иными средствами и др.;

– вербальное воздействие: брань, ругательства, сквернословие, обзывания, оскорбления, клевета, непристойные замечания, упреки, словестные запугивания, совершённые как наедине с жертвой, так и в присутствии посторонних лиц (например, о помещении в дом престарелых) и др.

3. *Экономическое воздействие*. Содержание такого ущемления, на наш взгляд, наиболее полно раскрыто в Докладе Генерального секретаря ООН «Ущемление интересов пожилых людей: выявление практики ущемления интересов пожилых людей и борьба с ней в глобальном контексте». В частности, финансовая эксплуатация, или материальное ущемление, включает:

– незаконное или ненадлежащее использование или неправомерное присвоение имущества и/или финансовых средств престарелого лица;

– принуждение престарелого к изменению завещания или других юридических документов;

– отказ в праве доступа к личным средствам или контроле над ними;

– финансовое жульничество и мошеннические махинации [11].

На наш взгляд, данный перечень можно дополнить следующими формами: лишение жизненно необходимых вещей, лишение/ограничение средств к существованию, запрет/ограничение возможности использования определённого имущества, создание полной экономической зависимости и др.

Сексуальное (половое) воздействие в литературе, посвящённой защите пожилых людей от насилия, определяется как сексуальный контакт любого рода с пожилым человеком без его согласия [12, с. 133].

Рассмотренные действия в целом можно обозначить как применение физического и/или психического насилия в отношении престарелых родственников, т. е. непосредственное активное на них воздействие, возможно, даже сознательно

направленное на причинение вреда. Указанные формы полностью охватывается таким понятием как геронтологический эбьюзинг.

Однако воздействие на престарелых родственников этими формами не ограничивается. Все ниже перечисленные формы условно можно объединить термином «геронтологический неглектинг».

Социальное воздействие: отсутствие должностного ухода за престарелыми либо неспособность/нежелание осуществлять уход, невнимание к основным нуждам, игнорирование интересов, отсутствие проявления нежных чувств и заботы, исключение пожилого человека из общественной жизни (ограничение его социального пространства и социальной деятельности) [13], оставление его на длительное время в одиночестве (без признаков ограничения свободы и передвижения) без присмотра и поддержки, лишение общения, запрет/ограничение общения с другими родственниками или друзьями, отсутствие смены постельного и нательного белья, гигиенического ухода, стрижки и т. д., непредоставление одежды, отсутствие уборки в жилище стариков, если они сами не в состоянии её обеспечить, лишение/ограничение престарелых пищи, сознательное нарушение диеты, если таковая требуется и др.

Как отмечается в Докладе Генерального секретаря ООН, об отсутствии ухода свидетельствует бледность, недостаточный вес, грязная одежда, дрожь, отсутствие вспомогательных приспособлений и устройств, негигиеничное состояние тела, недержание мочи или кала, открытое поражение кожи или слизистой оболочки рта, ухудшение физиологического и психического состояния [11].

Медицинское воздействие: неоказание медицинской помощи, неправильное использование лекарственных средств, непредоставление необходимых лекарств, предоставление лекарственных средств, которые могут нанести физический и психологический вред и др.

Указанные формы характеризуют пренебрежительное отношение к присмотру за пожилыми людьми либо нежелание родных выполнять обязанности по уходу за ними, что полностью соответствует понятию «геронтологический неглектинг».

Таким образом, подводя итог изложенному, можно отметить, что внутрисемейное геронтологическое насилие состоит из двух самостоятельных категорий: геронтологический эбьюзинг и геронтологический неглектинг.

Геронтологический эбьюзинг включает формы насилия, предполагающие активные действия в отношении стариков, направленные на причинение им какого-либо вреда либо страданий. В частности, сюда относятся все формы проявления физического, психического, экономического и сексуального воздействия. Это могут быть как однократные, так и систематические действия. При этом, если следствием физического воздействия являются синяки, кровоподтеки, шрамы, рубцы, а также более тяжкие последствия – растяжения связок, вывихи, повреждения внутренних органов, переломы и др., то последствия психологического и экономического воздействия визуально, как правило, не заметны, что ещё больше повышает латентность геронтологического внутрисемейного насилия.

Формы геронтологического неглектинга, в отличие от форм геронтологического эбьюзинга, могут выражаться как в активном, так и в пассивном поведении родных по отношению к престарелым родственникам и включают социальное и медицинское воздействие. При этом формы воздействия, как правило, непосредственно не направлены на причинение физического и/или психического вреда старикам. Однако в результате такого поведения старики всё же испытывают психические страдания от

того, что указанные действия совершаются близким лицом, и у них возникает чувство незащищенности, отчаяния, обиды на родного человека.

В целом, геронтологическое внутрисемейное насилие можно определить как реальное действие (бездействие) или угрозу физического, психического, экономического, социального либо иного воздействия со стороны члена семьи по отношению к престарелому родственнику, совершённые против либо помимо воли последнего, причиняющие либо могущие причинить ему физические и (или) психические страдания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Abuse of the elderly // World report on violence and health / E. G. Krug [et al.] ; World Health Organization ; edited by E. G. Krug. – Geneva, 2002. – Ch. 5. – P. 123–146.
2. Jamaluddin, S. Z. Strategies in the prevention or reduction of Elder Abuse in Bangladesh and Malaysia [Electronic resource] / S. Z. Jamaluddin, G. C. Chuanb, M. Abu Taher // Scientific Electronic Library ScienceDirect. – Mode of access: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042815003705>. – Date of access: 08.09.2016.
3. Learning to Detect and Prevent Elder Abuse: The Need for a Valid Risk Assessment Instrument [Electronic resource] / L. De Donder [et al.] // Scientific Electronic Library ScienceDirect. – Mode of access: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042815028438>. – Date of access: 08.09.2016.
4. Domestic and family violence: a special case? / L. Voigt [et al] // Criminology and justice. – McGraw-Hill. – 1994. – P. 303–318.
5. What is elder abuse? [Electronic resource] // Official site of World Health Organization. – Mode of access: http://www.who.int/ageing/projects/elder_abuse/en. – Date of access: 12.11.2016.
6. Турдубаева, Е. К. Социальное противодействие насилию над пожилыми людьми в современном Кыргызстане : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Е. К. Турдубаева ; РГСУ. – М., 2009. – 27 с.
7. Пучков, П. В. Концептуальные основы превенции геронтологического насилия в современном российском обществе : автореф. дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.04 / П. В. Пучков ; СГТУ. – Саратов, 2009. – 34 с.
8. Мюллер, В. К. Англо-русский словарь. 60 000 слов : научное издание / В. К. Мюллер. – М. : Рипол Классик, 2010. – 736 с.
9. Сагалаева, Е. С. Ущемление прав пожилых людей в семье [Электронный ресурс] / Е. С. Сагалаева // Научная электронная библиотека Киберленинка. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/uschemlenie-prav-pozhilyh-lyudey-v-semie>. – Дата доступа: 12.11.2016.
10. Пучков, П. В. Геронтологический эбьюзинг как предмет социологического исследования [Электронный ресурс] / П. В. Пучков // Официальный портал Института социологии Российской академии наук. – Режим доступа: <http://jour.isras.ru/index.php/soc4m/article/view/4090>. – Дата доступа: 12.11.2016.
11. Доклад Генерального секретаря ООН «Ущемление интересов пожилых людей: выявление практики ущемления интересов пожилых людей и борьба с ней в глобальном контексте» [Электронный ресурс] // World Information Transfer promoting health and environmental literacy. – Режим доступа: http://worldinfo.org/wp-content/uploads/library/wer/russian/ru2002_Spring_Summer_XIII_No4.pdf. – Дата доступа: 13.11.2016.
12. Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире / под ред. Э. Г. Круга [и др.] ; пер. с англ. – М. : Весь Мир, 2003. – 376 с.

13. Неваева, Д. А. Особенности социальной эксклюзии лиц пожилого возраста (по материалам социологического опроса) [Электронный ресурс] / Д. А. Неваева // Вестн. Кемеров. гос ун-та. – 2014. – № 2 (58). – Т. 2. – С. 141–146.

УДК 343.1

А. В. КОВАЛЁВ

Минск, Академия МВД Республики Беларусь

Научный руководитель: Л. И. Кукреши, кандидат юридических наук, профессор

**СТАДИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ:
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

Стадия возбуждения уголовного дела неоднократно становилась объектом повышенного внимания и предметом диспутов. Мнения учёных и практических работников относительно первоначального этапа уголовного судопроизводства разделились на две позиции: одни считают её самостоятельной стадией уголовного процесса и обосновывают необходимость её дальнейшего развития и расширения, другие – аргументированно ставят вопрос об её упразднении.

При изучении истории развития стадии возбуждения уголовного дела с момента правового закрепления в 1960 г. по настоящее время прослеживается направление по расширению её временных границ и объёма проверочных действий. Так, если на момент принятия в 1960 г. Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) было категорически запрещено производство до возбуждения уголовного дела следственных действий, то в 1963 г. разрешается осмотр места происшествия (ст. 177), в 1997 г. – производство экспертизы (ст. 188), а в настоящее время могут быть получены образцы для сравнительного исследования, произведены осмотр места происшествия, трупа, местности, предметов, документов, освидетельствование, экспертизы, задержание и личный обыск при задержании, а также может быть проведено извлечение трупа из места захоронения (эксгумация) (ч. 2 ст. 173 УПК); изначально стадия возбуждения уголовного дела регламентировалась только гл. 9 (стст. 105–114 УПК), а в действующем УПК – двумя главами: гл. 20 «Поводы и основания к возбуждению уголовного дела» и 21 «Порядок возбуждения уголовного дела», (стст. 166–179 УПК), а также стст. 17, ч. 5 ст. 26, 27, 29, 468-2 УПК и др.

Эта позиция не исчезла, и по-прежнему среди учёных высказываются мнения и предложения по осуществлению дальнейшего развития стадии возбуждения уголовного дела, в основном путём расширения перечня разрешённых следственных и иных процессуальных действий, закреплении правового статуса участников процесса на данной стадии, и т. д.

Вместе с тем, данный подход порождает такие очевидные негативные явления ныне действующей стадии возбуждения уголовного дела, которые, в первую очередь, влекут игнорирование прав граждан, вовлекаемых в уголовное судопроизводство на его первоначальном этапе; искусственное затягивание сроков разрешения заявлений и сообщений о преступлении до 3 месяцев (ст. 173 УПК), в то время как срок расследования – 2 месяца; нерациональное использование сил и средств, влекущее рост процессуальных издержек; нивелирование института уголовно-правового воздействия

на лиц, совершивших уголовно-наказуемое деяние, путём увеличения времени между совершённым деянием и применением наказания к лицу, его совершившему, и т. п.

Кроме этого, в силу деформации восприятия целевого назначения данной стадии, на практике нередко расширяется предмет доказывания до установления не только признаков преступления, а фактически и его состава, установления лица, совершившего деяние, предусмотренное Уголовным законом, что, безусловно, ведёт к искусственному затягиванию сроков разрешения заявлений и сообщений о преступлении, их укрывательству.

Положения конституционной нормы, провозглашающей, что «Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства» (ст. 2 Конституции Республики Беларусь) и ст. 7 УПК, закрепившей основной задачей уголовного процесса «защиту личности», не в полной мере реализовываются на стадии возбуждения уголовного дела, где конституционное право потерпевшего от преступления на доступ к правосудию нарушается путем волокиты в принятии решения о начале восстановления его нарушенных прав.

В нормах УПК, регламентирующих данный этап, упоминаются такие участники уголовного процесса как «заявитель», «пострадавший», иницирующие, как правило, начало уголовного процесса, статус которых никак не определен и, естественно, не наделенные правами, позволяющими защищать им свой интерес в уголовном процессе.

По указанным обстоятельствам такой подход нам видится в современных условиях не совсем обоснованным, противоречащим принципу процессуальной экономии и не согласующийся с задачами уголовного процесса, закрепленными в ч. 1 ст. 7 УПК.

Тенденция, развивающаяся в направлении сращивания стадии возбуждения уголовного дела со стадией предварительного расследования, активизировала позицию о необходимости её реформирования и, в частности, ликвидации возбуждения уголовного дела, как стадии уголовного процесса.

Такие российские ученые, как Б. Я. Гаврилов, Л. В. Головкин, И. В. Овсянников, Ю. П. Боруленко, А. С. Александров, Ю. А. Цветков и другие в обоснование этой позиции ссылаются на положения Концепции судебной реформы РСФСР, одобренной постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г., согласно которой «доследственная проверка» признавалась не соответствующей демократической направленности и характеризовалась, как «суррогат расследования», в ходе которого информация добывается непроцессуальными, то есть наименее надёжными в контексте уголовного судопроизводства, средствами [2, с. 86]. Истоки такого подхода заложены в Уставе уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г., в котором предусматривалось: «Жалобы почитаются достаточным поводом к началу следствия. Ни судебный следователь, ни прокурор не могут отказать в том лицу, потерпевшему от преступления или проступка».

Следует отметить, что уголовно-процессуальное законодательство ряда стран постсоветского пространства уже претерпело изменения в виде исключения стадии возбуждения уголовного дела, как таковой (Молдова – 2003 г., Грузия – 2010 г., Украина – 2012 г., Казахстан – 2014 г.). При этом без всяких сомнений, решения подобного рода не принимались спонтанно, а явились продуктом анализа реальных возможностей развития уголовно-процессуальной системы с учетом возможных негативных прогнозов и предполагаемых последствий.

Для уголовного процесса ряда стран Евросоюза, таких как Польша, Франция, Австрия, Германия, Великобритания и других, характерно отсутствие стадии

возбуждения уголовного дела. В качестве примера можно привести ФРГ, где в соответствии с действующим УПК, принятым 1 февраля 1877 г., началом производства по делу служит производство первых следственных действий, а предварительное расследование начинается с получения сообщения о совершённом преступлении [1, с. 478].

Всё сказанное выше обозначает взгляд на рассматриваемую проблему со стороны обеспечения защиты прав личности в уголовном процессе и необходимости реформы начала уголовного судопроизводства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гриненко, А. В. Уголовный процесс : учебник / А. В. Гриненко. – 2-е изд., перераб. – М. : Норма, 2009. – 496 с.
2. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С. А. Пашин ; отв. за вып. Б. А. Золотухин. – М. : Республика, 1992. – 111 с.

УДК 343.985

Д. В. КОСТЮКЕВИЧ

Минск, Академия МВД Республики Беларусь

Научный руководитель: В. П. Шиенок, доктор юридических наук, профессор

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ С ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Одним из важнейших и приоритетных направлений деятельности любого государства является охрана установленного правопорядка от преступных посягательств, которая осуществляется, в первую очередь, правоохранительными органами, к числу которых относятся органы внутренних дел и следственного комитета.

Защита конституционных прав и свобод, законных интересов личности от преступных посягательств во многом определяется согласованной деятельностью следователей и оперативных работников органов внутренних дел. Законодательной основой данной деятельности является Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, который определяет две центральные фигуры раскрытия и расследования преступлений – следователя и орган дознания. Проблема взаимодействия этих субъектов была и остаётся в центре внимания, так как и следователь, и представитель органа дознания имеют различные полномочия и функции. Если у следователя – уголовно-процессуальная функция, то у органа дознания – оперативно-розыскная. Именно криминалистическая деятельность соответствующих органов составляет центральный элемент предмета криминалистики [1, с. 216].

12 сентября 2011 г. был образован Следственный комитет Республики Беларусь и с 1 января 2012 г. новая структура приступила к функционированию. Выделение подразделений предварительного расследования из системы органов Прокуратуры, Министерства внутренних дел и с Комитета государственного контроля было обусловлено необходимостью совершенствования деятельности органов предварительного следствия, усиления защиты прав и законных интересов граждан в досудебном уголовном производстве, а также в целях обеспечения независимости органов предварительного следствия от ведомственных интересов органов, в которых они ранее находились. Однако создание обособленного следственного подразделения, такого как Следственный комитет Республики Беларусь, усложнило взаимодействие

между следователями и органами дознания, и предопределило возникновения ряда организационных, правовых и информационных проблем, а также вызвало обострение ведомственных различий в понимании задач и полномочий между следственными органами и оперативными подразделениями. Новое статусное положение Следственного комитета обусловило необходимость поиска, новых более действенных форм и методов взаимодействия с органами дознания в общем и с оперативными подразделениями в частности.

В настоящий момент нет единства мнений по ряду важных теоретических и практических вопросов взаимодействия, что в некоторой степени обуславливается тем, что Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь термин «взаимодействие» не определяет, а совместную деятельность следователя и органов дознания регулирует в самом общем виде, то же самое касается и межведомственных нормативно-правовых актов, которые определяют взаимодействие в самых общих чертах по узкому кругу вопросов, относящихся к совместной деятельности следователя и органов дознания.

В практической деятельности дело обстоит таким образом, что взаимодействие между следователем и органами дознания, в частности с оперативными подразделениями происходит по инерции, опираясь на ранее действовавшие ведомственные нормативно-правовые акты, и практический опыт, выработанный прошлыми поколениями следователей и сотрудников оперативных подразделений, что негативным образом сказывается на качестве и эффективности расследования преступлений.

Понятие «взаимодействие» является одной из основных философских категорий, отражающей процессы воздействия различных объектов друг на друга, их взаимообусловленность, изменение состояния, взаимопереход, а также порождение одним объектом другого. Взаимодействие представляет собой вид непосредственного или опосредованного, внешнего или внутреннего отношения, связи, является неотъемлемой частью любой системы и отражает её сущность. Без изучения взаимодействия в его общем и конкретном проявлении нельзя понять ни свойств, ни структуры, ни законов действительности. «Ни один феномен не объясняется сам по себе и из самого себя» [2, с. 334].

В русском языке «взаимодействие» означает взаимную связь явлений, взаимную поддержку, согласованные действия войск при выполнении боевой задачи [3, с. 78], что весьма близко относится к правоохранительной деятельности, поскольку эффективность раскрытия и расследования преступлений в определённой степени зависит от слаженности и согласованности деятельности как следственных, так и оперативных подразделений.

В научной литературе по уголовному процессу и криминалистике существует множество определений понятия «взаимодействие». Все эти определения отличаются по форме, содержание же и смысл почти идентичен. В самом общем смысле понятие взаимодействия следователей и оперативных подразделений представляет собой основанную на законах и подзаконных нормативно-правовых актах согласованную по времени, месту и способу совместную деятельность, объединённую общими целями и задачами, при строгом разграничении прав и обязанностей, направленную на наиболее эффективное использование имеющихся в распоряжении у следователей и оперативных подразделений специальных средств и методов, направленных на полное и объективное установление всех обстоятельств совершённого преступления,

преодоления противодействия расследованию и решению иных задач уголовного производства.

Таким образом, учитывая важность проблемы взаимодействия следователей с оперативными подразделениями в ходе раскрытия и расследования преступлений, необходимо дальнейшее улучшение координации совместной деятельности следственных и оперативных подразделений, которое возможно при выработке единых методических рекомендаций для повышения качества расследования преступлений, решение организационных, правовых и информационных проблем, а также нивелирование ведомственных различий между следователями и оперативными подразделениями для преодоления разобщенности, устранения и иных негативных моментов в работе следственных и оперативных подразделений с целью реализации задач уголовного судопроизводства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шиенок, В. П. Очерки криминалистической методологии национальной юриспруденции : монография / В. П. Шиенок. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : МИТСО, 2016. – 238 с.
2. Гете, И. В. Избранные философские произведения / И. В. Гете. – М. : Наука, 1964. – 520 с.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 2001. – 939 с.

УДК 343.13

М. Е. КРАСИЙ

Ивано-Франковск, ПНУ имени В. Стефаника

Научный руководитель: Ю. И. Микитин, кандидат юридических наук, доцент

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ НАРУШЕНИЯ ПРАВА НА ЗАЩИТУ

Обеспечение права на защиту в соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 129 Конституции Украины является основным принципом судопроизводства, а в соответствии с п. 13 ч. 1 ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Украины (далее – УПК Украины) отнесено к общим основам уголовного производства.

С принятием нового УПК Украины некоторые вопросы процессуального положения защитника не потеряли своей актуальности, и вызвано это тем, что процессуальное положение защитника в уголовном производстве – одна из самых сложных и актуальных проблем теории и практики уголовного судопроизводства. От правильного его применения в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством зависит решение многих конкретных вопросов, связанных с участием защитника в уголовном процессе, эффективного осуществления функции защиты прав и свобод личности [1, с. 36].

Согласно ч. 1 ст. 20 УПК Украины подозреваемый, обвиняемый, оправданный, осуждённый имеет право на защиту, которое заключается в предоставлении ему возможности предоставить устные или письменные объяснения по поводу подозрения или обвинения, право собирать и представлять доказательства, принимать личное

участие в уголовном производстве, пользоваться правовой помощью защитника, а также реализовывать другие процессуальные права, предусмотренные УПК Украины.

Следователь, прокурор, следователь, судья, суд обязаны разъяснить подозреваемому, обвиняемому его права и обеспечить право на квалифицированную правовую помощь со стороны выбранного им или назначенного защитника (ч. 2 ст. 20 УПК Украины).

В ч. 1 ст. 45 УПК Украины закреплено, что защитником является адвокат, который осуществляет защиту подозреваемого, обвиняемого, осуждённого, оправданного, лица, в отношении которого предполагается применение принудительных мер медицинского или воспитательного характера или решался вопрос об их применении, а также лица, в отношении которого предполагается рассмотрение вопроса о выдаче иностранному государству (экстрадиции). Защитником не может быть адвокат, сведения о котором не внесены в Единый реестр адвокатов Украины или в отношении которого в Едином реестре адвокатов Украины содержатся сведения о приостановлении или прекращении права на занятие адвокатской деятельностью (ч. 2 ст. 45 УПК Украины). Как следствие, в результате реализации уголовной процессуальной политики Украины на правоисполнительном уровне, произошло идеологическое признание за адвокатами исключительного права оказывать правовую помощь в уголовном производстве.

Следователь, прокурор, следователь, судья или суд обязаны обеспечить участие защитника в уголовном производстве в случаях, если:

1) в соответствии с требованиями ст. 52 УПК Украины участие защитника является обязательным, а подозреваемый, обвиняемый не привлёк защитника;

2) подозреваемый, обвиняемый заявил ходатайство о привлечении защитника, но из-за отсутствия средств или по другим объективным причинам не может его привлечь самостоятельно;

3) следователь, прокурор, следователь судья или суд решит, что обстоятельства уголовного производства требуют участия защитника, а подозреваемый, обвиняемый не привлёк его.

Защитник может быть привлечен следователем, прокурором, следственным судьей или судом в других случаях, предусмотренных законом, регулирующим предоставление бесплатной правовой помощи (ч. 1 ст. 49 УПК Украины).

Стоит принять во внимание п. 4 ч. 2 ст. 412 УПК Украины, которым определено, что судебное разбирательство, осуществлённое в отсутствие защитника, если его участие является обязательным, в любом случае подлежит отмене.

Сторона защиты, потерпевший, представитель юридического лица, в отношении которого осуществляется производство, осуществляет сбор доказательств путём истребования и получения от органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных и физических лиц вещей, копий документов, сведений, выводов экспертов, выводов ревизий, актов проверок; инициирование проведения следственных (розыскных) действий, негласных следственных (розыскных) действий и иных процессуальных действий, а также путём осуществления других действий, которые способны обеспечить представление суду надлежащих и допустимых доказательств (ч. 3 ст. 93 УПК Украины).

Кроме того, ч. 7 ст. 46 УПК Украины определено, что органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны выполнять законные требования защитника, однако законодательством ответственность за

невыполнение таких требований не предусмотрена, что не гарантирует полноценную реализацию прав адвоката-защитника [2, с. 205].

Абз. 2 ч. 3 ст. 93 УПК Украины предусматривает инициирование стороной защиты, потерпевшим, представителем юридического лица, в отношении которого осуществляется производство, проведение следственных (розыскных) действий. Это осуществляется путём представления следователю, прокурору соответствующих ходатайств, которые рассматриваются в порядке, предусмотренном ст. 220 УПК Украины. Постановление следователя, прокурора об отказе в удовлетворении ходатайства о проведении следственных (розыскных) действий, негласных следственных (розыскных) действий может быть обжаловано следственному судье.

Ч. 2 ст. 220 УПК Украины определяет, что о результатах рассмотрения ходатайства сообщается лицу, заявившему ходатайство. О полном или частичном отказе в удовлетворении ходатайства выносится мотивированное постановление, копия которого вручается лицу, которое заявило ходатайство, а в случае невозможности вручения по объективным причинам – направляется ему.

Следственные (розыскные) действия являются действиями, направленными на получение (сбор) доказательств или проверку уже полученных доказательств в конкретном уголовном производстве (ч. 1 ст. 223 УПК Украины).

С целью осуществления судебного контроля за соблюдением прав, свобод и интересов лиц в уголовном производстве в ходе досудебного расследования отдельные следственные (розыскные) действия могут быть осуществлены по ходатайству стороны только на основании постановления следственного судьи. В частности, к таким следственным (розыскным) действиям УПК Украины относит:

- допрос свидетеля, пострадавшего во время досудебного расследования в судебном заседании при наличии обстоятельств, которые могут сделать невозможным их допрос в суде или повлиять на полноту и достоверность показаний (ст. 225 УПК Украины);
- проникновение в жилище или другое владение лица (ст. 233 УПК Украины);
- обыск, в том числе жилья или иного владения лица (ст. 234; 235 УПК Украины);
- осмотр, в том числе жилья или иного владения лица (ст. 237 УПК Украины);
- осмотр трупа, совмещённый с осмотром жилья или иного владения лица (ст. 238 УПК Украины);
- следственный эксперимент, проводимый в жилище или ином владении лица (ст. 240 УПК Украины);
- принудительное привлечение лица для проведения медицинской или психиатрической экспертизы (ст. 242 УПК Украины);
- назначение экспертизы по ходатайству стороны защиты в случае отказа следователя, прокурора в удовлетворении такого ходатайства (ст. 244 УПК Украины);
- принудительный отбор биологических образцов у лица для проведения экспертизы (ст. 245 УПК Украины) [3, с. 1–2].

Участие защитника в следственных (розыскных) действиях, повлекших отрицательный для подзащитного результат, может усилить их доказательную значимость, полностью исключить сомнения у суда в объективности производства этого действия, что делает практически невозможным обжалование полученных данных в ходе судебного разбирательства. Ходатайство о дополнении следствия оправданы, если защитник обладает достаточной информацией, анализ которой приводит его к выводу, что проведение дополнительных следственных (розыскных)

действий приведёт к выявлению обстоятельств, оправдывающих подзащитного или смягчающих его ответственность. Иначе будут подкреплены сведения, ранее собранные стороной обвинения, что усилит её позиции и ухудшит положение подозреваемого [4, с. 82].

Представляется, что проведение следственных (розыскных) действий является процессуальным действием, с помощью которого сторона защиты может получить (собрать) или проверить имеющиеся доказательства в уголовном производстве. Поэтому допустимым является то, что стороне защиты может быть отказано в удовлетворении ходатайства о проведении следственных (розыскных) действий. П. 8 ч. 2 ст. 42 УПК Украины определено, что подозреваемый, обвиняемый имеет право собирать и подавать следователю, прокурору, следственному судье доказательства, п. 2 ч. 4 ст. 42 УПК Украины – обвиняемый также имеет право собирать и представлять доказательства. Лицо, заявившее ходатайство, должно быть проинформировано о проведении следственных (розыскных) действий. Поскольку непредоставление возможности получить или проверить доказательства есть нарушение права на защиту: в диспозиции ч. 1 ст. 374 Уголовного кодекса Украины (далее – УК Украины) указано «недопущение или непредоставление своевременно защитника, а также другое грубое нарушение права подозреваемого, обвиняемого на защиту, совершённое следователем, прокурором или судьей».

Возникает вопрос, что имел в виду законодатель под «другим грубым нарушением»? Грубым нарушением права на защиту в контексте ст. 374 УК Украины, учитывая отечественную судебную практику, а также практику Европейского суда по правам человека, следует считать такие нарушения этого права, которые являются существенным нарушением процессуального закона и выступают основанием для отмены судебного решения, то есть нарушают законодательно гарантированные процессуальным законом права и свободы лица. Такие нарушения мешают или могут помешать суду принять законное и обоснованное судебное решение [5, с. 81]. Другое грубое нарушение права на защиту может иметь место, например, в случае давления на лицо, чтобы оно отказалось от приглашённого или назначенного адвоката, неназначение защитника в случаях, предусмотренных законом и т. д. [6, с. 938]. Р. И. Сахно считает, что грубым, то есть существенным нарушением права на защиту личности подозреваемого, обвиняемого или осуждённого, учитывая синонимику понятий «грубый» и «существенный», является нарушение гарантированных процессуальным законом прав и свобод этого лица, что помешало или могло помешать суду принять законное и обоснованное судебное решение [5, с. 80].

Под другим грубым нарушением права на защиту следует понимать давление на лицо, чтобы оно отказалось от приглашённого или назначенного защитника, препятствование получению защитником доказательств путём невыполнения органами государственной власти и органами местного самоуправления, их должностными лицами законных требований защитника.

В. М. Еднак предложил исключить наказание в виде исправительных работ по санкциям тех статей разд. XVIII Особенной части УК Украины, в которых субъектом преступления является должностное лицо соответствующего правоохранительного органа (ч. 1 ст. 374, ч. 1 ст. 381, ч. 2 ст. 387 УК Украины). Ведь наказание в виде исправительных работ не должно назначаться лицам, совершившим преступления, связанные с исполнением ими служебных обязанностей, когда оставление виновного на той же работе может привести к ослаблению воспитательного и предупредительного воздействия наказания или к совершению таких же преступных деяний [7, с. 11].

Поддерживаем мнению учёного об исключении наказания в виде исправительных работ с санкции ч. 1 ст. 374 УК Украины, поскольку такая норма противоречит ч. 2 ст. 57 УК Украины «Исправительные работы не применяются к... сотрудникам правоохранительных органов, нотариусам, частным исполнителям, судьям, прокурорам, адвокатам, государственным служащим, должностным лицам органов местного самоуправления».

Целесообразно было бы ч. 1 ст. 374 УК Украины изложить в следующей редакции:

«1. Недопущение или непредоставление своевременно защитника, а также другое грубое нарушение права подозреваемого, обвиняемого на защиту, совершённое органами государственной власти и органами местного самоуправления, их должностными лицами, – наказывается штрафом от трёхсот до пятисот необлагаемых минимумов доходов граждан или арестом на срок до шести месяцев, с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до трёх лет».

И дополнить примечанием с определением понятия «другое грубое нарушение права на защиту»:

«Примечание. Под другим грубым нарушением права на защиту понимается влияние на лицо, чтобы оно отказалось от приглашённого или назначенного защитника, препятствование получению защитником доказательств путём невыполнения органами государственной власти и органами местного самоуправления, их должностными лицами законных требований защитника».

Абз. 2 ч. 3 ст. 93 УПК Украины изложить в следующей редакции:

«Инициирование стороной защиты, потерпевшим, представителем юридического лица, в отношении которого осуществляется производство, проведения следственных (розыскных) действий осуществляется путем представления следователю, прокурору соответствующих ходатайств, которые рассматриваются в порядке, предусмотренном ст. 220 этого Кодекса».

Ст. 220 УПК Украины изложить в следующей редакции:

«1. Ходатайство стороны защиты, потерпевшего и его представителя или законного представителя, представителя юридического лица, в отношении которого осуществляется производство, о выполнении каких-либо процессуальных действий следователь, прокурор обязаны рассмотреть в срок не более трёх дней с момента подачи.

2. О проведении следственных (розыскных) действий сообщается лицу, заявившему ходатайство. Выносятся мотивированное постановление, копия которого вручается лицу, которое заявило ходатайство, а в случае невозможности вручения по объективным причинам – направляется ему».

Представляется, что для обеспечения права на защиту в уголовном судопроизводстве требует изменений не только УПК Украины, но и УК Украины, в котором предусмотрена уголовная ответственность за нарушение права на защиту.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кухарук, Ю. А. Отвод защитника от участия в уголовном деле в уголовном процессе Украины : монография / Ю. А. Кухарук. – М. : Центр учебной литературы, 2013. – 148 с.

2. Люлич, В. А. Защитник как субъект сбора доказательств в нормах нового Уголовного процессуального кодекса Украины / В. А. Люлич // Юрид. журн. Нац. акад. внутр. дел. – 2013. – № 2. – С. 201–206.

3. Про практику вирішення слідчими суддями питань, пов'язаних із слідчими (розшуковими) діями [Електронний ресурс] // Вищий спеціалізований суд України з розгляду цивільних і кримінальних справ. – Режим доступу: [http://sc.gov.ua/uploads/tinumse/files/Витяг%20з%20узагальнення%20по%20слідчим%20\(розшуковим\)%20діям.doc](http://sc.gov.ua/uploads/tinumse/files/Витяг%20з%20узагальнення%20по%20слідчим%20(розшуковим)%20діям.doc). – Дата доступу: 03.03.2017.

4. Гумин, А. М. Деятельность защитника в ходе сбора и исследования доказательств в уголовном производстве / А. М. Гумин // Таможенное дело. – 2013. – № 2 (86). – С. 81–87.

5. Сахно, Р. И. «Другое грубое нарушение права на защиту» как форма проявления преступления, предусмотренного ст. 374 Уголовного кодекса Украины / Р. И. Сахно // Журнал гражданского и уголовного судопроизводства. – 2014 – № 2 (17). – С. 75–83.

6. Научно-практический комментарий Уголовного кодекса Украины от 5 апр. 2001 г. / под ред. М. И. Мельника, М. И. Хавронюка. – Киев : Канон, 2001. – 1103 с.

7. Еднак, В. М. Уголовная ответственность за постановление судьёй (судьями) заведомо неправосудного приговора, решения, определения или постановления по корыстным мотивам : автореф. дис. ... канд. юр. наук. : 12.00.08 / В. М. Еднак ; Нац. акад. наук Украины, Ин-т государства и права им. В. М. Корецкого. – Киев, 2015. – 20 с.

УДК 343.2

Я. Е. КРАСТИНА

Гродно, ГрГУ имени Я. Купалы

Научный руководитель: Р. Н. Ключко, кандидат юридических наук, доцент

ИНСТИТУТ ЭКСТРАДИЦИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Стремительный рост преступности в современном мире требует принятия различных мер борьбы с ней. В результате государства вынуждены объединять свои усилия в противодействии преступным проявлениям. Экстрадиция (выдача) выступает одним из важных и эффективных правовых инструментов в борьбе с преступностью на межгосударственном уровне, и исторически прошла значительный путь развития.

Вопросы исторического становления института экстрадиции рассматривали в своих трудах многие ученые: Н. А. Зелинская, Р. М. Валеев, Л. М. Галенская, И. И. Лукашук, Д. П. Никольский, Е. Симсон, М. Ш. Бассиуни, К. Винджер, А. Ширер, А. В. Наумов, В. М. Волженкина, Ф. Ф. Мартенс и др.

Зачатки института выдачи можно найти уже в древнем мире. Традиционно в этой связи рассматривают договор египетского фараона Рамзеса II с царем хеттов Хеттушилем III, заключенный в 1296 г. до н. э., который считается одним из самых древних правовых источников, регламентирующих выдачу: «если кто-либо убежит из Египта и уйдёт в страну хеттов, то царь хеттов не будет его задерживать, и вернет в страну Рамзеса» [1, с. 11]. Интересен тот факт, что уже в этом договоре мы можем наблюдать косвенное закрепление положений о защите прав человека, а именно беглецов, от определённых видов наказания. Так, в приведенном выше договоре содержалась отдельная норма, которая подчёркивала: «да не казнят их (рабов), но не повредят их глаз, ушей, губ и ног» [1, с. 11].

В рабовладельческую эпоху чётко проявилась роль экстрадиции как средства возвращения беглых рабов. Соответствующие договоры существовали в Древней Греции, в Римской империи, между отдельными греческими полисами. Но вместе

с тем, предусматривалась и защита лиц, которые подлежали выдаче. Так, в Афинах храм Тесея давал беглому рабу право требовать судебного разбирательства. Если на суде оказывалось, что хозяин слишком жестоко обращался с рабом, то выдача не применялась, но раба продавали другому хозяину. Храм Дианы был убежищем для беглых рабынь, которые подверглись насилию со стороны своих хозяев. Если суд признавал их правыми, то рабыни не выдавались хозяину, а оставались как служанки [1, с. 12]. Выдача в Древнем Риме имела исключительно политический характер и применялась редко. Отношения выдачи были известны и в Киевской Руси. В частности, князь Олег в 911 г. и князь Игорь в 945 г. заключили договоры с Византией, которые предусматривали взаимную выдачу греков или русских: «русские, совершившие преступление в Византии, должны выдаваться Отечеству, и, наоборот, греки должны выдаваться Византии» [3, с. 32].

В дальнейшем происходит изменение характера и содержания института выдачи. Данные изменения в значительной степени связаны с изменениями института убежища [2]. Выдача в этот период практически была исключением, правилом было предоставление убежища. В течение IX и X вв. сложился окончательно феодальный строй. Ни в одну эпоху развитие права убежища не было так широко распространено, как в это время. Так, например, Клермонтский собор объявил, что не только церкви, но и кресты, которые стоят у дороги, представляют собой убежище. Люди, которые укрылись под такими крестами, выдавались в руки правосудия, но при условии, что им будет сохранена жизнь и неприкосновенность тела [2]. Во времена Средневековья встречаются уже не только единичные случаи выдачи преступников, но и появляется договорная практика. Так, например, в 1174 г. был заключен договор между английским королем Генрихом II и шотландским королем Вильгельмом, в соответствии с которым стороны обязались выдавать друг другу политических преступников [2]. Становлению выдачи как правового института главным образом способствовала международная деятельность Франции, благодаря которой были наработаны фундаментальные принципы современного института экстрадиции. С закреплением права на убежище в Конституции Франции 1793 г. выдача приобретала характер взаимной правовой помощи государств в борьбе с преступностью. В XVIII в. формируются специальные международно-правовые нормы о выдаче правонарушителей, содержащиеся в трактатах политического характера – о дружбе или союзе.

В XIX в. принимаются многосторонние договоры о выдаче, наибольшее количество из которых было заключено на американском континенте. Так, в начале XIX в. подписано одно из первых многосторонних соглашений об экстрадиции – Амьенский договор (1802 г.) [2]. В 1889 г. в Монтевидео была принята Конвенция по международному уголовному праву, ст. 19-43 которой регламентировали вопросы выдачи. В данный период было положено начало созданию национального законодательства об экстрадиции. Так, в 1833 г. Бельгия приняла первый в мире закон об экстрадиции. Аналогичные законы принимались в США (1848 г.), Англии (1870 г.), Голландии (1875 г.), Аргентине (1885 г.), Швейцарии (1892 г.), Мексике (1897 г.) и др. государствах. Особо следует отметить Закон Российской Империи от 1911 г. «О выдаче преступников по требованию иностранных государств» [2; 3].

В XX в. государства продолжают активное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью. Институт экстрадиции при этом играет роль эффективного средства такого сотрудничества. Так, в 1902 г. в Мехико принята Конвенция о выдаче, которую подписало 17 государств. В 1907 г. Конвенцию о выдаче заключают Коста-Рика,

Гватемала, Гондурас, Никарагуа и Сальвадор, в 1911 г. – Эквадор, Перу, Колумбия, Боливия и Венесуэла. В 1933 г. в Монтевидео была принята Межамериканская конвенция о выдаче. В 1952 г. Лига Арабских государств приняла Конвенцию о выдаче. В 1957 г. была подписана Европейская конвенция о выдаче, в 1962 г. – Конвенция государств Бенилюкса, Скандинавский договор о выдаче. В 1990 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Типовой договор о выдаче. Значимую роль для института выдачи сыграло принятие в 1998 г. Римского статута Международного уголовного суда, включающего в себя ч. 9 «Международное сотрудничество и судебная помощь».

В результате анализа исторического развития практики экстрадиции, изучения различных источников и документов, начиная с древности, можно сделать вывод, что институт выдачи претерпел концептуальные изменения, но, вместе с тем, не потерял своей значимости. Общей тенденцией развития института экстрадиции является его гуманизация. Важно подчеркнуть, что в начале XXI в. институт экстрадиции продолжает развиваться. Государства принимают новые законы о выдаче, заключают международные договоры, увеличивается судебная практика. И в дальнейшем важным является поддержание баланса между целями борьбы с преступностью и интересами выдаваемого лица.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валеев, Р. М. Выдача преступников в современном международном праве / Р. М. Валеев. – Казань, 1996. – 230 с.
2. Нагдалиев, Х. З. Современные особенности регулирования экстрадиции в международном праве [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Х. З. Нагдалиев. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/pravo-evropy/sovremennye-osobennosti-regulirovaniya-jekstradicii-v-mezhdunarodnom-prave.html> – Дата доступа: 12.01.2017.
3. Родионов, К. С. Из истории экстрадиции в России / К. С. Родионов // Евразийский юрид. журн. – 2013. – № 3 (58) – С. 23–32.

УДК 343.146

И. А. КРИЦКАЯ

Харьков, НЮУ Ярослава Мудрого

Научный руководитель: А. Р. Туманянц, кандидат юридических наук, доцент

ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЯ «ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА» В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ УКРАИНЫ И НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: СРАВНИТЕЛЬНО- ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Процессы интеграции Украины в европейское правовое пространство способствуют повышению научного интереса к законодательным положениям других государств, а также обуславливают необходимость использования сравнительно-правового метода для более полного исследования проблем отечественного законодательства. Это касается, в том числе, и вопросов доказывания, поскольку работа с доказательствами пронизывает всю деятельность правоохранительных органов, направленную на установление обстоятельств совершённого преступления. Предметом нашего научного интереса в рамках данной работы будут вещественные доказательства.

Сопоставление законодательных дефиниций понятия «вещественные доказательства» даёт возможность выделить определённые их особенности. Прежде всего, отметим, что вещественные доказательства определяются как:

- *материальные объекты* (уголовный процессуальный кодекс (далее – УПК) Украины [1], Грузии [2], Литовской Республики [3]). Причем в Уголовно-процессуальном кодексе Грузии понятие «объект» используется для обобщения других: «<...> предметы, документы, вещества и другие объекты», а в УПК Литовской Республики закрепляется дефиниция понятия «предметы, имеющие значение для рассмотрения и расследования дела с преступления», а не «вещественные доказательства». Само же понятие «вещественные доказательства» используется в следующих статьях без раскрытия его содержания;

- *предметы* (УПК Республики Беларусь [4], УПК Республики Молдовы [5] и Республики Казахстан [6]);

- *вещь* (УПК Латвийской Республики [7]).

Представляется, что наиболее ёмким и широким является понятие «объект», которым охватываются, в том числе, и объекты биологического происхождения, газообразные вещества, магнитные поля, энергия, излучение и т. д., которые могут быть орудиями совершения преступления или объектом преступных посягательств и обычно не ассоциируются с предметом как нечто, имеющее устойчивые пространственные свойства.

Что касается самой дефиниции понятия «вещественные доказательства», закреплённой в кодексах стран постсоветского пространства, то наиболее распространённым является казуистический способ определения путём перечисления групп объектов, которые могут быть вещественными доказательствами. К таким группам традиционно относятся:

- орудия совершения преступления (уголовного правонарушения, преступного деяния). В то же время, в УПК Республики Беларусь и Литовской Республики, кроме орудий, называются также средства совершения преступления;

- объекты (предметы), которые сохранили на себе следы преступления;

- объекты преступных действий (общественно опасного посягательства);

- деньги и ценности, причем только в УПК Украины и Республики Беларусь имеется уточнение относительно их получения уголовно противоправным путем;

- другие предметы (предметы и документы), которые могут быть средством раскрытия преступления и выявления виновных или опровержения обвинения или смягчения ответственности или любым другим способом содержат сведения о фактах и используются в доказывании.

Отметим, что в Уголовно-процессуальном законе Латвийской Республики в дефиниции понятия «вещественные доказательства», закреплённой в ст. 134, речь идёт лишь об орудиях совершения преступления, объектах, сохранивших на себе его следы, и других предметах, которые любым другим способом используются в доказывании.

Определение понятия «вещественные доказательства» в Уголовно-процессуальном кодексе Грузии имеет существенные отличия: во-первых, дефиниция закреплена не в разделе, посвящённом вопросам доказательств и доказывания, а в общих положениях, в частности, в ст. 3, где разъясняются основные термины; во-вторых, само определение понятия «вещественные доказательства» носит теоретический, а не казуистический характер. А именно: вещественными доказательствами признаются предметы, документы, вещества и другие объекты, которые по своему происхождению, месту и времени обнаружения, свойствам,

признакам, следам, оставшимся на них, связаны с фактическими обстоятельствами уголовного дела и могут быть использованы для обнаружения преступления, установления виновного лица или опровержения или подтверждения обвинения. Таким образом, эта дефиниция сформулирована путём указания на два признака вещественных доказательств:

- характер связи с событием уголовного преступления;
- принадлежность (значение для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания).

Проанализировав нормативные положения УПК постсоветских стран в рамках выбранной проблематики, выясним, как этот вопрос решается в западноевропейских государствах. Одним из общих принципов французского доказательного права является принцип свободы доказательств (*liberté de la preuve*), сформулированный в ч. 1 ст. 427 УПК Франции, в которой идет речь о том, что наличие преступления может быть установлено любым видом доказательств, за исключением предусмотренных законом случаев. Уголовно-процессуальный закон не содержит исчерпывающего перечня видов доказательств, которые могут быть использованы в доказывании. Кроме того, в уголовном процессуальном законодательстве Франции нет отдельной дефиниции понятия «вещественные доказательства». Это словосочетание встречается в отдельных статьях (например, в ст. 181 говорится о том, что материалы дела и описание вещественных доказательств должны быть немедленно переданы генеральному прокурору при апелляционном суде по распоряжению следственного судьи), но его определение законодательно не закреплено.

В то же время, в доктрине французского уголовного процесса принято выделять в качестве вещественных доказательств улики (*indices*) и материальные констатации (*constatations matérielles*) [9, с. 318–319]. Этот источник доказательств является, по сути, собирательным понятием, к тому же французский законодатель не проводит чёткого разграничения между уликами и материальными констатациями. В частности, к ним относятся: результаты осмотра места происшествия, освидетельствования различных участников уголовного процесса, изъятые во время обыска и выемки предметы, образцы для сравнительного исследования, следы преступления, отпечатки пальцев и др. В некоторых случаях «улики и материальные констатации» могут быть непосредственно исследованы судебной полицией, следственным судьей или судом, а в других – требуется их «интерпретация» экспертом [10, с. 112].

Несколько иной подход к решению данного вопроса закреплён в уголовно-процессуальном законодательстве Германии. Под вещественными доказательствами в немецком уголовном процессе понимаются объекты осмотра и документы. Объектами осмотра могут быть любые вещи, а также живые лица, трупы. Осмотр может проводиться с помощью любого органа чувств: зрения (осмотр места происшествия, местоположения трупа, раны, отпечатков пальцев, следов ног); слуха (шум музыкальной аппаратуры, дискотек, которые нарушают покой), обоняния (запах испорченных продуктов питания), осязания (заточенность лезвия ножа) [10, с. 104].

Таким образом, на основании проведенного анализа можно прийти к выводу, что для УПК большинства постсоветских стран (кроме Грузии) при формулировании дефиниции понятия «вещественные доказательства» традиционным остаётся использование казуистического подхода путём перечисления наиболее распространённых групп. Это, прежде всего, ориентирует практических работников

и помогает им в поиске и выявлении материальных объектов, которые могут иметь значение вещественных доказательств. В то же время, в уголовном процессуальном законодательстве западноевропейских стран преимущественно отсутствует определение вещественных доказательств, что, прежде всего, объясняется действием принципа свободы доказательств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кримінальний процесуальний кодекс України [Електронний ресурс] : затвердж. Законом України від 13.04.2012, № 4651-VI : в ред. від 10.04.2015 г. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/4651-17/paran1137#n1137>. – Дата доступу: 03.03.2017.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Грузии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.org.ua/files/Criminal%20justice/_-09_10_2009.pdf. – Дата доступа: 03.03.2017.
3. Про ухвалення, затвердження та набуття чинності Кримінально-процесуального кодексу Литовської Республіки [Електронний ресурс] : Закон Литовської Респ. від 14.03.2002 р., № I-785. – Режим доступу: http://pravo.org.ua/files/_%282%29.pdf. – Дата доступу: 03.03.2017.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г., одобрен Советом Республики 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.04.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс] : 14 марта 2003 г., № 122-XV : в ред. от 29.05.2014 г. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729&doc_id2=30397729#pos=30;-15&sub_id2=1020000&sel_link=1001129174. – Дата доступа: 03.03.2017.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 4 июня 2014 г., № 231-V : в ред. от 07.11.2014 г. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852#sub_id=2210400. – Дата доступа: 03.03.2017.
7. Уголовно-процессуальный закон Латвии от 21.04.2005 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.lv/likumi/29_upz.html. – Дата доступа: 03.03.2017.
8. Гуценко, К. Ф. Уголовный процесс западных государств : учеб. пособие / К. Ф. Гуценко, Л. В. Головкин, Б. А. Филимонов. – 2-е изд., доп. и испр. – М. : Зерцало-М, 2002. – 528 с.
9. Молдован, А. В. Кримінальний процес: Україна, ФРН, Франція, Англія, США : навч. посібник / А. В. Молдован. – 2-ге вид. – Київ : Центр учбової літератури, 2010. – 352 с.

УДК 343.242

С. В. КУЗЬМЕНКОВА

Минск, Академия МВД Республики Беларусь

Научный руководитель: В. М. Хомич, доктор юридических наук, профессор

ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ АРЕСТА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЁННЫХ

Политика государства в отношении несовершеннолетних всегда отличалась особым подходом, связанным с заботой о ребёнке и защитой детства. Закон «О правах ребёнка», как и Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь), определяют его как физическое лицо, не достигшее 18-летнего возраста [1].

Данное определение соответствует международно-правовой трактовке ребёнка. В ст. 1 Конвенции ООН «О правах ребёнка» указано, что ребёнком является каждое человеческое существо до достижения им 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребёнку, он не достигает совершеннолетия ранее.

По сути, данный акт отождествляет понятия ребёнка и несовершеннолетнего. Несовершеннолетние – это ещё не сформировавшиеся в полной степени молодые юноши и девушки, которым могут быть присущи ошибки в поведении. Формирование личности несовершеннолетнего находится ещё в стадии становления, развития, они более взрослых подвержены влиянию со стороны старших по возрасту, пытаются подчас подражать им своими действиями и поведением. Известно, что несовершеннолетние обладают определёнными психологическими особенностями, выражающимися в некоторой неустойчивости сознания. Весьма заметное влияние на поведение несовершеннолетних оказывают такие факторы, как эмоциональность и неуравновешенность процессов возбуждения и торможения, доверчивость, повышенная внушаемость и склонность к подражанию, стремление к самоутверждению и недостаточность жизненного опыта, незавершённость развития системы навыков социального поведения и, как следствие этого, – «ситуативность» многих совершаемых поступков.

В современный период времени наиболее актуальной и важной задачей, стоящей перед государством, правоохранительными органами и органами образования, является профилактика правонарушений среди несовершеннолетних, а также воспитание подростка в духе законопослушного гражданина. Подрастающее поколение в современном мире является не столько объектом воспитания, образования и социализации, сколько активным субъектом социального воспроизводства, инновационным потенциалом общества, существенным гарантом его развития.

Полагается, что именно уголовное наказание является важным средством борьбы с преступностью, в том числе с преступностью несовершеннолетних, о чём свидетельствуют его цели: социальная справедливость; исправление осуждённых; предупреждение совершения новых преступлений. Очевидно, что подобная цель может быть достигнута через: применение эффективного средства устрашения других лиц, способных совершить аналогичное преступление; изоляцию лиц с уголовным прошлым; содействие в реализации исправительных программ, в достижении добровольного сотрудничества и участия в них преступников.

Руководствуясь ст. 114 УК Республики Беларусь, суд может назначить лицу, совершившему преступление в возрасте до восемнадцати лет, наказание в виде ареста

на срок от одного до двух месяцев. Снижение верхнего предела ареста в отношении несовершеннолетних обосновывается проявлением гуманизма Уголовного закона.

Отметим, что чем дольше несовершеннолетний находится в криминальной среде, тем больше он теряет социальные связи, тем труднее потом его ресоциализация по отбытию наказания.

По мнению А. М. Ибрагимовой, «арест является средством моральной встряски правонарушителя, особенно если он осуждается впервые» [2, с. 10].

Таким образом, арест в отношении несовершеннолетних на срок в два месяца – это оптимальный период строгой изоляции от общества данной категории осуждённых, сознание которых, еще не получило устойчивой антисоциальной направленности и может обеспечить достижение целей уголовного наказания. В то же время назначение ареста более чем на два месяца будет являться неоправданным с позиции достижения целей уголовного наказания.

Несовершеннолетние, осуждённые к наказанию в виде ареста, ограничиваются в свободе передвижения, выборе занятий. Местом их пребывания становится арестный дом, расположенный в районе, наиболее приближенном к постоянному месту жительства осуждённого, что, в свою очередь, минимизирует разрыв социальных связей между осуждённым и его ближайшим окружением.

Наказание в виде ареста по своей юридической природе является наказанием, близким к лишению свободы, и, по сути, сугубо карательно-воспитательной мерой. Предупредительное (можно сказать, «шоковое») воздействие в рамках рассматриваемого наказания оказывает, прежде всего, неотвратимость изоляции на определённое, пусть даже и непродолжительное время. При избрании в отношении несовершеннолетнего наказания в виде ареста необходимо учитывать особенности данного наказания в отношении несовершеннолетних.

Нахождение в местах лишения свободы не может не отразиться на психологии человека. Отбывая краткосрочное наказание в виде ареста, несовершеннолетние оказываются в непривычных, дискомфортных условиях. В этом возрасте, во-первых, сказываются внутренние трудности переходного возраста, во-вторых, неопределённость социального положения, в-третьих, противоречия, обусловленные перестройкой механизмов социального контроля.

Повседневное поведение несовершеннолетних, отбывающих наказание в виде ареста, отличается повышенной внушаемостью, инфантильностью, конформизмом. Знание особенностей психологии несовершеннолетних, отбывающих наказание в виде ареста, является необходимой предпосылкой развития взаимоотношений с ними для достижения целей перевоспитания. Воздействие на данную категорию осуждённых без учёта их индивидуальных социально-психологических особенностей порождает конфликтные ситуации, усиливает отрицательное влияние криминогенных факторов.

Вместе с тем, изучение несовершеннолетних, осуждённых к наказанию в виде ареста на современном этапе, нельзя признать ни глубоким, ни всесторонним, в основном преобладают социально-демографические описания. Попытки исследования внутренних, сущностных характеристик осуждённых очень редки, недостаточны знания об их поведении в арестных домах.

Воспитательное воздействие на осуждённых, отбывающих наказание в виде ареста, должно быть направлено на коррекцию нравственных дефектов, именно это позволит личности задумываться о совершённом преступлении, о вреде, который был причинён другой личности, собственности и обществу в целом.

В связи с этим следует обратиться к пенитенциарной системе западных стран. Например, для достижения цели исполнения наказания и подготовки несовершеннолетнего к социально ответственной жизни на свободе без преступлений в исправительных учреждениях Федеративной Республики Германии активно используются методы психотерапевтического воздействия. Совместно с психологами социальные работники с помощью различных методов психологической и социально-психологической диагностики изучают личность осуждённых, поступающих в учреждения. Также в исправительных учреждениях интенсивно применяются методы социальной терапии. Наряду с психоаналитическими подходами столь же активно используются методы разговорной психотерапии, поведенческой терапии, методы группового консультирования и т. д.

При проведении групповой работы с осуждёнными исходят из того, что индивиды думают, чувствуют и реагируют по-другому, когда они объединены в группу, способную оказывать влияние. Главное – создать группы, которые могут положительно влиять на осуждённых и содействовать их исправлению. Одной из форм групповой психотерапии является коллективная беседа. Для её проведения осуждённые объединяются в группы до десяти человек, однородные по интеллектуальному уровню участников. Еженедельно в каждой группе проходит диспут на тему, интересующую осуждённых. Руководитель группы (служащий, обладающий достаточными знаниями по психологии, психиатрии и социологии) должен стимулировать активность участников дискуссии, не высказывать категорических суждений, так как это может помешать осуждённым свободно обмениваться мнениями.

Главная цель групповых бесед – помочь осуждённым приспособиться к условиям жизни в местах лишения свободы, повысить у них чувство ответственности, развить рассудительность, сделать более восприимчивыми к другим методам воздействия, применяемым в учреждении.

Учитывая долгий опыт пенитенциарных учреждений западных стран, целесообразно выделить для администрации арестного дома следующие особенности работы не только с несовершеннолетними, но и с другими категориями осуждённых: на осуждённых к аресту необходимо оказывать интенсивное воспитательное воздействие, которое в дальнейшем будет способствовать их законопослушному образу жизни, сознавая свою ответственность перед обществом; при организации работы с осуждёнными, отбывающими наказание в виде ареста, особое внимание необходимо уделять дисциплине, социально-полезным видам деятельности, а также групповой психотерапии, то есть беседам с группами осуждённых по тем или иным актуальным для них вопросам, которые проводят лица, имеющие специальную подготовку. С помощью подобных бесед прогнозируется улучшение климата в арестном доме, сглаживание конфликтов между администрацией и осуждёнными.

Анализируя вышеизложенное, полагается, что целесообразно закрепить на законодательном уровне следующее: требуются жёсткий контроль за поведением несовершеннолетнего и интенсивная психотерапия; наказание будет способствовать осознанию вины и повышению чувства ответственности за свои поступки, в связи с этим вся работа с несовершеннолетними осуждёнными к аресту должна строиться на принципах так называемой групповой терапии. Сотрудник учреждения (социальный работник либо социальный педагог), несколько раз в неделю (3 и более) проводит групповые беседы с осуждёнными, в процессе которых обсуждаются те или иные проблемы жизни на свободе, разбираются те затруднения, с которыми сталкиваются

осуждённые в учреждении или за его пределами, совместно в тренинговых занятиях пытаются решить возникающие проблемы.

Следует отметить, что в настоящее время арест в отношении несовершеннолетних применяется недостаточно широко, что обусловлено особенностями данного наказания, которые связаны со строгой изоляцией осуждённого от общества, что производит сильное впечатление на несовершеннолетнего, причем не всегда положительное.

Полагается, что арест является наказанием, которое за короткий период времени способно показать несовершеннолетнему, что такое изоляция от общества. Несовершеннолетние, только оказавшись в условиях строгой изоляции, смогут осознать, что означает для них свобода. Становится очевидным, что профилактическая значимость наказания в виде ареста достаточно высока, особенно в отношении несовершеннолетних правонарушителей, которые отличаются определенной гибкостью сознания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О президентской программе «Дети Беларуси» на 2006–2010 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 15 мая 2006 г., № 318: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 09.09.2009 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Ибрагимов, А. М. Применение ареста в отношении несовершеннолетних / А. М. Ибрагимов // Рос. следователь. – 2005. – № 4. – С. 10–11.

УДК 343

О. В. ЛАЗУКОВА

Харьков, НЮУ имени Ярослава Мудрого

Научный руководитель: О. В. Каплина, доктор юридических наук, профессор

ВОССТАНОВЛЕНИЕ УТРАЧЕННЫХ МАТЕРИАЛОВ ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Институт восстановления утраченных уголовных производств прошел долгий путь своего развития: от квалифицированного молчания законодателя в нормативно-правовых актах и до признания его одним из актуальных институтов современного уголовного процессуального права Украины.

Утрата материалов уголовного производства действительно создает серьёзные препятствия как для возможности реализации прав и законных интересов участников уголовного процесса, так и для проведения быстрого, полного досудебного расследования. В некоторых случаях утрата материалов уголовного производства в целом делает невозможным привлечение к уголовной ответственности виновных в совершении преступления, достижение задач уголовного процесса. В то же время, проблемы восстановления таких материалов считаются «деликатными», «неудобными», и в этой связи, латентными и широко не афишируемыми [1, с. 705].

Сегодня указанная проблема приобрела для Украины особую актуальность в связи с проведением антитеррористической операции на Востоке Украины, массовыми беспорядками, имевшими место весной 2014 г., в ходе которых

происходили захваты отделений милиции, прокуратур, уничтожения материалов уголовных производств. Однако трудности, с которыми столкнулись правоприменители, состоят в том, что в уголовном процессуальном законодательстве отсутствует надлежащая процедура восстановления утраченных материалов уголовных производств.

В настоящее время порядок «реконструкции» утраченных материалов регулируется разд. VII Уголовного процессуального кодекса Украины (далее – УПК Украины) «Восстановление утраченных материалов уголовного производства». При этом возможность восстановления утраченных материалов предусмотрена лишь в том уголовном производстве, которое завершилось вынесением приговора. Такое нормативное условие неоправданно сужает границы восстановительного производства. Анализ правоприменительной практики подтверждает предположение, что указанная нормативно-правовая регламентация не отвечает реалиям современности и нуждается в совершенствовании.

В связи с этим, должностными лицами отдельных региональных прокуратур предпринимались попытки регламентации порядка восстановления утраченных материалов досудебного расследования на уровне методических указаний. Например, в 2015 г. организационно-методическим отделом следственного управления прокуратуры Луганской области были разработаны методические рекомендации под названием «Особенный режим досудебного расследования в районе проведения антитеррористической операции», один из пунктов которых был посвящён созданию механизма восстановления утраченных материалов [2].

Кроме этого, попытки урегулировать отдельные вопросы восстановления утраченных материалов досудебного расследования были предприняты в приказе Министерства внутренних дел Украины от 14 апреля 2016 г., № 296 «Об утверждении Инструкции организации учёта и движения уголовных производств в органах досудебного расследования Национальной полиции Украины [3].

В п. 10 разд. VII Инструкции предусмотрен механизм восстановления утраченных или уничтоженных уголовных производств. В частности, для восстановления уголовных производств необходимо использовать информацию из Единого реестра досудебных расследований (который в Украине ведётся в электронном режиме), журналов-реестров уголовных производств, журналов входящей и исходящей корреспонденции подразделений документального обеспечения, режимных секретных подразделений, контрольно-надзорных дел уголовных производств (в том числе их электронных вариантов) и надзорных производств органов прокуратуры (с их согласия). Также, вышеуказанной Инструкцией предусматриваются особенности процедуры восстановления уголовных производств, которые были утеряны или уничтожены на территории временно оккупированной Автономной Республики Крым и в районе проведения антитеррористической операции.

Необходимо отметить, что в настоящее время в Верховной Раде Украины зарегистрировано 3 законопроекта, направленных на усовершенствование положений УПК Украины относительно порядка восстановления утраченных материалов досудебного расследования [4; 5; 6]. При этом анализ вышеуказанных законопроектов позволяет утверждать о фрагментарном подходе законодателя к разрешению проблемы.

Принимая во внимание указанные обстоятельства, а также учитывая насущную необходимость в усовершенствовании регулирования процедуры восстановления утраченных материалов, считаем необходимым дополнить УПК Украины положениями, которые регулировали бы процедуру восстановительного

производства утраченных материалов на стадии досудебного расследования. По нашему мнению, логичным является комплексное закрепление такой процедуры в разд. VII УПК Украины.

При разработке соответствующих норм права необходимо обратить внимание на позитивный опыт регламентации исследуемого вопроса в других странах. В частности, процедура восстановления утраченных материалов уголовного производства на стадии досудебного расследования предусмотрена в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (ст. 165-1), Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан (ст. 293), Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (ст. 158-1).

При разработке норм рассматриваемого института несомненный теоретический интерес представляет также история регламентации реконструкции утраченных материалов. В связи с этим, значительную историческую ценность представляет Циркуляр Народного комиссариата юстиции РСФСР от 6 января 1925 г. «О порядке восстановления утраченных, уничтоженных или похищенных производств по судебным делам» № 9 [7] и Приказ Народного комиссара юстиции СССР и Прокурора СССР № 35/175 от 23 мая 1942 г. «О порядке восстановления уголовных и гражданских дел, по которым производство утрачено в связи с обстоятельствами военного времени» [8].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кримінальний процес : підручник / Ю. М. Грошевий [та ін.] ; за ред. В. Я. Тація, Ю. М. Грошевого, О. В. Капліної, О. Г. Шило. – Харків : Право. – 2013. – 824 с.
2. Бершинський, Є. В. Особливий режим досудового розслідування у районі проведення антитерористичної операції: метод. рекомендації / Є. В. Бершинський; організаційно-методичний відділ слідчого управління прокуратури Луганської області, Северодонецьк, 2015. – 34 с.
3. Інструкція з організації обліку та руху кримінальних проваджень в органах досудового розслідування Національної поліції України : затвердж. наказом М-ва внутр. справ України від 14.04.2016, № 296 // Офіційний вісник України. – 2016. – № 52. – С. 45.
4. Проект Закону України «Про внесення змін до Кримінального процесуального кодексу України» (щодо додержання конституційних прав учасників кримінального провадження та інших громадян в частині збирання та фіксації доказів, процесу доказування та проведення слідчих (розшукових), негласних (розшукових) дій) [Електроний ресурс] : 15.05.2015, № 2872. – Режим доступу: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=55155. – Дата доступу: 03.03.2017.
5. Про внесення змін до Закону України «Про забезпечення прав та свобод громадян та правовий режим на тимчасово окупованій території України» щодо механізму відновлення втрачених матеріалів справи [Електроний ресурс] : 19.10.2015, № 3343. – Режим доступу: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=56850. – Дата доступу: 03.03.2017.
6. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо посилення захисту прав людини у кримінальному судочинстві [Електроний ресурс] : 21.05.2015, № 2930. – Режим доступу: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=55285. – Дата доступу: 03.03.2017.
7. Инструкция о порядке восстановления утерянных, уничтоженных или похищенных производств по судебным делам // Сборник циркуляров Наркомюста РСФСР за 1922–1925 гг. ; сост.: А. В. Егоров, В. Ж. Фридберг, С. С. Аскарханов. – М. : Юрид. изд-во Наркомюста РСФСР, 1926. – С. 146-148.

8. О порядке восстановления уголовных и гражданских дел, по которым производство утрачено в связи с обстоятельствами военного времени : приказ Народного комиссара юстиции СССР и Прокурора СССР, 23 мая 1942 г., № 35/175 // Законодательные и административно-правовые акты военного времени с 22 марта 1942 г. по 1 мая 1943 г. – М. : Юриздат НКЮ СССР, 1943. – С. 249-250.

УДК 343.2/.7

А. А. ЛУЦЕВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Д. С. Береговцова, кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Нарушение правил пожарной безопасности следует квалифицировать по ст. 304 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь), которая содержит 3 пункта:

1. Нарушение правил пожарной безопасности лицом, ответственным за их выполнение, повлекшее возникновение пожара, совершённое в течение года после наложения административного взыскания за нарушение правил пожарной безопасности, –

наказывается штрафом, или исправительными работами на срок до одного года, или арестом с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью или без лишения.

2. Нарушение правил пожарной безопасности лицом, ответственным за их выполнение, повлекшее по неосторожности возникновение пожара, причинившего тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение либо ущерб в крупном размере, –

наказывается исправительными работами на срок до двух лет, или арестом, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью или без лишения.

3. Деяние, предусмотренное частью 2 настоящей статьи, повлекшее по неосторожности смерть человека либо причинение тяжкого телесного повреждения двум или более лицам, –

наказывается лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью или без лишения [1, ст. 304].

Умышленные действия, направленные на причинение материального ущерба либо физического вреда человеку, в зависимости от мотивов содеянного необходимо квалифицировать как соответствующие преступления, например, против жизни и здоровья человека (стст. 139, 147 УК Республики Беларусь), собственности (ст. 218 УК Республики Беларусь), общественной безопасности (ст. 289 УК Республики Беларусь) либо государства (ст. 360 УК Республики Беларусь). При нарушении правил пожарной безопасности лицом, на которое такая обязанность не возлагалась, содеянное в зависимости от должностного или служебного положения виновного, характера и тяжести наступивших последствий может квалифицироваться по статьям Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающим ответственность за преступление против интересов службы (ст. 428 УК Республики Беларусь), либо неосторожные

преступления против жизни и здоровья человека (стст. 144, 155 УК Республики Беларусь), либо против собственности (ст. 219 УК Республики Беларусь). Если причиной возникновения пожара, повлекшего опасные последствия, явилось нарушение правил безопасности на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах либо нарушение правил обращения с огнестрельным оружием, взрывоопасными, легковоспламеняющимися, едкими веществами или пиротехническими изделиями, иными веществами и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих, содеянное полностью охватывается составами преступлений, предусмотренных стст. 299, 302, 463 Уголовного кодекса, и согласно п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2005 г. № 8 «О судебной практике по делам о нарушении правил безопасности при производстве работ, правил охраны труда и пожарной безопасности» дополнительной квалификации по ст. 304 УК Республики Беларусь не требует [2].

В соответствии с ч. 3 ст. 304 УК Республики Беларусь более строгая ответственность устанавливается за деяние, предусмотренное ч. 2 данной статьи, повлекшее по неосторожности смерть человека либо причинение тяжкого телесного повреждения двум или более лицам (т. е. явившееся общим результатом одного и того же несчастного случая, произошедшего вследствие возникновения пожара).

Согласно СТБ 11.0.02-95 «Пожарная безопасность. Общие требования и определения» жертва пожара – погибший человек, смерть которого является прямым следствием пожара [3]. Если в результате нарушений правил пожарной безопасности наступили последствия, предусмотренные разными частями ст. 304, то вменяются в вину все последствия, но содеянное квалифицируется по той части статьи, в которой указаны более тяжкие последствия.

Уничтожение либо повреждение леса в результате неосторожного обращения с огнем, повлекшее причинение ущерба в особо крупном размере (т. е. на сумму, в 250 и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления), влечёт ответственность по ст. 276 УК Республики Беларусь [2].

Общественная опасность преступлений, связанных с нарушениями правил производственно-технической дисциплины, правил безопасности при производстве определённого вида работ, правил охраны труда и пожарной безопасности, состоит в создании реальной угрозы жизни или здоровью человека, в наступлении существенного материального ущерба или иных тяжких последствий. Поэтому рассмотрение дел о таких преступлениях в строгом соответствии с законом должно способствовать предотвращению аварий и производственного травматизма, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины, обеспечению порядка и организованности при выполнении работ.

Основанием ответственности по стст. 302–306 УК Республики Беларусь является наступление общественно опасных последствий, указанных в диспозициях этих статей. В то же время условием наступления ответственности по ч. 1 ст. 302 УК Республики Беларусь по признаку угрозы взрыва является такое нарушение правил производственно-технической дисциплины, правил безопасности на взрывоопасных предприятиях, во взрывоопасных цехах либо правил безопасности проведения взрывоопасных работ, которое создавало реальную угрозу взрыва, но указанное последствие не наступило лишь благодаря стечению обстоятельств либо в результате своевременно принятых мер по предотвращению взрыва.

С учетом бланкетного характера диспозиций стст. 302–306 УК Республики Беларусь в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и в приговоре должно содержаться указание о том, требования каких норм соответствующих нормативных правовых актов (правил, положений, инструкций, государственных стандартов, строительных норм и правил и т. п.), содержащих правила безопасности или охраны труда, были нарушены виновным и в чём конкретно выразились нарушения.

По делам данной категории необходимо всесторонне исследовать вопрос о причинной связи между допущенными нарушениями и наступившими последствиями. При неустановлении непосредственной причинной связи уголовная ответственность лица, допустившего нарушения, исключается [2].

Преступления, предусмотренные стст. 302–306 УК Республики Беларусь, относятся к преступлениям, совершаемым по неосторожности, поскольку субъективную сторону этих противоправных деяний определяет неосторожное отношение виновного к возможности наступления общественно опасных последствий. Если наступление преступного результата охватывалось умыслом виновного, содеянное подлежит квалификации по статьям УК Республики Беларусь, предусматривающим ответственность за умышленные преступления.

Преступление, предусмотренное ст. 304 УК Республики Беларусь, может быть совершено лицами, ответственными за выполнение правил пожарной безопасности. К ним относятся должностные лица (руководители организаций независимо от форм собственности или их структурных подразделений), другие работники, на которых действующими правилами (инструкциями) или специальным распоряжением возложена обязанность обеспечивать соблюдение правил пожарной безопасности на определённом участке работы (прорабы, мастера) или выполнять их (электросварщики, кладовщики), а также граждане, которые в силу возлагаемой Законом Республики Беларусь от 15 июня 1993 г. «О пожарной безопасности» и иными нормативными правовыми актами ответственности за нарушение требований пожарной безопасности должны соблюдать данные правила (квартиросъёмщики, собственники жилых домов, дач и иных строений).

При рассмотрении дел о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 304 УК Республики Беларусь, содержащей административную преюдицию, судам необходимо проверять законность привлечения лица к административной ответственности. При этом следует учитывать, что ответственность по ч. 1 ст. 304 УК Республики Беларусь наступает лишь тогда, когда повторное нарушение правил пожарной безопасности, повлекшее возникновение пожара, не повлекло последствий, указанных в чч. 2 и 3 ст. 304 УК Республики Беларусь, и совершено виновным лицом в течение года после наложения на него административного взыскания за любые нарушения правил пожарной безопасности, которые ранее могли быть и не связаны с возникновением пожара.

Для привлечения лица к уголовной ответственности по чч. 2 и 3 ст. 304 УК Республики Беларусь наличия административной преюдиции не требуется.

Необходимо ограничивать преступление, предусмотренное ст. 304 УК Республики Беларусь, от преступлений, связанных с уничтожением либо повреждением имущества, леса или торфяников по неосторожности в результате пожара. В случае несоблюдения общепринятых мер предосторожности, в том числе и при обращении с огнём, не связанного с нарушением правил пожарной безопасности, повлекшего уничтожение либо повреждение имущества, леса или торфяников,

ответственность должна наступать соответственно по стст. 219, 276 или ст. 270 УК Республики Беларусь, а не по ст. 304 УК Республики Беларусь.

В случае нарушения правил пожарной безопасности при производстве горных или строительных работ ответственность должна наступать по ст. 304 УК Республики Беларусь.

Если причиной возникновения пожара, создавшего реальную угрозу взрыва или повлекшего взрыв, явилось нарушение специальных правил безопасности на взрывоопасных предприятиях (в цехах) или правил безопасности взрывоопасных работ, содеянное подлежит квалификации лишь по ст. 302 УК Республики Беларусь и дополнительной квалификации по ст. 304 УК Республики Беларусь не требуется.

Решая вопрос о возмещении вреда, причинённого жизни, здоровью или имуществу, по делам данной категории, судам надлежит учитывать право потерпевшего на получение страхового возмещения (страхового обеспечения) по договорам имущественного страхования или страхования ответственности. В уголовном процессе могут быть разрешены требования потерпевшего лишь о взыскании разницы между страховым возмещением и фактическим размером ущерба.

Если действия виновного, повлекшие наступление последствий, предусмотренных стст. 302–306 УК Республики Беларусь, были связаны с выполнением им трудовых (служебных, должностных) обязанностей, то имущественный и моральный вред подлежит взысканию с лица, которое несёт ответственность за вред, причинённый его работником (ст. 937 Гражданского кодекса Республики Беларусь). В иных случаях обязанность по возмещению вреда возлагается на лицо, совершившее преступление (ч. 3 ст. 44 УК Республики Беларусь) [1; 4].

При установлении фактов недобросовестного отношения к соблюдению правил безопасности работ, охраны труда и пожарной безопасности, безответственности, пьянства на производстве и других нарушений трудовой и исполнительской дисциплины, способствовавших совершению преступления, суды должны путём вынесения частных определений (постановлений) обращать внимание соответствующих государственных органов и должностных лиц на эти обстоятельства для принятия надлежащих мер реагирования.

Следует отметить, что если нарушение соответствующих правил пожарной безопасности явилось способом достижения преступного результата (прямой умысел), то действия виновного, в зависимости от содержания и направленности умысла, а также мотивов содеянного, следует квалифицировать как соответствующие преступления, например, против жизни и здоровья человека (стст. 139, 147), собственности (ст. 218), общественной безопасности (ст. 289) либо государства (ст. 360). Также следует отметить, что ответственность по ч. 1 ст. 304 УК Республики Беларусь наступает лишь тогда, когда повторное нарушение правил пожарной безопасности, повлекшее возникновение пожара, не повлекло последствий, указанных в чч. 2 и 3 ст. 304 УК Республики Беларусь, и совершено виновным лицом в течение года после наложения на него административного взыскания за любые нарушения правил пожарной безопасности, которые ранее могли быть и не связаны с возникновением пожара [1].

Для привлечения лица к уголовной ответственности по чч. 2 и 3 ст. 304 УК Республики Беларусь наличия административной преюдиции не требуется [1].

Таким образом, существуют определённые особенности квалификации деяния по ст. 304 УК Республики Беларусь. Несовершенства данной статьи мы рассмотрели выше. Необходимо акцентировать внимание на необходимость административной

преюдиции для квалификации деяния по ч. 1 ст. 304 УК Республики Беларусь. При этом для квалификации деяния по остальным частям ст. 304 УК Республики Беларусь административная преюдиция в качестве обязательного признака не предусмотрена, однако там особую роль играют последствия, к которым привели нарушения правил пожарной безопасности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. : с изм., внес. заключением Конституц. суда от 11.03.2004 г., № 3-171/2004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. О судебной практике по делам о нарушении правил безопасности при производстве работ, правил охраны труда и пожарной безопасности [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 28 сент. 2005 г., № 8 : в ред. постановления Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 26.09.2013 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Пожарная безопасность. Общие требования и определения : СТБ 11.0.02-95. – Введ. 01.10.1995. – Минск : Гос. комитет по стандартизации Респ. Беларусь, 2015. – 20 с.

4. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 34/336.1

В. И. РЕЗЮК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

БЮДЖЕТНЫЕ СРЕДСТВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ

Одним из самых часто упоминаемых понятий основного источника бюджетно-правового регулирования – Бюджетного кодекса Республики Беларусь – является понятие «бюджетные средства». Бюджетные средства имеют высокую релевантность как в иных актах бюджетно-правового регулирования, так и в положениях других юридических наук: криминологии, в частности. При этом понятие «бюджетные средства» в нормативных актах прямо не раскрыто.

Одним из элементов бюджетных правоотношений является объект регулирования – определённый обособленный денежный фонд, по поводу которого эти отношения и возникают.

Структура бюджетной системы Республики Беларусь включает самостоятельные части: республиканский бюджет и местные бюджеты. Республиканский охватывает средства Республики Беларусь, местные – средства бюджетов первичного уровня (городов районного подчинения, поселковые и сельские), базового уровня (городов областного подчинения и районные) и областного уровня (областные и г. Минска) [1].

Средства целевых бюджетных фондов, являющихся частью соответствующих бюджетов, включаются в их состав, т. е. не обособливаются, однако юридически закрепляются особенности формирования и расходования этих частей бюджетов.

Отдельную оценку требуют средства государственных внебюджетных фондов. В Республике Беларусь функционируют следующие государственные внебюджетные фонды:

- Фонд социальной защиты населения Республики Беларусь [2];
- государственный внебюджетный фонд гражданской авиации [3];
- государственный внебюджетный фонд универсального обслуживания Министерства связи и информатизации Республики Беларусь [4];
- государственный внебюджетный фонд Департамента исполнения наказаний Министерства внутренних дел Республики Беларусь [5].

С одной стороны, формально средства внебюджетных фондов в бюджетную систему не включены и в консолидированный бюджет соответствующей территории не входят, но, с другой стороны, они включаются в консолидированный бюджет сектора государственного управления и являются объектом государственной собственности, доходы и расходы внебюджетных фондов осуществляются в соответствии с бюджетной классификацией. Кроме того, средства государственных внебюджетных фондов являются одним из предметов бюджетных отношений (наряду с республиканским и местными бюджетами). Это позволяет говорить о том, что средства государственных внебюджетных фондов следует считать бюджетными средствами в широком смысле – предметом бюджетного регулирования. Понятие внебюджетных средств необходимо рассматривать не как антоним бюджетных, а как характеристику средств, не включённых в бюджет определённого уровня и вида, но находящихся в том же поле нормативно-правового регулирования. Об исключении средств государственных внебюджетных фондов из являющихся бюджетными можно говорить в случаях, если они приобретают юридически обособленный характер и не являются предметом бюджетно-правового регулирования.

Ряд особенностей оценки средств, относящихся к бюджетным, обуславливают изменения, внесённые в Бюджетный кодекс Республики Беларусь в 2015 г.: распорядители и получатели бюджетных средств получили право открывать по одному расчётному, текущему счёту в банках, у которых 50 % акций и более принадлежат Республике Беларусь. Были выделены все уровни бюджетного финансирования (республиканский и местный) и закреплён новый – бюджет Союзного государства (Союза Беларуси и России). Указанной части средств также присвоена характеристика бюджетных [6].

Средства республиканского и местных бюджетов, государственных внебюджетных фондов номинируются в рублях Национального банка Республики Беларусь, однако дипломатические представительства и консульские учреждения Республики Беларусь вправе открывать в иностранной валюте, и при исполнении суммы в отчётах отражаются в валюте государства пребывания и долларах США или евро [6]. Таким образом, средства, называемые бюджетными, характеризуются следующими признаками:

а) средства являются частью или целым определённого государственного денежного фонда (бюджета соответствующего уровня, вида, бюджетного и внебюджетного фонда);

б) обращение средств регулируется нормами бюджетного законодательства;

в) средства номинированы в белорусских рублях, в отдельных случаях – иностранной валюте.

Бюджетные средства Республики Беларусь – это денежные средства республиканского бюджета (включая средства бюджетных фондов), местных бюджетов (включая средства местных бюджетных фондов), сельских, поселковых, городских городов районного подчинения) бюджетов (бюджетов первичного уровня), районных и городских (городов областного подчинения) бюджетов (бюджетов базового уровня), областных бюджетов и бюджета г. Минска (бюджетов областного уровня), средства государственных внебюджетных фондов, а также средства распорядителей и получателей средств в бюджете Союза Беларуси и России (Союзного государства).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бюджетный кодекс Республики Беларусь : Закон Республики Беларусь, 16 июля 2008 г., № 412-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.10.2016 г. // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. О Фонде социальной защите населения Министерства труда и социальной защиты [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 16 янв. 2009 г., № 40 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 31.12.2015 г. // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Об образовании государственного внебюджетного фонда гражданской авиации [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 23 окт. 1993 г., № 465 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 27.12.2016 г. // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. О государственном внебюджетном фонде [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 19 марта 2015 г., № 130 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 27.12.2016 г. // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5. Об образовании государственного внебюджетного фонда Департамента исполнения наказаний Министерства внутренних дел [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 2 июня 2006 г., № 373 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 25.07.2016 г. // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

6. О внесении изменений и дополнений в Бюджетный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 30 дек. 2015 г., № 342-З // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 316

Е. Ю. СЕВРЮК

Гродно, ГрГУ имени Я. Купалы

Научный руководитель: Р. Н. Ключко, кандидат юридических наук, доцент

ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ

Торговля людьми – это комплексный процесс, который осуществляется на протяжении длительного времени и в несколько этапов. Состав рассматриваемого

преступления формальный, оно считается оконченным с момента фактической купли-продажи человека либо его вербовки, перевозки, передачи, укрывательства или получения. Все действия, перечисленные в диспозиции статьи, совершаемые виновным, незаконны, т. к. никому не дано право их совершать, используя в качестве предмета человека.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 181 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь), состоит из ряда действий и таким образом раскрывается понятие «торговли людьми» [1].

На первое место в диспозиции ст. вынесена купля-продажа человека, которая предполагает совершение в отношении потерпевшего любой возмездной сделки имущественного характера со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Купля-продажа человека как вид сделки состоит в продаже одним лицом другому человека, который не сознаёт совершаемого с ним действия по малолетству, будучи введённым в заблуждение, вследствие беспомощного состояния (например, продажа больного с травмой черепа с целью изъятия у него органов или тканей). Купля-продажа совершается и тогда, когда потерпевший сознаёт факт продажи, однако, находясь в зависимости от продавца, не может сопротивляться осуществлению сделки.

Преступление, совершаемое путём купли-продажи человека, имеет усложнённую объективную сторону. Моментом его окончания является начало передачи купленного человека покупателю. Одна покупка (продажа) может рассматриваться как покушение на совершение данного преступления. Оконченным для покупателя и продавца преступление будет считаться в момент передачи живого товара.

Преступление следует считать оконченным в момент достижения договорённости о купле-продаже и передачи всей оговоренной суммы денежного или имущественного вознаграждения или части такой суммы. Альтернативным действием по отношению к купле-продаже обозначена вербовка лица, которую можно определить как действия виновного по склонению человека к тому, чтобы он дал согласие на совершение с ним сделки имущественного характера, при этом в диспозиции ст. не обозначен способ вербовки, таким образом, он может быть различным: в виде обещаний чего-либо, обмана, уговоров и т. д. Способы вербовки могут быть насильственными и ненасильственными. К первым относится применение насилия или угроза его применения, что составляет квалифицирующий признак (соответственно относится не только к вербовке, но и к другим действиям, перечисленным в диспозиции нормы). К ненасильственным относятся: путем обмана, мошенничества, злоупотребления доверием – не имеющим значения для квалификации, и путём использования своего служебного положения.

Перевозку, передачу и получение лица, на взгляд автора, можно отнести к возможным последствиям или, наоборот, к предварительным действиям по отношению к совершаемой сделке, т. е. к транспортировке человека (перемещению), акту передачи и приёму «живого товара». Близко к этим действиям примыкают и действия по укрывательству, т. е. сокрытию лица, которое, как представляется, может быть совершено, например, для недопущения обнаружения проданного человека правоохранительными или другими органами, родными и близкими. При этом сокрытие лица должно происходить помимо его воли.

Понятие эксплуатации, используемое в качестве одного из конструктивных признаков основного состава торговли людьми, разъяснено в примечании к данной статье. Оно охватывает незаконное принуждение человека к работе или оказанию

услуг, рабство или обычаи, сходные с рабством, которое включает элементы психического или физического насилия. Таким образом, при установлении цели эксплуатации в процессе вербовки, перевозки, передачи, укрывательства или получения человека следует учитывать, что указанные действия должны быть всегда сопряжены с насилием, обманом, использованием уязвимого положения жертвы.

Важным также является то, что для совершения преступления, связанного с торговлей людьми, необходимо, чтобы вышеперечисленные действия выражались следующим образом: угроза насилием, насилие, похищение, обман, мошенничество, злоупотребление властью или уязвимостью положения посредством дачи или принятия денег или любого другого рода выгод для получения согласия лица, контролирующего жертву или другие методы принуждения. В некоторых национальных законодательствах, перечисленные действия представляют самостоятельные составы преступлений.

С точки зрения законодательной техники диспозиция ст. 181 УК Республики Беларусь далека от совершенства: во-первых, достаточно для ответственности факта торговли в отношении и одного человека (а не «людей», как сказано в заголовке и тексте статьи). Во-вторых, торговля людьми определяется в диспозиции ст. не только как купля-продажа человека (что не может вызывать возражения), но и как его вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение. Налицо широкая трактовка родового понятия «торговля».

Общий объект преступления – это совокупность общественных отношений, которые основываются на таких ценностях, как жизнь, свобода, честь и достоинство человека, здоровье и социальная целостность [2, с. 14].

Родовым объектом данного преступления являются общественные отношения, обеспечивающие безопасность личности и свободы человека.

Непосредственный объект данного преступления – личная свобода человека – как совокупность общественных отношений, направленных на защиту самостоятельного определения личностью своей дальнейшей деятельности. Свобода в этом случае понимается в узком смысле, как возможность физического перемещения, определения своего места жительства, нахождения. Помимо основного объекта данное преступление нередко ставит в опасность нарушения (или фактически нарушает) такие дополнительные объекты, как половая, телесная и духовная неприкосновенность, честь и достоинство, здоровье и жизнь.

Факультативным объектом (согласно квалифицирующим признакам) могут выступать общественные отношения, направленные на защиту: жизни и здоровья личности, установленного порядка осуществления должностными лицами своих обязанностей, порядка пересечения государственной границы Республики Беларусь, нормального нравственного, психологического и физического развития несовершеннолетнего, нормальной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в части порядка обращения с документами, государственными наградами, штампами, печатями, бланками [3, с. 23].

Потерпевшим может быть любое лицо, независимо от возраста, других демографических признаков или социального статуса. Потерпевшим выступает физическое лицо мужского или женского пола, выступающее в качестве «живого товара», как предмет торговли. Законодателем ни нижний, ни верхний возрастной предел не определен. Это свидетельствует о том, что жертвой сделки может оказаться и младенец (в том числе новорожденный), и подросток, и взрослый человек, уже способный в полной мере осознавать характер и значение осуществляемых

в отношении него действий. В законе нет также ограничений по иным параметрам, касающихся потерпевшего. Следовательно, им может быть и родной ребенок участника сделки, и усыновлённый, и любое другое лицо.

Таким образом, состав преступления, предусматривающий ответственность за торговлю людьми, формальный, он окончен в момент совершения одного из действий, перечисленных в диспозиции. Правильное понимание и толкование объективной стороны торговли людьми правоприменителем позволит исключить ошибки в квалификации данного вида преступлений, что позволит повысить эффективность борьбы с преступлениями против свободы личности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. : с изм., внес. заключением Конституц. суда от 11.03.2004 г., № 3-171/2004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Лаевский, В. Противодействие торговле людьми: некоторые вопросы квалификации преступлений / В. Лаевский // Судовы весн. – 2006. – № 3. – С. 14–18.

3. Марчук, В. Уголовно-правовые средства по противодействию торговле людьми / В. Марчук // Юстиция Беларуси. – 2005. – № 3. – С. 22–24.

УДК 343.8:343.9

Ю. А. СУРЖЕНКО

Минск, Академия МВД Республики Беларусь

Научный руководитель: А. А. Румянцев, кандидат юридических наук, доцент

ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ЗАХВАТАМ ЗАЛОЖНИКОВ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В соответствии с Конституцией Республики Беларусь наше государство защищает жизнь и здоровье каждого человека от любых противоправных посягательств, а Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь (далее – УИК Республики Беларусь) относит безопасность осуждённых и персонала к одному из основных требований режима в исправительных учреждениях (далее – ИУ). В этой связи можно резюмировать, что захват заложников в местах лишения свободы представляет собой одно из наиболее опасных преступлений, угрожающих жизни и здоровью работников этих мест и иных лиц, находящихся на территории ИУ. Это требует от сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) серьезной профилактической работы, направленной на предупреждение таких преступлений.

Стоит отметить, что проблемам организации деятельности по предупреждению и пресечению захватов заложников в местах лишения свободы посвящены труды многих отечественных и зарубежных учёных и практиков. Среди таковых можно отметить П. И. Александровича, А. П. Александровича, Н. П. Барабанова, В. А. Викулова, В. И. Шабалина, В. Б. Шабанова, А. В. Шаркова и др. При этом, несмотря на довольно обширные исследования в указанном направлении, многие вопросы до сих пор остаются не раскрытыми, что может порождать определённые проблемы в правоприменительной деятельности ИУ.

В соответствии с законом Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» одним из основных направлений деятельности органов внутренних дел, в том числе и ИУ, является профилактика правонарушений. При этом профилактические мероприятия по предупреждению захватов заложников непосредственно в местах лишения свободы в первую очередь сводятся к устранению причин и условий этого негативного явления.

Стоит отметить, что в литературе в качестве основных причин захватов заложников в учреждениях УИС зачастую указываются такие как:

- феминизация мест лишения свободы;
- недостаточная оснащённость служебных помещений средствами тревожной сигнализации;
- низкий уровень обеспечения работников ИУ необходимыми специальными средствами защиты и активной обороны;
- всплеск психологического дискомфорта отдельных осуждённых, вызванных различными обстоятельствами;
- отклонения в психике отдельных осуждённых, которых по оценкам специалистов не менее 60 % в местах лишения свободы;
- широкое освещение в СМИ тактики действий правоохранительных органов, что позволяет осуждённым ощущать готовность к эффективному противодействию;
- опубликование различных материалов, экранизация художественных и документальных фильмов, возвышающих способности преступников умелыми действиями достигать успеха в различных преступных деяниях [см., напр.: 1, с. 193; 207; 2, с. 1; 3, с. 16; 4, с. 6; 5, с. 98].

В то же время нам представляется, что совершению захватов заложников в учреждениях УИС в первую очередь способствуют различные упущения в деятельности личного состава этих мест. По нашему мнению, к таким недостаткам можно отнести:

1. Наличие проблем в организации режима в ИУ:

- недостатки в системе изоляции и организации надзора за поведением осуждённых, в том числе в обеспечении выполнения всеми осуждёнными правил внутреннего распорядка ИУ. В данном случае особая опасность заключается в бесконтрольных передвижениях осуждённых, благодаря чему становится реальным воплощение преступником своих противоправных намерений;
- отсутствие действенной системы по пресечению изготовления осуждёнными различного вида холодного оружия либо иных предметов колющего, режущего, дробящего или иного воздействия;
- некачественно проводимые обыски и досмотры, что обуславливает появление у осуждённых запрещённых предметов и веществ, таких как мобильные телефоны, спиртосодержащие жидкости, колюще-режущие орудия;
- неиспользование в организации надзора современных инженерных и технических средств, а также отсутствие контроля над их надёжностью. В этой связи стоит отметить, что ряд опрошенных нами сотрудников практических подразделений УИС указали на отсутствие во многих служебных кабинетах и помещениях ИУ кнопок тревожной сигнализации, а также высказали сомнения по поводу рабочего состояния имеющихся.

2. Наличие проблем в организации оперативно-розыскной деятельности, что не позволяет обеспечить эффективное превентивное воздействие. Естественно, она

не может гарантировать 100 % предупреждения захватов заложников в ИУ, но в тоже время недостатки в её организации и осуществлении существенно увеличивают вероятность их совершения. К подобным упущениям можно отнести:

- отсутствие полной и достоверной информации о лицах, имеющих серьёзные психические отклонения, причастных к различным видам экстремистской деятельности, особенно террористической, принимавших участие в различных вооруженных конфликтах, приверженцах радикальных исламских течений и т. д.;
- неиспользование оперативными сотрудниками значимой криминологической информации в отношении осуждённых, например, такой как причастность к насильственным преступлениям в местах лишения свободы, противодействие сотрудникам правоохранительных органов;
- недостаточное взаимодействие между подразделениями как внутри учреждения, так и иными правоохранительными ведомствами.

3. Упущения в организации воспитательной работы с осуждёнными, что зачастую приводит к усилению криминогенности мест лишения свободы. В данной сфере можно выделить следующие серьёзные недостатки:

- упущения в индивидуальной воспитательной работе с осуждёнными, проводимой без учета личностных и психологических особенностей осуждённых, их увлечений, стремлений, переживаний;
- недостаточное участие в исправительном процессе представителей иных структурных подразделений учреждения, например оперативных сотрудников, мастеров производственной зоны, инспекторов отделения психологического обеспечения, психиатра медицинской части и т. д.;
- отсутствие профилактической составляющей в проводимой с осуждёнными воспитательной работе.

4. Неразрешенные вопросы в организации труда осуждённых, их медицинском и материально-бытовом обеспечении, что также может провоцировать осуждённых к таким крайним мерам, как захват заложников. Показательным в этом отношении является пример Франции, где только за 2014 г. указанные причины детерминировали как минимум четыре случая таких преступлений [6].

5. Самоуспокоенность сотрудников учреждений УИС, которая, в случае отсутствия серьезных правонарушений, проявляется в ложном чувстве полного контроля над обстановкой [7, с. 14]. С нашей точки зрения, это является одной из наиболее существенных детерминант, способствующих совершению в ИУ многих тяжких и резонансных преступлений, в том числе захвата заложников. Примером таких ситуаций может служить оставление женщины, являющейся работником учреждения, без охраны наедине с осуждённым мужчиной.

На наш взгляд, вышеперечисленные упущения в работе учреждений УИС создают благоприятную основу для реализации осуждёнными своих преступных намерений, связанных с захватом заложников. В связи с этим одна из основных задач не только руководящего, но и всего личного состава каждого ИУ заключается в своевременном выявлении и искоренении подобных фактов из деятельности имеющихся структурных подразделений в целях предупреждения их негативного влияния на обстановку в учреждении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барабанов, Н. П. Организация деятельности исправительных учреждений по предупреждению и пресечению массовых беспорядков, захватов заложников, побегов :

монографія / Н. П. Барабанов. – Рязань: Акад. права і ўправлення М-ва юстыцыі Расіі, 2003. – 363 с.

2. Методычныя рэкамендацыі па арганізацыі і тактыцы дзействаў супрацоўнікаў пры прасячэнні фактаў захвата заложнікаў у месцах лішэння свабоды. – Вільнюс: Літ. Акад. паліцыі, 1991. – 7 с.

3. Тимошенко, С. Э. Предуупреждение посягательств на жизнь и здоровье представителей администраций ИТК: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / С. Э. Тимошенко. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1990. – 22 с.

4. Шабанов, В. Б. Предуупреждение и пресечение захватов заложников в местах отбывания наказания: лекция / В. Б. Шабанов. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2006. – 20 с.

5. Волков, В. Н. Медицинская психология в ИТУ: учебник / В. Н. Волков. – М.: Юрид. лит., 1989. – 256 с.

6. Александров, Ю. Захваты заложников, нападения на тюрьмы и сотрудников в зарубежных тюрьмах в 2014 г. / Ю. Александров // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2015. – № 5. – С. 36–47.

7. Туманов, Г. А. Действия администрации ИТУ при групповых нарушениях режима: лекция / Г. А. Туманов. – М.: ВШ МВД СССР, 1971. – 28 с.

УДК 343.213.5

А. М. СЯРГЕЙЧЫК

Мінск, Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь

Навуковы кіраўнік: Д. В. Шаблінская, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

ГУМАЊТАРНА-РЭВІЗІЙНАЕ ПРЫМЯНЕННЕ КРЫМІНАЛЬНАГА ЗАКОНА

Аналіз тэмпаральнага функцыянавання крымінальнага закона непазбежна прадугледжвае неабходнасць разгляду праблемы так званага зваротнага дзеяння (зваротнай сілы) крымінальнага закона.

Пад зваротнай сілай крымінальнага закона беларускім заканадаўцам маецца на ўвазе распаўсюджванне дадзенага закона на асоб, якія ўчынілі злачынную дзею да набывання ім моцы, у тым ліку на асоб, якія адбываюць пакаранне або адбылі пакаранне, але маюць судзімасць (ч. 2 арт. 9 Крымінальнага кодэкса Рэспублікі Беларусь (далей – КК)).

А. А. Ціле вызначае зваротнае дзеянне закона як «такое яго дзеянне на праваадносінны, пры якім мяркуецца, што новы закон існаваў у момант узнікнення правапарушэння» [2, с. 97].

А. М. Ярасаў вызначае зваротную сілу крымінальнага закона як тып тэмпаральнага дзеяння закона, які характарызуецца распаўсюджваннем абавязковасці палажэнняў крымінальнага закона на дзеі, якія папярэднічалі моманту яго ўвядзення ў дзеянне, і спароджаныя імі праваадносінны, адзначаючы пры гэтым, што заканадаўчая рэгламентацыя зваротнай сілы крымінальнага закона адлюстроўвае пазіцыю дзяржавы ў сферы забеспячэння правоў чалавека і вызначаецца зместам асноватворных для крымінальнага права прынцыпаў законнасці, віны, гуманізму і справядлівасці, уяўляе сабой канкрэтызацыю іх патрабаванняў у рамках прававога інстытута дзеяння крымінальнага закона ў часе [3, л. 42; 70; 71], або як «здольнасць уздзейнічаць на праваадносінны, якія ўжо ўзніклі ў адпаведнасці з ранейшым законам» [4, с. 77-78].

І. Я. Казачэнка вылучае два віды абарачальнасці крымінальнага закона: простую і рэвізійную. Пры гэтым пад простай абарачальнасцю маецца на ўвазе распаўсюджванне новага больш спрыяльнага крымінальнага закона на тыя злачынствы, па якіх яшчэ не набыў моц прысуд, пад рэвізійнай – распаўсюджванне дзеяння новага больш спрыяльнага крымінальнага закона на тыя злачынствы, па якіх набыў законную моц прысуд і асоба адбывае пакаранне або адбыла пакаранне, але мае не пагашаную ці не знятую судзімасць. Такім чынам, больш спрыяльны закон мае ўніверсальную абарачальнасць [5, с. 219-220].

Іншыя аўтары, якія разглядалі дадзеную праблематыку, даюць падобныя вызначэнні.

Прааналізуем, ці адпавядае ў разглядаемых выпадках вызначэнне вызначаемаму.

Для пачатку разбярэм лексічнае значэнне слоў, якія ўваходзяць у склад тэрміна «зваротнае дзеянне» (зваротная сіла) крымінальнага закона.

Адносна назоўніка «дзеянне» адразу агаварымся, што яго выкарыстанне ў складзе прыведзенага тэрміна ўяўляецца недапушчальным, таму што распаўсюджванне крымінальнага закона на асоб, якія ўчынілі злачынства да набыцця ім моцы, а менавіта так вызначае крымінальна-прававая дактрына зваротнае дзеянне крымінальнага закона, з'яўляецца не чым іншым, як тыпам прымянення крымінальнага закона ў часе. Называючы дадзены тып прымянення крымінальнага закона дзеяннем, мы ўступаем у лагічную супярэчнасць. Сапраўды, у дадзеным выпадку мы прымяняем больш спрыяльны крымінальны закон, які яшчэ не дзейнічаў падчас учынення злачынства, тады як закон часу ўчынення злачынства ўжо не дзейнічае.

Паводле «Глумачальнага слоўніка беларускай літаратурнай мовы» пад рэдакцыяй М. Р. Судніка і М. Н. Крыўко (далей – слоўнік Судніка–Крыўко) сіла – «здольнасць праяўлення якой-н. дзейнасці, стану» [6, с. 597]. Зыходзячы з лексічнага значэння назоўніка «сіла», можна зрабіць выснову, што пад сілай у разглядаемым намі выпадку разумеецца пасіўнае функцыянаванне нарматыўнага прававога акта, г. зн. гаворка ідзе ўласна пра дзеянне нарматыўнага прававога акта, якое прадугледжвае магчымасць яго прымянення (здольнасць праяўлення дзейнасці). Прадстаўленая пазіцыя падмацоўваецца і выразамі «ўступленне закона ў сілу» і «ўвядзенне закона ў дзеянне», якія шырока выкарыстоўваюцца ў прававой дактрыне і з'яўляюцца тоеснымі па значэнні.

Зыходзячы з выкладзенага, ўжыванне назоўніка «сіла» ў дадзеным кантэксце таксама недарэчнае, як і назоўніка «дзеянне». Відавочна, што тут павінен выкарыстоўвацца назоўнік «прымяненне».

Прааналізуем лексічнае значэнне прыметніка «зваротны».

Паводле слоўніка Судніка–Крыўко, зваротны – «які вядзе назад» [6, с. 235]. Больш разгорнутае вызначэнне дадзенаму прыметніку дае «Вялікі тлумачальны слоўнік рускай мовы» пад рэдакцыяй С. А. Кузнецова (далей – слоўнік Кузнецова): «які вядзе назад; накіраваны ў процілеглы ў параўнанні з папярэднім рухам бок»; «які прыводзіць да зыходнага стану»; «які аказвае сустрэчнае ўздзеянне, уздзеянне ў адказ на што-небудзь» [7, с. 683].

Іншымі словамі, прыметнік «зваротны» характарызуе нешта, накіраванае назад, у мінулае.

У дачыненні да крымінальнага права гэта азначае, што крымінальны закон, які прымяняецца са зваротнай сілай, мае накіраванасць у мінулае або прымяняецца ў мінулым. Разам з тым, у заканадаўстве і ў працах большасці прадстаўнікоў крымінальна-прававой дактрыны зваротная сіла (зваротнае дзеянне) крымінальнага

закона вызначаюцца крыху інакш, а менавіта як распаўсюджванне (чытай – прымяненне) крымінальнага закона на асоб, якія ўчынілі злачынствы да набыцця моцы (увядзення ў дзеянне) названага закона.

Прымяненне ж крымінальнага закона, як ужо адзначалася вышэй, магчымае толькі на будучы час, яго тэмпаральная абарачальнасць немагчымая, як немагчымая абарачальнасць самога часу. Адпаведна, тэмпаральная накіраванасць прымянення крымінальнага закона да асоб, якія ўчынілі злачынствы да ўвядзення яго ў дзеянне, магчымая толькі ў будучыню, а не ў мінулае, яна не можа быць зваротнай, г. зн. крымінальны закон у дадзеным выпадку (як і ў любым іншым выпадку) прымяняецца не абарачальна, а перспектыўна.

Такім чынам, у разглядаемым выпадку вызначаемае не адпавядае вызначэнню: закон, які не дзейнічае са зваротнай сілай, вызначаецца як дзеючы са зваротнай сілай.

Замест вышэйпрыведзенага паняцця ўяўляецца мэтазгодным выкарыстоўваць тэрмін гуманітарна-рэвізійнае прымяненне крымінальнага закона.

Аргументуем сваю пазіцыю.

Як ужо адзначалася вышэй, прыметнік «рэвізійны» выкарыстоўваецца ў крымінальна-прававой дактрыне для размежавання двух відаў так званай «абарачальнасці» крымінальнага закона: простаі і рэвізійнай. Пад простаі маецца на ўвазе распаўсюджванне новага больш спрыяльнага крымінальнага закона на тыя злачынствы, па якіх яшчэ не набыў моцы прысуд, пад рэвізійнай – распаўсюджванне дзеяння новага, больш спрыяльнага крымінальнага закона на тыя злачынствы, па якіх набыў законную моц прысуд і асоба адбывае пакаранне або адбыла пакаранне, але мае не пагашаную ці не знятую судзімасць [8, л. 35; 5, с. 219-220].

Г. зн. калі адкінуць «абарачальнасць», атрымліваецца, што прымяненне крымінальнага закона ў адносінах да асобы, якая ўчыніла злачынства да набыцця такім законам моцы, можа быць простым і рэвізійным.

Прыметнік «рэвізійны» утвораны ад назоўніка «рэвізія», які, паводле слоўніка Судніка–Крыўко, азначае «перагляд чаго-н. з мэтай унясення карэнных змен» [6, с. 572].

Сапраўды, калі рашэнне суда прынята, і асоба, якая ўчыніла злачынства, ужо адбывае пакаранне, то ў выпадку, напрыклад, змякчэння санкцыі адпаведнага артыкула крымінальнага закона, пастаноўлены ў дачыненні да такой асобы прысуд падлягае перагляду, а пакаранне змяненню (змякчэнню). Іншымі словамі, у дадзеным выпадку вызначэнне адпавядае вызначаемаму.

Прыметнік «просты» мае мноства лексічных значэнняў. Прымянімымі ў разглядаемым выпадку з'яўляюцца наступныя: першасны, асноўны, зыходны; нічым не ўскладнены; той, які разумеецца ў прамым, вузкім сэнсе; не складаны, не цяжкі [7, с. 1028; 6, с. 507].

Зыходзячы з лексічнага значэння прыметніка «просты», мы приходзім да высновы, што прымяненне крымінальнага закона ў дачыненні да асоб, якія ўчынілі злачынствы да яго ўвядзення ў дзеянне, калі прысуд не набыў моцы, з'яўляецца неўскладненым у параўнанні з прымяненнем такога закона ў выпадку, калі прысуд ужо набыў законную моц. Сапраўды, у першым выпадку дастаткова супаставіць калідуючыя крымінальныя законы і прыняць адпаведнае рашэнне, у другім жа выпадку неабходна яшчэ і пераглядаць прысуд, г. зн. прымяненне ў першым выпадку «прасцей», а ў другім – «складаней».

Тут няма логіка-семантычнай супярэчнасці, калі не браць пад увагу той факт, што само прымяненне закона да асобы, якая ўчыніла злачынства да набыцця такім законам моцы, з'яўляецца ўскладненым тэмпаральнай калізіяй крымінальных законаў,

г. зн. у параўнанні з прымяненнем крымінальнага закона часу ўчынення злачынства падчас дзеяння прымяняемага закона такі тып прымянення з'яўляецца больш «складаным». Іншымі словамі, адсутнасць неабходнасці перагляду прысуду робіць прымяненне закона больш «простым» у параўнанні з такім у выпадку, калі перагляд прысуду неабходны, аднак у цэлым разглядаемы тып тэмпаральнага прымянення крымінальнага закона, як і ў выпадку з ультраактыўным прымяненнем, ускладнены тэмпаральнай калізіяй і выкарыстанне прыметніка «просты» ў дадзеным кантэксце не зусім дарэчы. Простым, звычайным у параўнанні з вышэйпрыведзеным тыпам тэмпаральнага прымянення крымінальнага закона з'яўляецца прымяненне закона часу ўчынення злачынства падчас дзеяння закона, які прымяняецца.

Для тэрміналагічнага забеспячэння прымянення крымінальнага закона ў адносінах да асобы, якая ўчыніла злачынства да набыцця такім законам моцы, калі прысуд у дачыненні да яе не набыў моцы, замест прыметніка «просты» ўяўляецца мэтазгодным выкарыстоўваць прыметнік «гуманітарны».

Адно са значэнняў прыметніка «гуманітарны» – «заснаваны на любові да чалавека і клопаце пра яго» [7, с. 235]; «звернуты да асобы чалавека, да яго правоў і інтарэсаў» [6, с. 161]. Прымяненне ж да асобы больш спрыяльнага крымінальнага закона з'яўляецца адной з праяў крымінальна-прававога прынцыпу гуманізму, замацаванага ў ч. 1 арт. 3 КК.

Папярэджваючы магчымыя пярэчанні, адразу агаварымся, што мы аддалі ў дадзеным выпадку перавагу прыметніку «гуманітарны», а не «гуманны», па шэрагу прычын. З аднаго боку, прыметнікі «гуманітарны» і «гуманны» маюць значную ступень сінаніміі ды ў многіх выпадках з'яўляюцца ўзаемазамяняльнымі.

Сапраўды, прыметнік «гуманны» мае наступныя значэнні: «чалавекалюбівы, чалавечны ва ўчынках і адносінах; прасякнуты гуманізмам; заснаваны на прынцыпах гуманізму» [7, с. 235]; «дабрачынны, прасякнуты павагай да людзей» [6, с. 161], а паколькі значэнні выразаў «заснаваны на любові да чалавека» і «заснаваны на прынцыпах гуманізму» характарызуюць па сутнасці тоесныя паняцці, то і прыметнікі гуманітарны і гуманны тоесныя ў сэнсе лексічнага значэння ў разглядаемым кантэксце.

Разам з тым ўжыванне ў дадзеным кантэксце прыметніка «гуманны» было б не ў поўнай меры апраўданым, таму што крымінальна-прававы прынцып гуманізму прадугледжвае, што ўсе законы павінны прымяняцца з яго ўлікам, г. зн. гуманна. Яшчэ раз падкрэслім, усе (!) крымінальныя законы павінны прымяняцца з прытрымліваннем прынцыпу гуманізму, а не толькі ў выпадку іх прымянення да асоб, якія ўчынілі злачынствы да набыцця такімі законам моцы.

Да таго ж, хаця прымяненне прыметніка «гуманітарны» ў дадзеным кантэксце для беларускай мовы не зусім уласцівае, менавіта адзначаная неўласціvasць словаўжывання і блізкасць лексічнага значэння дазваляюць у разглядаемым выпадку, з аднаго боку, не прыйсці да неадпаведнасці вызначаемага і вызначэння, а з другога – падкрэсліць асаблівы, не супярэчны лексічнаму значэнню спецыяльна-юрыдычны сэнс, які ўкладаецца ў паняцце гуманітарнага прымянення крымінальнага закона, і размежаваць яго з паняццем гуманнага прымянення, што мае больш агульнае значэнне.

Такім чынам, вызначэнне прымянення крымінальнага закона ў дачыненні да асобы, якая ўчыніла злачыннае дзеянне да набыцця моцы названым законам, як гуманітарна-рэвізійнага ў поўнай меры адпавядае ўкладаемаму ў дадзенае паняцце крымінальна-прававой дактрынай сэнсу і не супярэчыць логіка-семантычным сувязям складаючых яго элементаў. Адпаведна, гуманітарна-рэвізійнае прымяненне крымінальнага закона можна вызначыць як актыўнае функцыянаванне крымінальнага

закона ў дачыненні да пэўнай асобы (асоб), якая ўчыніла (якія ўчынілі) грамадска небяспечную дзею да набыцця такім законам моцы.

Абагульняючы вышэйпададзенае, можна зрабіць наступныя высновы: дактрынальнае паняцце зваротная сіла (зваротнае дзеянне) крымінальнага закона няслушнае, з аднаго боку, з пункту гледжання логіка-семантычных сувязяў слоў, якія яго складаюць, а з іншага – з пункту гледжання значэння, укладаемага ў яго крымінальна-прававой дактрынай. Закон ва ўсіх выпадках функцыянуе на будучы час, г. зн. тэмпаральна неабарачальны. Адпаведна, ён не можа быць вызначаны з дапамогай вышэйпрыведзенага дактрынальнага паняцця. Замест яго ўяўляецца мэтазгодным выкарыстоўваць тэрмін гуманітарна-рэвізійнае прымяненне крымінальнага закона ў значэнні актыўнага функцыянавання крымінальнага закона ў дачыненні да пэўнай асобы (асоб), якая ўчыніла (якія ўчынілі) грамадска небяспечную дзею да набыцця такім законам моцы, дзе прыметнік гуманітарны паказвае на крымінальна-прававы прынцып гуманізму, на якім і засноўваецца дадзены тып тэмпаральнага прымянення крымінальнага закона, а прыметнік рэвізійны – на неабходнасць перагляду прысудаў у рамках дадзенага тыпу тэмпаральнага прымянення ў выпадку, калі асоба, якая ўчыніла злачынства да набыцця такім законам моцы, адбывае пакаранне або адбыла пакаранне, але мае судзімасць.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. : с изм., внес. заключением Конституц. суда от 11.03.2004 г., № 3-171/2004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. Тилле, А. А. Время, пространство, закон. Действие советского закона во времени и пространстве / А. А. Тилле. – М. : Юрид. лит., 1965. – 203 с.
3. Ерасов, А. М. Обратная сила уголовного закона : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. М. Ерасов. – М., 2004. – 217 л.
4. Ерасов, А. М. Обратная сила уголовного закона и принципы уголовного права / А. М. Ерасов // Известия вузов. Правоведение. – 2005. – № 3. – С. 75–89.
5. Полный курс уголовного права : в 5 т. / А. И. Коробеев [и др.] ; под ред. А. И. Коробеева. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. – Т. 1 : Преступление и наказание. – 2008. – 1133 с.
6. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – 3--е выд. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2002. – 784 с.
7. Большой толковый словарь русского языка / редкол.: С. А. Кузнецов (сост. и гл. ред.) [и др.]. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
8. Врублевская, Н. Г. Обратная сила норм уголовного закона: теоретические и прикладные проблемы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н. Г. Врублевская. – Минск, 2005. – 125 л.

УДК 343.98

А. М. ХЛУС

Минск, БГУ, кандидат юридических наук, доцент

АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ И ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ КОРРУПЦИИ И РОЛЬ КРИМИНАЛИСТИКИ В ИХ ВЫЯВЛЕНИИ

В научных исследованиях коррупция рассматривается как сложное явление, характерное для всех стран. Как и многие иные явления, коррупция не появляется на пустом месте. В российских научных публикациях встречается упоминание о факторах, с которыми связано её возникновение. Исследуя коррупцию, В. М. Полтерович выделил группу правовых и организационно-экономических факторов [1, с. 35]. В числе правовых факторов коррупции названы отсутствие ясной законодательной базы и слишком частое изменение экономического законодательства; возможность влияния на судебные решения; несоблюдение норм международного права; неадекватные меры наказания за коррупционные сделки.

Неотъемлемым спутником коррупции являются несовершенство и изъяны в законодательстве государства. По причине недостатков правотворческой деятельности в любом государстве нормативная база может иметь определённые дефекты.

На заседании коллегии министерства юстиции Республики Беларусь было отмечено низкое качество разрабатываемых государственными органами проектов. Более 40 % поступающих в министерство проектов согласовывается с замечаниями, без учета проектов, которые дорабатываются с участием специалистов министерства. В числе основных недостатков упоминаются:

- обширная практика подготовки проектов актов Президента для урегулирования отношений в различных сферах общественной жизни, а иногда и в качестве механизма согласования с Президентом варианта действий, находящихся в исключительной сфере ответственности конкретного руководителя;
- наличие нескольких нормативных правовых актов по одним и тем же вопросам, что вызывает правовую неопределённость, нарушает принцип стабильности и системности законодательства;
- большое количество отсылочных норм, что приводит к принятию большого количества подзаконных документов;
- использование в проектах нормативных правовых актов не единообразной терминологии, сложных правовых конструкций, делающих законодательство непонятным для людей без специальной подготовки;
- разработчики проекта не имеют представления о целях, смысле, механизмах реализации предлагаемых подходов, не могут обосновать и объяснить причины выбора предлагаемого вида нормативного правового акта, не говоря уже об анализе возможных последствий принятия такого документа [2].

Иногда дефекты в нормативном правовом акте специально создаются, препятствуя, например, развитию предпринимательства. В таком случае предприниматели оказываются перед выбором правомерного или неправомерного (коррупционного) поведения. Решая возникшие проблемы, предприниматели вынуждены обращаться к чиновникам, которые оказывают им небескорыстную помощь. Если же такой способ гарантирует быстрое и эффективное разрешение

возникших проблем, то предприниматели прибегнут к нему и в дальнейшем, наладив «сотрудничество» с уже «проверенными» чиновниками.

Недостатки нормативных правовых актов обусловлены и тем, что появление рыночных отношений и связанных с ними различных форм хозяйственной, финансовой, предпринимательской деятельности зачастую опережало её законодательное закрепление и регулирование, в результате чего формировались определённые обычаи ведения дел экономического характера. Если отдельные экономические отношения не урегулированы, то это является следствием как отставания закона, так иногда и результатом политического лоббирования, цель которого – принятие законов, нужных «теневым» предпринимателям, и торможение в разработке и принятии законов, могущих стать серьёзным препятствием на пути к их незаконному обогащению [3]. Устранение недостатков законодательства является необходимым условием противодействия коррупции.

Возможность влияния на судебные решения сама по себе является коррупционным проявлением. Считать эту возможность фактором коррупции, по крайней мере, некорректно. Но слабость судебной системы может претендовать на то, чтобы считаться фактором коррупции, так как её недостатки влекут за собой появление и развитие коррупционных отношений. Нельзя не отметить, что исторически борьба с взяточничеством велась в первую очередь среди судей. Например, одно из первых упоминаний о коррупционных преступлениях в судебной системе, можно встретить в Законах вавилонского царя Хаммурапи (XVIII в. до н. э.). В разделе, относящемся к правосудию, говорится: «Если судья будет судить судебное дело, постановит решение, изготовит документ с печатью, а потом своё решение изменит, то этого судью должно избличить в изменении решения, и он должен уплатить (сумму) иска, предъявленного в этом судебном деле, в 12-кратном (размере), а также должен быть в собрании поднят со своего судейского кресла и не должен возвращаться и заседать с судьями на суде» [4, с. 56]. Непосредственно в данном акте не говорится о подкупе судьи, но, вполне вероятно, что одним из оснований для изменения судебного решения является получение судьей взятки.

Несоблюдение норм международного права неоправданно названо фактором коррупции. Во-первых, непонятно какие нормы международного права должны быть нарушены, чтобы считать это фактором коррупции. Далеко не все международные правовые акты являются совершенными. Что касается актов антикоррупционной направленности, то в них, например, даже определение понятия «коррупция» сформулировано только в аспекте уголовного права, что представляется неверным. В действительности понятие коррупции широкое. Оно охватывает собой различные деяния корыстной и некорыстной направленности: уголовно-правовые, административные, гражданско-правовые и дисциплинарные.

Во-вторых, нормы международного права в условиях жёсткой конкурентной борьбы между государствами мирового сообщества выступают в качестве рекомендаций в регулировании межгосударственных отношений, но, в большинстве своем, не служат основой этих отношений.

В-третьих, нормы международного права содержатся в актах, принимаемых такими организациями как, например, ООН, ВТО, ЮНЕСКО и др., которые, имея статус международных, всё-таки открыто и завуалировано придерживаются интересов лидирующих западных держав. Следует помнить, что США и некоторые европейские государства находятся в состоянии информационной войны с Россией и её союзниками, в числе которых Республика Беларусь.

Неадекватные меры наказания за коррупционные сделки можно представить следующим образом. Например, чиновник, злоупотребляя в течение длительного времени служебным положением, похитил большие денежные суммы, которые были переведены в оффшорную зону. Обращение в доход государства арестованного имущества не компенсировало причинённый вред. Отбыв наказание, бывший чиновник благополучно выезжает на постоянное место жительства в другую страну, где легализует наворованные на родине деньги, которых достаточно для безбедной жизни. Такая ситуация вполне возможна, когда законодательство о государственной службе не содержит должных ограничений для государственных служащих. На примере Российской Федерации можно видеть, что некоторые бывшие высокопоставленные чиновники после выхода в отставку проживают в элитном доме в Майами (США) на берегу Атлантического океана, а другие (действующие чиновники) имеют за рубежом недвижимость стоимостью в несколько миллионов евро [5]. Оказавшись в подобных условиях, многие чиновники могут стать на путь воровства. Поэтому обозначенный фактор коррупции в принципе возможен, но не приемлем для Республики Беларусь.

В Беларуси действует закон «О государственной службе в Республике Беларусь», установивший ограничения, исключающие возможность государственным служащим иметь за рубежом недвижимость и денежные средства [6].

В качестве организационно-экономических факторов коррупции выделены: отсутствие государственного контроля или его недостаток; громоздкий и неэффективный бюрократический аппарат; трудности управления большой территорией; относительно низкая оплата труда государственных служащих; дискриминация в доступе к инфраструктурным сетям.

Отсутствие государственного контроля или его недостаток сами по себе являются существенными факторами для появления и развития коррупции. Это характерно для любой страны, вне зависимости от её масштабов, статуса на мировой арене. Вместе с тем, слабость системы контроля над распределением государственных ресурсов чаще характерна для крупных государств, имеющих большую территорию (США, Россия, Китай). Осуществить контроль над распределением национальных ресурсов в небольших государствах проще. В Республике Беларусь, которая имеет небольшую территорию, функция государственного контроля возложена на Комитет государственного контроля и подчинённые ему территориальные органы. В пределах своей компетенции эти органы осуществляют контроль над рациональным использованием организациями и индивидуальными предпринимателями бюджетных средств и государственной собственности и др. [7]. Можно с уверенностью отметить эффективность деятельности КГК в Беларуси. Примером тому служит выявление и соответствующее реагирование государственных контролирующих органов на факты вывода физическими лицами капитала из Беларуси [8]. Такие действия со стороны государственных служащих невозможны.

Громоздкий бюрократический аппарат может являться фактором неэффективного управления и, как следствие, коррупции. В Республике Беларусь количество государственных служащих меньше, чем в аналогичных по территории и населению государствах. Они обходятся бюджету сравнительно дешевле, чем в других странах. Вместе с тем, в Беларуси реализуется программа по оптимизации системы государственного аппарата, который предполагается сократить на четверть [9]. Это позволит снизить расходы на его содержание, а также повысит мобильность и эффективность системы государственного аппарата. Решение этой проблемы

не устранил коррупцию как таковую, но будет способствовать сокращению количества коррупционных проявлений.

Трудности управления большой территорией испытывают немногие государства, в числе которых Россия, США, Китай. Эти трудности не являются фактором коррупции, но могут быть условием для её развития. Для Беларуси эта проблема не характерна.

Относительно низкая оплата труда государственных служащих в целом может являться фактором коррупционных проявлений. Но, по мнению М. Н. Глодных, глубинным фактором коррупции, характерным для большинства стран, являются деньги как капитал. Жизнь людей в капитализированном обществе находится в зависимости от величины получаемых доходов. Государственные служащие не относятся к категории исключительных людей, они также нуждаются в материальном обеспечении. Если взятки увеличивают их благосостояние, то они будут их брать. При этом уровень их жалования значения не имеет. Срабатывает принцип любой экономической системы рыночного типа: деньги должны приносить новые деньги, т. е. прибыль. Понимание объективности этого экономического постулата, приводит к мысли о недостаточной эффективности такого способа борьбы с коррупцией, как значительное повышение заработной платы должностных лиц [10].

Недостаточное материальное обеспечение государственных служащих как фактор коррупции носит частный характер. В соответствии с результатами оценки общественного мнения, проведенного исследовательским центром Института приватизации и менеджмента (ИПМ) невысокая заработная плата государственных служащих является наименее важной причиной коррупции в Республике Беларусь. На первое место руководители малых и средних предприятий (МСП) поставили корыстолюбие государственных служащих, на второе – терпимость общества к коррупции, на третьем – высокая степень государственного регулирования экономики [11]. Корыстолюбие – свойство людей с низким нравственным уровнем. Оно проявляется при недостаточном материальном обеспечении служащих. Данное качество человека в какой-то степени связано с уровнем оплаты его труда. Дело в том, что в деятельности государственных служащих много неоправданных рисков, страха и отрицательной мотивации. Это препятствует самореализации способных служащих и снижает их инициативность. Невысокая заработная плата приводит к естественному отрицательному отбору – в чиновники идут не самые способные [12] и, надо понимать, не наделённые высокими моральными качествами. С течением времени чиновник, не удовлетворённый своим материальным положением, проявляет своё отрицательное качество – корыстолюбие, что и реализуется посредством формирования коррупционных отношений.

Дискриминация в доступе к инфраструктурным сетям – не типичный для Беларуси фактор, влекущий коррупцию. Объекты строительства подключаются к электрическим сетям и инфраструктуре городов на общих основаниях. Важным обстоятельством, препятствующим коррупционным злоупотреблениям в этой сфере, является установление фиксированной платы за пользование сетями инфраструктуры. В таком случае строительные организации могут планировать свои расходы на присоединение к сетям, а энергетики и коммунальщики не вправе требовать заключения дополнительных соглашений на выгодных для них условиях.

Во-первых, криминалистические знания в целях выявления факторов возникновения коррупции могут быть использованы по следующим направлениям. Во-первых, необходимо использовать методы криминалистики для анализа норм правовых

актов, а также общественных отношений, возникающих на их основе. Реализуя в ходе проведения экспертизы криминалистический анализ и другие методы, можно прогнозировать возникновение рисков совершения коррупционных правонарушений.

Во-вторых, криминалистика должна не только изучать явления, но и иметь возможность прогнозировать их дальнейшее развитие. Такой подход в полной мере раскрывает содержание прогностической функции криминалистики и её направленность. По-нашему мнению, криминалистическое прогнозирование должно осуществляться на этапе, предшествующем совершению коррупционного преступления. Такая возможность представляется в процессе осуществления экспертизы нормативных правовых актов. В ходе такой экспертизы может быть создана модель криминальной деятельности, на основе которой определяются отражательные возможности элементов материальной структуры преступления, его последствия и меры, направленные на его предотвращение. Только на такой основе возможно выявление факторов, способствующих возникновению коррупции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полтерович, В. М. Факторы коррупции / В. М. Полтерович // Экономика и математические методы. – 1998. – № 3. – С. 30-39.
2. Минюст хочет ограничить количество нормативных актов Президента [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.mail.ru/politics/28662682/?frommail=1>. – Дата доступа: 05.02.2017.
3. Социально-экономические аспекты коррупции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sociodoc.ru/sdocs-143-2.html>. – Дата доступа: 09.01.2017.
4. Сборник Законов царя Хаммурапи // Источники права. – Вып. 1 – Тольятти : Акцент, 1996. – 56 с.
5. Метры «элиты» // Аргументы и факты в Белоруссии. – 2015. – № 49. – С. 4.
6. О государственной службе в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ Беларусь, 14 июня 2003 г., № 204-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
7. О комитете государственного контроля Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ Беларусь, 1 июля 2010 г., № 142-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.07.2014 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
8. КГК: участились случаи вывода средств белорусами из страны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.mail.ru/economics/28507260>. – Дата доступа: 24.01.2017.
9. О некоторых мерах по оптимизации системы государственных органов и иных государственных организаций, а также численности их работников [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 12 апр. 2013 г., № 168 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 19.02.2016 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
10. Глодных, Н. М. Причины коррупции и реальные возможности их устранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/dok/dokument.asp?dokID=1225896>. – Дата доступа: 31.01.2017.
11. Бизнес назвал самые коррумпированные государственные службы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.news.mail.ru/economics/28384550/?frommail=1>. – Дата доступа: 11.01.2017.

12. Почему демотивированы белорусские чиновники? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.mail.ru/politics/28461958/?frommail=1>. – Дата доступа: 18.01.2017.

УДК 343.8

В. С. ШАБАЛЬ

Минск, Академия МВД Республики Беларусь

Научный руководитель: Ю. Л. Шевцов, кандидат юридических наук, доцент

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ОСУЖДЁННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ: О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ

Предупреждение совершения преступниками новых преступлений является одним из направлений деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь. В отношении осуждённых к лишению свободы особенно важно оказывать помощь в их возвращении в общество (ресоциализации). А. С. Михлин говорит о том, что «значительная часть тех, кто совершает рецидивные преступления, выходят из мест лишения свободы с искренним желанием их не совершать» [1, с. 25], однако после освобождения попадают в такие условия, когда другого варианта просто нет. Поэтому государство в лице уполномоченных органов должно выполнять социальные функции, в том числе оказание помощи осуждённым, освободившимся из исправительных учреждений (далее – ИУ).

Существует мнение ряда исследователей, согласно которому необходимо заменить понятие «исправление» на понятие «ресоциализация». Так, М. П. Мелентьев говорил, что под сущностью исправления осуждённых следует понимать их «ресоциализацию, то есть процесс, который побуждает осуждённых формировать позитивные жизненные установки в соответствии с нормами и правилами общежития» [2, с. 19]. Также со схожей точкой зрения выступает А. В. Шарков, предлагая «устоявшееся понятие исправление лица, совершившего преступление, в определении цели уголовной ответственности и наказания заменить на реабилитацию (социальную адаптацию) лица, совершившего преступление» [3, с. 18]. В своем диссертационном исследовании В. И. Степаненко говорит о том, что «цель исправления может и должна рассматриваться как ресоциализация осуждённых» [4, л. 151]. С данными точками зрения стоит не согласиться, так как исправление – формирование готовности вести правопослушный образ жизни после освобождения, то есть изменение самой личности, приобретение положительных качеств и навыков.

При наличии цели исправления осуждённых во время отбывания всех видов уголовного наказания (за исключением смертной казни) говорить о необходимости проведения ресоциализационных мероприятий при осуждении к наказаниям, не связанным с лишением свободы, не представляется возможным. В. Б. Шабанов определяет, что ресоциализация является процессом, «обусловленным результатами исправительно-воспитательного воздействия <...>» [5, с. 48] и изоляцией осуждённого к лишению свободы от общества. Исправление осуждённого является одним из условий успешной ресоциализации, так как в том случае, если у осуждённого будет сформировано положительное отношение к применяемым к нему средствам исправления, возможно будет применять к нему средства ресоциализации. Если положительная степень исправления осуждённого не сформирована, средства ресоциализации не окажут должного влияния на возвращение осуждённого в общество

законопослушным гражданином. В этом понимании ресоциализация – заключительный этап исправительной программы, направленной на недопущение совершения нового преступления осуждённым после освобождения.

По мнению В. Е. Бурого, следует разделять понятия ресоциализации и исправления [6, л. 78]. В широком смысле под ресоциализацией осуждённого понимается «многогранный, многоаспектный процесс социальной адаптации», а в узком – «комплекс мероприятий, направленный на восстановление социальных связей <...>» [7, л. 37–38]. Мы остановимся на понятии в узком смысле, так как перед уголовно-исполнительной системой необходимо ставить задачу именно по проведению комплекса мероприятий, обеспечивающих возвращение осуждённого в общество законопослушным гражданином. При этом П. В. Сербун в своей работе разделяет понятия ресоциализация и социальная реадaptация, понимая под ресоциализацией «процесс профилактической опеки в социально-психологическом обустройстве личности с целью восстановления потерянных связей с обществом», включая в данное понятие и реадaptацию [7, л. 38]. В свою очередь И. И. Евтушенко под ресоциализацией понимает «восстановление или создание положительных направляющих поведения, новой системы ценностей и социальную адаптацию лиц, совершивших преступления, подготовку их к жизни на свободе» [8, с. 52]. То есть включает в ресоциализацию и социальную адаптацию, что как нам видится, является не совсем точным, поскольку понятие социальной адаптации значительно шире понятия ресоциализации.

В социологии под социальной адаптацией понимается «процесс приспособления, освоения, как правило, активностью или группой новых для неё социальных условий или социальной среды» [9, с. 941]. Исходя из определения, используемого в социологии, применение термина «социальная адаптация» в уголовно-исполнительном законодательстве представляется не совсем верным, так как у осуждённых отсутствует один из факторов социальной адаптации, а именно – новизна социальных условий, которая возможна лишь при длительных сроках отбывания наказания. При этом следует учитывать, что каждый конкретный человек проходит этапы социальной адаптации на протяжении всей своей жизни (при рождении, в учебном заведении, на работе, в семье). Однако в случае освобождения осуждённых из ИУ следует говорить о повторной социализации, как процессе интеграции человека в социальную систему с устранением у него ранее неправильных моделей поведения. Социализация предполагает как усвоение определённых моделей поведения и социальных ролей, так и приобретение социального статуса, что больше соответствует задачам, стоящим перед пенитенциарной системой. При этом ресоциализационные мероприятия должны осуществляться с начала отбывания наказания в местах лишения свободы.

Мы видим разное понимание целей и задач уголовно-исполнительного законодательства. Законодательством Республики Беларусь не используется понятие ресоциализация, однако в ч. 1 ст. 2 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК) в качестве задачи уголовно-исполнительного законодательства выделяется социальная адаптация осуждённых в процессе реализации целей уголовной ответственности. В своих научных трудах Б. Б. Казак определяет, что «задачи, как и цели, являются конечным результатом определённого этапа деятельности» [10, с. 238]. Однако если цель направлена на длительную перспективу, то задача предполагает достижение более близкого результата, что требует оперативного управления. По мнению того же Б. Б. Казака, по достижению цели необходимо ликвидировать

определённые процессы, их реализующие, чего не требуется при выполнении задачи, «поскольку является лишь промежуточным этапом функционирования процесса или системы» [10, с. 238].

По результатам проведенного нами анкетирования 74,9 % опрошенных сотрудников ИУ (в 2016 г. был опрошен 251 сотрудник) отметили, что считают целесообразным добавление в качестве задачи уголовно-исполнительного законодательства ресоциализацию осуждённых. Данные результаты позволяют сделать вывод о том, что необходимость утверждения данной задачи, особенно при исполнении наказания в виде лишения свободы, является весьма актуальной в Республике Беларусь.

Ресоциализация выступает как задача уголовно-исполнительного законодательства, так как именно в случае социализации осуждённого после отбытия наказания можно говорить о его невозвращении к преступному поведению, то есть исправлению. Ю. Л. Шевцов отмечает, что «исправление осуждённого является необходимым условием его ресоциализации» [11, с. 38]. Как справедливо подчеркивает А. Л. Савенок «задача – это то, что требует исполнения, разрешения, претворения в жизнь» [12, с. 8]. Понятие цели определяет стремление к конкретному результату, состоянию. В свою очередь задача – конкретизация направлений решения конкретных полномочий (конкретной проблемы) с определённым алгоритмом действий. Осуществление ресоциализационных мероприятий создает условия для достижения цели исправления и предупреждения преступлений. То есть ресоциализация – это то, что следует выполнять для того, чтобы снизить уровень рецидива после освобождения от наказания. Поэтому говорить о том, что ресоциализация может являться целью наказания, представляется нецелесообразным. Говорить о ресоциализации как о процессе, требующем перспективного, стратегического управления не представляется возможным, так как в каждом отдельном случае в отношении каждого осуждённого это сугубо индивидуально. Понятие «исправление осуждённого» и «ресоциализация осуждённого» нельзя отождествлять и заменять одно другим. Несмотря на схожие средства достижения результата, существуют фундаментальные отличия: ресоциализация предполагает создание условий, контроль и надзор за поведением, решение вопросов трудового и бытового устройства, восстановление документов и т. д., а исправление – формирование готовности вести правопослушный образ жизни с помощью комплекса средств исправления. То есть следует различать средства ресоциализации и средства исправления. Если к основным средствам исправления относятся указанные в ст. 7 УИК воспитательная работа, общественное воздействие и др., то у средств ресоциализации имеются существенные различия. Так, к средствам ресоциализации следует отнести: трудовое и бытовое устройство, восстановление документов, превентивный надзор и профилактическое наблюдение в период неснятой и непогашенной судимости, probation.

Трудовое и бытовое устройство осуждённого начинается ещё во время отбывания наказания. Так, находясь в ИУ, осуждённый получает образование, необходимую квалификацию для устройства на работу по специальности после освобождения. В случае необходимости решается вопрос о конкретном месте работы и месте жительства. Уже после освобождения гражданин убывает по указанному адресу, где ему предоставляется жилое помещение и указывается рабочее место.

Восстановление документов осуждённых к лишению свободы является средством их ресоциализации, так как без наличия паспорта, трудовой книжки, документов об образовании и др. невозможно устроиться на работу, обеспечить себя жильем, оформить пенсию и т. д. Поэтому данный процесс следует начинать

осуществлять ещё во время отбывания наказания. Благодаря деятельности инспекторов по трудовому и бытовому устройству, начальников отряда, осуждённый восстанавливает свои документы к моменту своего освобождения.

Особенно важно определить средства ресоциализации в отношении осуждённых к лишению свободы, у которых в ИУ не сформировалась положительная степень исправления. Если осужденному, который не исправился, не оказывать помощь в его ресоциализации, возникает вопрос о возможности его нахождения в обществе, так как без восстановления в социальном статусе ему будет сложно вести правопослушный образ жизни. Поэтому следует говорить о том, что ресоциализационные мероприятия необходимо применять ко всем осуждённым к наказаниям, связанным с отрывом от привычной жизни до осуждения (арест, лишение свободы, ограничение свободы с направлением в исправительные учреждения открытого типа), в том числе и к злостным нарушителям установленного порядка отбывания наказания. У данной категории осуждённых должна превалировать профилактическая опека и контроль за поведением. Постепенитенциарный контроль осуществляется в Республике Беларусь в виде превентивного надзора и профилактического наблюдения. То есть за осуждёнными в течение срока судимости, не ставшими на путь исправления, необходимо устанавливать профилактическое наблюдение либо превентивный надзор с целью недопущения ими совершения нового преступления. Профилактическое наблюдение устанавливается и за условно-досрочно освобождёнными от наказания. Одновременно территориальные ОВД должны проводить воспитательную работу и применять комплекс средств исправления и средств ресоциализации в отношении всех осуждённых, за которыми установлены профилактическое наблюдение или превентивный надзор.

Негативным фактором, влияющим на ресоциализацию после освобождения из ИУ, следует считать невозможность установления профилактического наблюдения за осуждёнными, которые администрацией ИУ были аттестованы с оценкой «не признавать ставшим на путь исправления». Их поведение в ИУ не свидетельствовало о положительных изменениях личности, несмотря на то, что данные осуждённые не являлись злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания. То есть у них не сформирована готовность вести правопослушный образ жизни, поэтому они могут совершить новые преступления после освобождения. Представляется возможным внести изменения в ч. 1 ст. 196 УИК и в ч. 1 ст. 81 Уголовного кодекса Республики Беларусь в виде добавления в качестве субъектов, за которыми устанавливается профилактическое наблюдение, осуждённых, не признанных администрацией ИУ ставшими на путь исправления. Это позволит контролировать их поведение в течение срока судимости.

К пробации как средству ресоциализации осуждённых к лишению свободы на основе анализа отечественного законодательства мы можем отнести институт условно-досрочного освобождения от наказания, который предполагает установление профилактического наблюдения в течении неотбытой части наказания и возложение обязанностей (не посещать определённые места, устроиться на работу в определённый срок, возместить ущерб и т. д.). Также пробацией являются иные меры уголовной ответственности (осуждение с условным неприменением наказания, осуждение с отсрочкой исполнения наказания и др.), предполагающие установление испытательного срока с возложением определённых обязанностей.

Таким образом, термин «ресоциализация» необходимо закрепить на законодательном уровне в качестве задачи уголовно-исполнительного

законодательства Республики Беларусь. В связи с этим в ч. 1 ст. 2 УИК заменить слова «социальной адаптации осуждённых» на слова «средств ресоциализации осуждённых». Под термином ресоциализация осуждённых следует понимать специально организованный процесс по созданию условий для возвращения осуждённого после освобождения к самостоятельной законопослушной жизни в обществе, заключающийся в трудовом и бытовом устройстве, восстановлении документов, превентивном надзоре и профилактическом наблюдении в период неснятой и непогашенной судимости, пробации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Журавлев, Р. А. Законодательное обеспечение социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы / сост. Р. А. Журавлев, Б. Ф. Калачев. – М. : Изд-е Гос. Думы, 2008. – 157 с.
2. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации и Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными / под общ. ред. П. Г. Мищенко ; науч. ред. М. П. Мелентьев, С. Н. Пономарев. – М. : Экспертное бюро-М., 1997. – 795 с.
3. Шарков, А. В. О цели наказания в законодательстве Республики Беларусь / А. В. Шарков // Исполнение уголовных наказаний и иных мер уголовной ответственности в современных условиях : материалы междунар. научно-практ. конф., Минск, 28 марта 2013 г. – Минск, 2014. – С. 14-18.
4. Степаненко, В. И. Ресоциализационные условия исполнения лишения свободы в отношении лиц, ранее отбывавших это наказание: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. И. Степаненко. – Минск, 2010. – 170 л.
5. Шабанов, В. Б. Социальная работа с несовершеннолетними, осуждёнными к лишению свободы (организационно-правовые аспекты) : монография / В. Б. Шабанов, А. Л. Санташов, Е. О. Лукьянчук ; под. ред. В. Б. Шабанова. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2010. – 87 с.
6. Бурый, В. Е. Ресоциализация и социальная адаптация осуждённых к лишению свободы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. Е. Бурый. – Минск, 2010. – 265 л.
7. Сербун, П. В. Теоретико-прикладные аспекты ресоциализации лиц, освобождённых из мест лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / П. В. Сербун. – Минск, 2000. – 96 л.
8. Евтушенко, И. И. Условно-досрочное освобождение осуждённых к лишению свободы и их ресоциализация : монография / И. И. Евтушенко. – Волгоград : ВолгГТУ, 2005. – 174 с.
9. Социология : энциклопедия / сост. А. А. Грицанов [и др.]. – Минск : Книжный Дом, 2003. – 1312 с.
10. Казак, Б. Б. Уголовно-исполнительная система в механизме обеспечения внутренней безопасности общества: монография / Б. Б. Казак. – Рязань : Наше время, 2000. – 333 с.
11. Научно-практический комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Республики Беларусь / Н. А. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. В. М. Хомича. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2012. – 696 с.
12. Савенок, А. Л. Цель в уголовном законе / А. Л. Савенок // Теоретические и прикладные проблемы применения уголовного закона : сб. науч. трудов. – Минск : Акад. МВД, 2011. – С. 4–9.

УДК 343.131

А. А. ШКРОБОТ

Минск, Академия МВД Республики Беларусь

Научный руководитель: Г. А. Василевич, доктор юридических наук, профессор

ОБОСНОВАННОСТЬ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ГРАЖДАН НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЖИЛИЩА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОБЫСКА

В последнее время очень актуальным является вопрос обоснованности ограничений прав граждан при проведении следственных и процессуальных действий. Чувствительней всего граждане воспринимают нарушение и ограничение своих личных прав, а также личных прав своих близких и родственников, как правило, совместно с ними проживающих. Обыск является таким следственным действием, которое ограничивает право на неприкосновенность жилища всех граждан, проживающих в жилище, даже не имеющих никакого отношения к конкретному уголовному делу.

Право на неприкосновенность жилища относится к личным правам человека. Так, белорусский ученый Г. А. Василевич говорит, что право на неприкосновенность частной жизни включает право на личную и семейную тайну, свободу общения, свободу располагать собой, включает недопустимость прослушивания и записи переговоров, просмотра корреспонденции, право на тайну голосования, право на защиту личности и др. [1, с. 117]. Аналогичного мнения придерживается и российский ученый И. Л. Петрухин, который пишет, что неприкосновенность частной жизни – это комплексный правовой институт, состоящий из норм различных отраслей права и включающий такие компоненты, как неприкосновенность жилища, тайна переписки, телефонных переговоров, возможность человека контролировать информацию о самом себе, недопустимость слежки за человеком, прослушивания и записи личных разговоров, тайна банковских вкладов, личные и семейные тайны [2, с. 12–13]. Ключевой нормой, определившей вектор развития отечественного законодательства в рассматриваемой сфере, является норма ст. 28 Конституции Республики Беларусь. Указанная конституционная норма во многом воспроизводит положения ст. 12 Всеобщей декларации прав человека. Отличия между использованными формулировками в Конституции и названном международном документе сводятся к отсутствию указания на семейную жизнь как отдельный объект охраны в отечественном Основном Законе [3].

В ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь) закреплён принцип неприкосновенности жилища [4]. В ней воспроизводится гарантия, предусмотренная в ст. 29 Конституции. УПК Республики Беларусь констатирует, что обыск может проводиться только по основаниям и в порядке, предусмотренным УПК Республики Беларусь. Постановление о проведении обыска должно быть санкционировано прокурором, который оценивает наличие оснований для ограничения права граждан на неприкосновенность жилища. Рассматривая обоснованность ограничения прав граждан на неприкосновенность жилища, необходимо следовать принципам уголовного судопроизводства, которые основаны на конституционных и международных нормах.

Однако бывают случаи формального подхода к процедуре принятия решения о проведении обыска и вынесения постановления о проведении обыска в отношении всех лиц, так или иначе связанных с уголовным делом, даже если из материалов дела

логически не следует возможность обнаружения в жилище предметов, имеющих отношение к конкретному делу. В некоторых случаях это происходит для формально большего количества проведённых следственных действий, либо по инициативе органа дознания, заинтересованного в проведении обыска. Данный подход является неверным с точки зрения принципов уголовного судопроизводства, необдуманное ограничение прав граждан на неприкосновенность жилища разрушает веру граждан в справедливость закона и является причиной неуважения к правоохранительным органам.

Основы положений об ограничении прав граждан нужно искать в Конституции и международных соглашениях. В ст. 9 Конвенции Содружества Независимых Государств «О правах и основных свободах человека» (заключена в г. Минске 26 мая 1995 г.) содержится, что «каждый человек имеет право на уважение его личной и семейной жизни, на неприкосновенность жилища и тайну переписки; не должно быть никакого вмешательства со стороны государственных органов в пользование этим правом, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и которое необходимо в демократическом обществе в интересах государственной и общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц» [5].

Вышеуказанная ст. практически дословно была заимствована из ст. 8 Конвенции Совета Европы № 5 «О защите прав человека и основных свобод», которая заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. [6]. В данной статье присутствует не только закрепление права на неприкосновенность жилища, но и оговорка с возможностью ограничения данного права, причем уточняется, что:

- защита осуществляется в первую очередь от вмешательства государственных органов, а не от посягательств других лиц;
- поводы и основания для вмешательства должны быть предусмотрены законом;
- необходимым условием является не только формальная возможность законного вмешательства, но и должен присутствовать целевой критерий – только в случаях, когда такое вмешательство необходимо в демократическом обществе в интересах государственной и общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц.

Последний критерий особенно важен, ведь вмешательство в личную жизнь может быть осуществлено лишь тогда, когда это необходимо в вышеуказанных интересах. Но если под интересы государственной и общественной безопасности можно подвести практически что угодно, то именно необходимость во вмешательстве и её границы объективно видны.

Мы указывали выше, что, по мнению учёных, семейная тайна входит в личные права, а согласно Всеобщей декларации прав человека семейная жизнь является объектом правовой защиты. Право на неприкосновенность жилища самым непосредственным образом связано с семейной тайной и жизнью. При совершении противоправного деяния одним гражданином, право на неприкосновенность жилища может быть ограничено не только в отношении него, но в отношении совместно проживающих лиц, поэтому к процедуре ограничения данного права недопустимо относиться формально и без реальной необходимости ограничивать права таких лиц.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Василевич, Г. А. Конституция Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Г. А. Василевич. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2005. – 487 с.

2. Петрухин, И. Л. Личные тайны (человек и власть) / И. Л. Петрухин. – М. : Изд-во ИГиП РАН, 1998. – 232 с.

3. Саванович, Н. В. Личная информация граждан: варианты законодательных формулировок [Электронный ресурс] / Н. В. Саванович // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.04.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека [Электронный ресурс]: заключена в г. Минске 26 мая 1995 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

6. Конвенция Совета Европы о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс]: заключена в г. Риме 4 нояб 1950 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 343.16

Н. А. СОБАКИНА

Симферополь, КЮИ (ф) АГП РФ

Научный руководитель: Е. А. Комарова, кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации досудебное соглашение о сотрудничестве представляет собой соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого, а также действия, которые он обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления, после возбуждения уголовного дела и до предъявления обвинения.

Имея главенствующее положение в процедуре заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, прокурор играет ключевую роль в принятии решения по удовлетворению либо отказе в удовлетворении ходатайства подозреваемого (обвиняемого). Однако процессуальное положение, полномочия и роль прокурора касательно данной процедуры не совсем ясны и совершенны, поэтому требуют углубления теоретических мнений и уточнений по представленной проблеме, а также внесения реально исполнимых корректив в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) не обозначает обстоятельства, при которых прокурор уполномочен выносить постановление об отказе в удовлетворении ходатайства.

В качестве таковых предлагается обозначить следующие:

- отсутствие оснований доверять подозреваемому (обвиняемому);
- несоблюдение процедуры заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения на соответствующем этапе расследования;
- предоставление подозреваемым (обвиняемым) ложных сведений, намеренное искажение обстоятельств произошедшего в целях уклонения от уголовной ответственности или её смягчения;
- умышленное введение подозреваемым (обвиняемым) следствия в заблуждение в целях освобождения от уголовной ответственности других соучастников преступления [1, с. 193].

Итак, анализ действующего уголовно-процессуального законодательства, ведомственных приказов, практики применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве позволил обозначить наиболее существенные и явные проблемы, с которыми сталкивается прокурор при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Следует заметить, что в отличие от правового регулирования особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, при заявлении ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, законодателем не предусматривается факт учёта мнения потерпевшего, всё проходит без его участия и волеизъявления, без предоставления ему возможности активно отстаивать свою позицию по делу.

Следующей проблемой, с которой сталкивается прокурор в данной процедуре – это действия и решение прокурора по определению обстоятельств, при которых подозреваемый (обвиняемый) не выполняет условия досудебного соглашения о сотрудничестве. В законе нет чётко прописанной последовательности действий в случае наступления подобной ситуации.

Также, одной из основных проблем являются случаи, когда сведения о характере и пределах содействия обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления на судебном заседании государственным обвинителем излагаются не в полной мере, не подробно, что в свою очередь вызывает сомнения у суда относительно полноты и достоверности представленных сведений. Соответственно, в случае недостаточного объяснения государственным обвинителем вышеуказанных сведений, судом может быть принято решение о возвращении уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ [2, с. 74].

Таким образом, по результатам рассмотрения основных нормативных актов, регулирующих процедуру заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, обозначив основные проблемные направления, касающиеся участия прокурора на данном этапе, предлагается следующая концепция ликвидации выявленных пробелов.

При поступлении к прокурору ходатайства подозреваемого (обвиняемого) о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, в случаях отказа в удовлетворении ходатайства *прописать в уголовно-процессуальном законодательстве исчерпывающий перечень оснований для отказа.*

Также на проведение особого порядка принятия судом решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве необходимо *предусмотреть обязательное согласие потерпевшего на осуществление данного процессуального действия.*

Включить в уголовно-процессуальный кодекс *нормы, закрепляющие действия и решения прокурора при невыполнении подозреваемым (обвиняемым) условий досудебного соглашения о сотрудничестве.*

В судебных заседаниях в рассмотрении особого порядка принятия судебных решений при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, государственному обвинителю наиболее *подробно определять и обозначать позицию соответствующими доказательствами, сведения о характере и пределах содействия обвиняемого (подозреваемого) следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления.*

Для усовершенствования института досудебного соглашения о сотрудничестве целесообразно проведение сравнительно-правового анализа норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации с уголовно-процессуальным законодательством Республики Беларусь. Так, в 2015 г. в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь) введена новая гл. 49.1, регламентирующая положения института «досудебного соглашения о сотрудничестве».

Согласно п. 4.1 ст. 6 УПК Республики Беларусь досудебное соглашение о сотрудничестве – это соглашение, заключаемое в письменном виде между подозреваемым (обвиняемым) и прокурором, в котором определяются обязательства подозреваемого (обвиняемого) по оказанию содействия предварительному следствию и условия наступления ответственности подозреваемого (обвиняемого) при выполнении им указанных обязательств [3].

Если проводить сравнительный анализ легальных дефиниций понятия «досудебное соглашение о сотрудничестве» в Российской Федерации и в Республике Беларусь, то они во многом схожи. И в Республике Беларусь, и в Российской Федерации законодатель употребляет термин «соглашение», подчеркивая, что институт досудебного соглашения имеет сделочную природу договора между сторонами обвинения и защиты. Однако, следует оговориться, что по своей сущности досудебное соглашение о сотрудничестве как в России, так и в Республике Беларусь, представляет собой добровольное принятие на себя обязанности подозреваемым (обвиняемым) по изобличению соучастников совершения преступления, совершения активных действий по расследованию, раскрытию преступлений, а сторона обвинения лишь предоставляет в обмен на это законодательно установленные гарантии. Сторона обвинения никоим образом не гарантирует то, что выходит за рамки процессуального и материального уголовного законодательства. Из вышеуказанного определения следует, что в Республике Беларусь, так же как и в Российской Федерации, диспозитивные и состязательные начала, которые присущи институту досудебного соглашения о сотрудничестве, сильно ограничены.

Следует заметить, что в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона Республики Беларусь в ходатайстве о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подозреваемый (обвиняемый) заявляет о признании своей вины, что в УПК РФ не предусматривается. Также, согласно уголовно-процессуальному законодательству Республики Беларусь, постановление прокурора или его заместителя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о

сотрудничестве обжалованию не подлежит. А в УПК РФ предусмотрена возможность обжалования отказа от соглашения о досудебном сотрудничестве вышестоящему прокурору (обжалуют этот отказ следователь, подозреваемый или обвиняемый, его защитник).

При этом в Республике Беларусь судебное разбирательство по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, проводится судом по общим правилам судебного разбирательства. Тогда как в Российской Федерации в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве рассмотрение уголовного дела в суде проводится в особом порядке проведения судебного заседания.

Что касается лиц, с которыми возможно заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, то по этому вопросу существует расхождение в уголовно-процессуальном законодательстве России и Республики Беларусь. Так, анализ положений гл. 49.1 УПК Республики Беларусь свидетельствует о том, что досудебное соглашение о сотрудничестве может быть заключено с несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым). В отличие от положений УПК РФ, где подобное соглашение может быть заключено только с лицом, достигшим совершеннолетия.

Конституционный Суд Республики Беларусь считает, что введение института досудебного соглашения о сотрудничестве направлено на повышение эффективности борьбы с преступностью, в том числе организованной, полное и оперативное расследование преступлений, расширение возможностей по возмещению причинённого преступлением вреда или ущерба и обеспечение тем самым охраны конституционных прав и свобод человека, прав и законных интересов юридических лиц, общественных и государственных интересов и установленного правопорядка от преступных посягательств [4].

Главное предназначение досудебного соглашения о сотрудничестве – это получение помощи подозреваемого, обвиняемого в раскрытии и расследовании преступления. В соглашении должны быть указаны установленные на момент его подписания обстоятельства по уголовному делу. В последующем это позволит более объективно оценить вклад подозреваемого (обвиняемого) в раскрытие и расследование преступления.

Дискуссии вокруг плюсов и минусов сделки идут во всем мире. Вместе с тем количество стран, где внедряют такой институт, с каждым годом растёт.

Таким образом, сравнительно-правовая характеристика уголовного процессуального законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь позволяет отметить несовершенство института досудебного соглашения о сотрудничестве и пути его усовершенствования в законодательстве обоих государств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Терёхин, А. А. Роль прокурора при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве / А. А. Терёхин // Вестн. ОмГУ. Серия. Право. – 2011. – № 1. – С. 192–196.

2. Шадрин, В. С. Проблемы реализации прокурором полномочий при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве / В. С. Шадрин // материалы науч.-практ. семинара, Санкт-Петербург, 10 фев. 2016 г. / СПБЮИ (ф) АГП РФ; под общ. ред. Г. В. Штадлера. – СПб. : СПБЮИ (ф) АГП РФ, 2016. – С. 25–30.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одоб. Советом

Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 07.03.2017 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант-Плюс». – М., 2017.

4. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» : решение Конституц. суда Респ. Беларусь, 26 дек. 2014 г., № Р-967/2014 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 343.341

Е. В. ИЛЬИНОГОРСКИЙ

Симферополь, КЮИ (ф) АГП РФ

Научный руководитель: В. А. Робак, кандидат юридических наук, доцент

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 208 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Субъективная сторона преступления раскрывает внутреннее психическое отношение виновного к совершённом им деянию и последствиям этого деяния. Относительная самостоятельность субъективной стороны проявляется в том, что она порождает, направляет и регулирует объективную сторону преступления.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 208 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), характеризуется виной в форме прямого умысла. Для подтверждения этого необходимо раскрыть интеллектуальный и волевой признаки данной формы вины. При раскрытии этих признаков следует помнить, что содержание интеллектуального и волевого моментов умысла отличается в материальных и формальных составах преступлений. Определение умысла в формальных составах является «усечённым». Предвидение последствий, как признак интеллектуального момента умысла, и желания их наступления, как признак волевого момента, в отличие от материальных составов преступлений, отсутствует в преступлениях с формальными составами. Волевой момент умысла в этих преступлениях выражается лишь в желании осуществить действие или воздержаться от него [1, с. 153-154; 2, с. 32-33; 3, с. 211-212].

Интеллектуальный признак прямого умысла – это осознание субъектом объективных признаков состава преступления и отображения в его сознании юридической и фактической сторон преступления. Осознание общественной опасности деяния, предвидение его последствий, – это психический процесс, который характеризует не только субъективную связь человека и его деяния, но и его отношение к общественной (государственно-правовой) оценке его деяния. Осознавая фактическую и социальную стороны своего поведения, субъект тем самым осознаёт его вредность для охраняемых законом общественных отношений. Отображение в психике субъекта вредности его деяний является осознанием их общественной опасности.

Согласно этому, совершая действия, предусмотренные диспозицией ст. 208 УК РФ, субъект осознает общественно опасный характер своего деяния, а именно, что он:

- создает вооружённое формирование, не предусмотренное федеральным законом;
- руководит вооружённым формированием, не предусмотренным федеральным законом;
- финансирует вооружённое формирование, не предусмотренное федеральным законом;
- принимает участие в вооружённом формировании, не предусмотренном федеральным законом.

Волевой признак прямого умысла – это желание наступления последствий своего действия или бездействия, которые лицо предвидит. То есть, прямой умысел как форма вины характеризуется определенным волевым отношением субъекта к общественной опасности и противоправности совершаемого деяния. Психическое отношение субъекта к совершению преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ, заключается не только в том, что он осознает объективные признаки этого преступления, но и желает совершить это деяние. Волевой момент указанного преступления означает желание субъекта:

- создать вооружённое формирование, не предусмотренное федеральным законом;
- руководить вооружённым формированием, не предусмотренным федеральным законом;
- финансировать вооружённое формирование, не предусмотренное федеральным законом;
- принимать участие в вооружённом формировании, не предусмотренном федеральным законом.

Важную роль в характеристике субъективной стороны играют её факультативные признаки – цель и мотив.

Мотив – это внутреннее побуждение, движущая сила поступка человека, который определяет его содержание и помогает более глубоко раскрыть психическое отношение лица к совершённому. Мотив является обязательным признаком субъективной стороны преступления в тех случаях, когда он непосредственно указан в диспозиции ст. уголовного закона. Однако в тех случаях, когда мотив осуществления преступления не указывается в диспозиции статьи, он может иметь важное значение при установлении состава преступления и формы вины.

Необходимо указать, что ни в психологической, ни в юридической литературе до сих пор не выработано как общепризнанного понятия «мотив человеческого поведения или деятельности», так и понятия «мотив преступления». Современная психология исходит из того постулата, что любое осознанное поведение лица, в том числе и преступное, является мотивированным и целеустремлённым. Безмотивным может быть лишь поведение невменяемых и малолетних лиц, которые не осознают фактический характер совершаемых ими действий. Все действия людей со здоровой психикой являются мотивированными, поскольку все они к их осуществлению проходят через сознание человека. Не может быть сознательного умышленного человеческого действия, в основе которого не было бы какого-либо мотива. Безмотивных действий не существует, если только они не совершаются лицом, которое находится в состоянии такой душевной болезни, которая исключает возможность осуществления им сознательных мотивированных поступков.

В основе любого мотивированного поведения лежит потребность, на удовлетворение которой направленно совершение того или иного деяния. В детерминации поведения человека первоочередное значение имеют потребности, но

наряду с ними признают интересы и социальные требования, которые должен выполнять каждый человек независимо от его желания.

По нашему мнению, вооружённое формирование, не предусмотренное федеральным законом, может быть создано для силового влияния на органы власти или местного самоуправления; сопротивления работникам правоохранительных органов; обеспечение охраны (кого-либо или чего-нибудь) и совершение любых иных действий.

Раскрывая этот вопрос, следует отметить, что некоторые авторы как обязательный признак субъективной стороны состава преступления выделяют общественные или политические мотивы. По нашему мнению, выделение какого-либо мотива создания указанных объединений как обязательного признака субъективной стороны является нецелесообразным в связи с тем, что установление любого мотива, в том числе и общественно-политического, чрезвычайно усложнит или даже сделает невозможным доказывание вины лица, а тем самым и квалификацию его действий по этой статье УК РФ.

Рассмотрев основные теоретические положения и проанализировав возможные мотивы создания не предусмотренных законом военизированных или вооружённых формирований, перейдем к другой составной части субъективного критерия юридической конструкции преступлений – цели.

Цель – это представление о желаемом результате, которого хочет лицо, которое определяет направленность деяния. Цель представляется обязательным признаком состава преступления в тех случаях, когда она прямо предусмотрена в диспозиции статьи уголовного закона. Если цель не указана в диспозиции статьи, то её установление необходимо для того, чтобы определить причины преступления, а также индивидуализировать вид и меру наказания.

На основании мотива преступного поведения субъект ставит цель, на достижение которой и направляет свою преступную деятельность. Понятие цели преступления подобно понятию последствий или результата преступления. Однако их нельзя отождествлять, в соответствии с тем, что последствия являются объективным фактором, а цель – субъективным фактором, который характеризует процесс мышления.

Отдельные авторы выделяют цель как обязательный признак субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ, отмечая, что корыстная цель – получение прибыли, является единственной целью создания военизированных или вооружённых формирований. Другие авторы считают, что целью создания этих объединений являются общественно-политические потребности. Также в качестве цели создания указанных формирований предусматривают поддержание общественного порядка, охрану учреждений, предприятий, организаций или отдельных граждан, и т. п. [4, с. 373]. Но, по нашему мнению, такие утверждения являются достаточно дискуссионными.

Как уже отмечалось, постановка цели происходит на основе мотива. Следовательно, учитывая то, что мотивом создания не предусмотренных законом военизированных или вооружённых формирований могут быть любые побуждения лиц, считаем, что выделение цели как обязательного признака субъективной стороны является нецелесообразным. Для подтверждения вышеуказанного, считаем необходимым отметить, что выделение цели, также как и выделение мотива в качестве обязательного признака указанного элемента состава, приведет к чрезвычайному осложнению или к невозможности доказывания вины лица, а тем самым и квалификации действий по этой статье УК РФ.

Законодатель не установил конкретную цель как обязательный признак создания вооружённого формирования, не предусмотренного федеральным законом, и это является полностью логическим. Но, если детальнее рассмотреть субъективные признаки создания указанных формирований, то можно выделить начальную и конечную цель преступления. Начальную цель целесообразно выделять, рассматривая такие формы совершения объективной стороны, как создание не предусмотренного законом военизированного формирования и создание не предусмотренного законом вооружённого формирования. В таком случае, независимо от конечной цели, сначала виновные преследуют цель создать указанные формирования, а уже потом на основе деятельности этих формирований – достижение каких-то других целей.

На основе указанного можно сделать вывод, что в соответствии с действующим законодательством субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ, характеризуется виной в форме прямого умысла. Мотив и цель не являются обязательными признаками субъективной стороны анализируемого преступления и на квалификацию не влияют.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаухман, Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л. Д. Гаухман. – М. : Центр ЮрИнфоР, 2001. – 316 с.
2. Рарог, А. И. Субъективная сторона и квалификация преступлений / А. И. Рарог. – М. : Профобразование, 2001. – 135 с.
3. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. В. Лунеева, А. В. Наумова. – М. : Юристъ, 2003. – 569 с.
4. Российское уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / под ред. В. С. Комиссарова. – СПб. : Питер, 2008. – 720 с.

УДК 343.619

А. А. РАССОМАКИН

Симферополь, КЮИ (ф) АГП РФ

Научный руководитель: В. А. Робак, кандидат юридических наук, доцент

ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 107 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Относительно определения объекта преступления, по нашему мнению, в настоящее время наиболее распространённым и аргументированным является подход, в соответствии с которым объектом преступления являются общественные отношения. Впервые мнение о том, что объектом преступления являются общественные отношения, выразил А. А. Пионтковский еще в 1924 г. [1, с. 130]. В настоящее время эта точка зрения поддержана и развита многими учёными [2, с. 39].

Что касается непосредственного объекта убийства в состоянии аффекта, то таким объектом является жизнь другого человека.

По мнению одних учёных, жизнь человека, как объект убийства, являет собой самостоятельную ценность независимо от того, носителем каких общественных отношений соответствующий человек был или есть. Объектом убийства является жизнь человека как биологическое явление. При этом никак нельзя абсолютную ценность человека как биологического существа, жизнь как биологическое явление снижать или

каким-то образом ограничивать. Человек не может быть низведён к носителю общественных отношений. Право же физического существования человека – это право естественное, то есть такое, что не установлено, а лишь санкционировано государством. Оно является неделимым и не может отчуждаться.

На наш взгляд, верной является позиция учёных, которые указывают на ошибочность определения в качестве объекта убийства на биологическую жизнь человека как абсолютную ценность. Для построения концепции объекта убийства, как естественной неотъемлемой ценности человека, её сторонники используют в качестве основного аксиоматический метод. В данном случае такой аксиомой является то, что жизнь человека в биологическом его понимании – абсолютная ценность. Однако такой подход не может быть применён для построения уголовно-правовой концепции объекта убийства. Можно ли считать истинной аксиому, что жизнь человека является абсолютной ценностью? Основанием для таких сомнений является вся история человечества. Если оглянуться на прошлое человечества, то можно увидеть, что убийства всегда совершались. Существенным аргументом в противоречие концепции, согласно которой объектом убийства признаётся биологическая жизнь как абсолютная ценность человека, является то, что она противоречит нормам Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). В соответствующих нормах УК РФ содержится ряд положений, согласно которых лишение жизни другого человека при определённых обстоятельствах (например, в состоянии и в пределах необходимой обороны или крайней необходимости) не является уголовно наказуемым деянием. К тому же в УК РФ имеет место множество норм, в которых предусматривается ответственность за разные виды убийства. Совершая убийство, виновное лицо, как правило, посягает на другое лицо как на участника определённых общественных отношений (например, при убийстве из корыстных побуждений лишает жизни лицо, в частности, как владельца или обладателя определённых материальных благ и т. п.) Следовательно, человеческая жизнь в биологическом её понимании не всегда защищается уголовным законом Российской Федерации. Человек являет собой биосоциальное существо. Поэтому нельзя низводить понятие жизни человека лишь к биологическому процессу, так как человек, прежде всего, – член общества. Верно указывает С. В. Бородин, жизнь человека имеет общественный характер, а её охрана определяется отношениями, которые господствуют в обществе. Поскольку жизнь человека неотъемлема от общественных отношений, то, по его мнению, объектом преступного посягательства при убийстве является как жизнь человека, так и общественные отношения, в качестве субъекта которых соответствующий человек выступает [3, с. 48].

Провозглашая человека, его жизнь, здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность высшей социальной ценностью, Конституция Российской Федерации тем самым определяет личные блага человека фундаментальными. В то же время право физического существования человека – это право естественное и не зависит от наличия определённого статуса лица в государстве, оно является неделимым и не может отчуждаться. Учитывая характер общественной опасности убийства, а также конкретный вид и содержание благ, которые принадлежат субъектам, объектом убийства признаётся такая ценность (личное благо), которая имеет существенное значение для человека и общества в целом, как жизнь. Человек становится его субъектом с момента рождения и непрерывно является его участником (стороной) вплоть до своей смерти. До тех пор, пока на Земле будут взаимодействовать хотя бы два человека, будут существовать и общественные

отношения, которые являются универсальной характеристикой социальной составляющей жизни людей. В свою очередь жизнь человека (как ценность, благо) является предметом соответствующих общественных отношений.

Таким образом, ценность (благо) сама по себе, пока она не вступит в сферу отношений людей, безразлична для общества, а потому не охраняется. Лишь после того, как субъекты вступают в общественные отношения по поводу этой ценности (предмета общественных отношений), она становится общественно значимой, потому что, влияя на нее, изменяются отношения между людьми. Следовательно, не сама изолированная ценность охраняется законом, а ценность как предмет общественных отношений. Соответственно, посягательство на эту ценность является посягательством на общественные отношения.

Объектом убийства являются общественные отношения, которые возникают по поводу неприкосновенности жизни другого человека. Участниками таких отношений является, с одной стороны, человек, «носитель» жизни, с другой – «всякий и каждый». Предметом названных отношений выступает жизнь другого человека. Понятие «жизнь» характеризует существование человека в двух аспектах – как жизнедеятельность биологического организма человеческого существа и как существование человека в качестве члена общества. Содержанием отношений, которые составляют объект убийства, является неприкосновенность жизни другого лица, обязанность вести себя так, чтобы не причинить вред чужой жизни.

Нередко учёные указывают на то, что объектом убийства является право на жизнь, то есть жизнь является естественным благом человека, а закон в подтверждение этого констатирует право человека на жизнь. Соответственно в качестве объекта преступлений против жизни выступает право на жизнь, которое принадлежит человеку. Под правом на жизнь необходимо понимать принадлежащую от рождения, юридически закреплённую, гарантированную государством совокупность определённых возможностей, объективно предопределённых достигнутым уровнем развития человечества, общих и равных для всех, необходимых для использования и распоряжения таким социальным благом, как жизнь. Также право человека на жизнь толкуют как закреплённую нормами международно-правовых актов и внутреннего законодательства возможность определённого поведения человека, направленного на обеспечение неприкосновенности своей жизни со стороны других лиц и свободы распоряжения ей.

Как указывалось, непосредственным объектом преступления являются конкретные общественные отношения, которые непосредственно страдают от преступного посягательства. Относительно убийства, которое совершается с особой жестокостью, непосредственным объектом выступает жизнь конкретного человека.

Поскольку биологическая жизнь человека в любом случае является составляющей объекта убийства, то важное уголовно-правовое значение имеет определение его начального и конечного моментов.

Жизнь человека являет собой сложное явление, что, с одной стороны, является постоянным и непрерывно функционирующим взаимодействием биологических явлений в процессе развития организма, а с другой стороны, – формой существования человека в обществе в определенном часовом промежутке, который находится под охраной закона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пионтковский, А. А. Уголовное право РСФСР. Общая часть / А. А. Пионтковский. – М. : Госюриздат, 1924. – 194 с.
2. Малахов, И. П. Основы уголовного права. Общая часть / И. П. Малахов. – Киев : МАУП, 2000. – 188 с.
3. Бородин, С. В. Преступления против жизни / С. В. Бородин. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 467 с.

УДК 343.914 (476)

А. Н. КОВШОВА

Могилев, МГУ имени А. А. Кулешова

Научный руководитель: В. И. Мурзич, старший преподаватель

ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Безусловно, среди населения Республики Беларусь численность мужчин несколько меньше численности женщин, но, по данным статистических исследований, в криминальной сфере всё совсем иначе. Среди лиц, совершивших преступления, женщин гораздо меньше, чем мужчин. Это является своеобразной особенностью женской преступности.

Так, в нашей стране за 2016 г. по уголовным делам, расследование по которым окончено, выявлено 51 551 лицо, совершившее преступления. Среди них 8 208 являются лицами женского пола. Темпы снижения к 2015 г. – 2,9 % в отношении женщин [1].

Женская преступность является одним из важнейших и актуальных вопросов исследования. Это обусловлено тем, что преступное поведение женщин оказывает негативное влияние на все общественные процессы, на общество в целом и на его институты, на состояние преступности в будущем. Женщины более подвержены негативному влиянию, чем мужчины. Их поведение способно оказывать эффект и на других женщин, подавая им пример. Именно поэтому профилактика таких преступлений имеет огромную значимость.

За последние годы количество преступлений, совершаемых женской половиной населения, существенно возрастало, но в 2016 г., как отмечалось ранее, количество таких преступлений понизилось. Динамика женской преступности носила неустойчивый характер: удельный вес колебался от 12,7 % до 20,6 %.

Отметим, что преступность женщин, наряду с общими признаками, обладает рядом специфических черт, отличающих их от преступлений, совершаемых мужчинами. Так, женская преступность зачастую отличается от преступности мужчин характером преступлений, их масштабами, последствиями, орудиями и способами совершения преступлений, а также целями.

Социальные условия, образ жизни и роли женщин меняются, в связи с чем, меняется характер и способы преступного поведения женщин.

Следует подчеркнуть, что характерной особенностью женской преступности является превосходство корыстных целей при совершении преступлений. К таким преступлениям можно отнести кражи имущества, мошенничество, хищения путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением, обман покупателей. В последние годы женщины проявляют активное участие

в преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также наблюдается увеличение числа тяжких преступлений, совершаемых женщинами.

В то же время, среди женской преступности можно выделить преступления, совершаемые девушками-подростками. В отличие от женщин, несовершеннолетние девушки совершают иные преступления. Довольно-таки часто девушки совершают преступления из хулиганских побуждений, что является их особенностью.

Побуждением к совершению преступлений у женщин могут служить различные обстоятельства, к таким можно отнести: особенности их образа жизни, излишняя эмоциональность, неустроенность личной жизни, защитная реакция, стремление к самоутверждению, безработица, падение уровня жизни, получение материальных благ, политическая и экономическая нестабильность в стране.

Обратим внимание на ещё одну особенность: основной детерминантой при совершении преступлений женщинами является нахождение их в состоянии алкогольного, наркотического и токсического опьянения. Попадая в тяжелые жизненные ситуации, женщины, как правило, нередко прибегают к чрезмерному их употреблению, которые всегда усугубляют ситуацию.

Но у большинства женщин преобладают те качества, которые препятствуют совершению преступлений, так как мотивация женского поведения, как правило, связана с семьей. Здесь можно назвать охрану семьи, обеспечение благополучия, материального и психологического комфорта в семье. Чаще всего ответственность за семью несет женщина. Вследствие этих причин жизнь женщин мало совместима с криминальной деятельностью. Соответственно, если женщина встает на путь преступлений, то она подвергает опасности свою семью, ведь очень велика вероятность, что она понесёт заслуженное наказание в тюрьме, а во время отбывания наказания, скорее всего, её семья распадётся, и неизвестно, кто будет заниматься воспитанием и выращиванием её детей. Помимо перечисленных причин, существуют и другие причины, которые не дают женщине стать преступницей. Именно с большей привязанностью женщин к семье, чем у мужчин, связан тот факт, что жертвами насильственных преступлений, совершаемых женщинами, как правило, являются мужья, сожители, дети, ближайшие родственники.

Исследования в области женской преступности, в том числе и осуждённые женского пола, отбывающие наказания в исправительных колониях № 4 (г. Гомеля в условиях общего режима) и № 24 (г. Речица в условиях строгого режима) подтверждают мнение ученых и работников правоохранительных органов о необходимости внесения изменений в гражданское, трудовое, семейное, административное и уголовное законодательство с учетом психофизиологических особенностей лиц женского пола. Проанализировав эти исследования, автор приходит к следующему выводу: профилактика женской преступности имеет огромное значение, в связи с чем необходимым было бы организовать массовое посещение детских садов для осуждённых с целью ускоренного влияния на их исправление, а также дальнейшее поведение. Ведь женщины практически полностью несут ответственность за законопослушание и правовую грамотность подрастающего поколения, а также на их плечах лежит весь микроклимат семьи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Общая статистика преступлений за 2016 г. [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=342713>. – Дата доступа: 23.01.2017.

УДК 343

И. В. ЛОСЕВ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель: В. В. Лосев, кандидат юридических наук, доцент

О НЕОБХОДИМОСТИ УВЕЛИЧЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИОННОГО РАЗМЕРА УЩЕРБА В СТ.СТ. 216, 231 И 243 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В качестве одного из мероприятий Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения (утв. Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г., № 672) называлась проработка вопроса о декриминализации отдельных преступлений против собственности и порядка осуществления экономической деятельности. Однако за 5 лет действия Концепции применительно к преступлениям, причиняющим имущественный ущерб без признаков хищения, к которым, кроме преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 216 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь), можно также отнести уклонение от уплаты таможенных платежей (ст. 231 УК Республики Беларусь) и уклонение от уплаты сумм налогов, сборов (ст. 243 УК Республики Беларусь), ничего сделано не было.

Обязательным (квалификационным) признаком причинения имущественного ущерба без признаков хищения (ст. 216 УК Республики Беларусь), позволяющим разграничить преступление и административное правонарушение, является ущерб в значительном размере, т. е. на сумму, в 40 и более раз превышающую размер базовой величины (далее – б. в.), квалифицирующим признаком – причинение ущерба в крупном размере, т. е. 250 и более б. в. (ч. 3 прим. к гл. 24 УК Республики Беларусь).

Представляется, что в настоящее время возможно увеличить квалификационный ущерб в ч. 1 ст. 216 УК Республики Беларусь, определив его не в значительном размере (40 б. в.), а в крупном размере (250 б. в.). Соответственно в ч. 2 ст. 216 УК Республики Беларусь предусмотреть причинение имущественного ущерба не в крупном, а в особо крупном размере (1 000 б. в.).

Наряду с этим для обеспечения неотвратимости уголовной ответственности исключить причинение имущественного ущерба без признаков хищения (ст. 216 УК Республики Беларусь) из перечня деяний, которые влекут уголовную ответственность лишь при наличии выраженного в установленном уголовно-процессуальным законом порядке требования, для чего исключить п. 19 из ч. 1 ст. 33 УК Республики Беларусь, а указание на ст. 216 – из ч. 2 ст. 26 УПК Республики Беларусь, содержащей перечень дел частного обвинения.

Обязательным (квалификационным) признаком уклонения от уплаты сумм налогов, сборов и уклонения от уплаты таможенных платежей определён крупный размер ущерба, вместе с тем его объём сейчас различен. Как установлено в примечании к ст. 243 УК Республики Беларусь, крупный размер признаётся, когда сумма неуплаченных налоговых платежей превышает в 1 000 и более раз размер базовой

величины. В 2009 г. уже был увеличен квалификационный размер в этом составе с 250 до 1 000 базовых величин и тем самым произведена частичная декриминализация налоговых правонарушений. В примечании к ст. 231 УК Республики Беларусь определено, что размер признаётся крупным, когда сумма неуплаченных таможенных платежей превышает в 2 000 раз размер базовой величины.

И уклонение от уплаты таможенных платежей, и уклонение от уплаты сумм налогов, сборов как преступления, посягающие на бюджетную систему, одинаково общественно опасны, поэтому видится неоправданным существующее сейчас различие в подходах к криминализации этих деяний. В связи с этим предлагается:

- увеличить квалификационный размер ущерба в составе уклонения от уплаты сумм налогов, сборов (содержание крупного размера) с 1 000 б. в. до 2 000 б. в., квалифицирующий признак – особо крупный размер ущерба увеличить с 2 500 б. в. минимум до 3 500 б. в., для чего внести изменения в примечание к ст. 243 УК;

- дополнить ч. 2 ст. 231 УК Республики Беларусь квалифицирующим признаком, как это сделано в ч. 2 ст. 243 УК Республики Беларусь, установив повышенную ответственность за причинение в результате уклонения от уплаты таможенных платежей ущерба в особо крупном размере; определить особо крупный размер в сумме, соответствующей 3 500 б. в., что указать в примечании к ст. 231 УК Республики Беларусь.

УДК 343

В. В. РЯБОШЛЫК

Симферополь, КЮИ (ф) АГП РФ

Научный руководитель: В. А. Робак, кандидат юридических наук, доцент

ОБЩАЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЫМОГАТЕЛЬСТВА

На пути развития Российской Федерации как правового, социального государства возникает множество препятствий, основным из которых является преступность. Неотъемлемым криминальным спутником процесса развития рыночных отношений является такое социальное явление как вымогательство. Это преступление посягает на конституционные права граждан владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, находящимся в частной собственности [1]. Те формы вымогательства, которые соединены с психическим и физическим насилием, нарушают право на жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность, предусмотренные гл. 2 Конституции Российской Федерации. Таким образом, это преступление нарушает целый ряд прав и свобод человека и гражданина, закреплённых и охраняемых как национальным, так и международным законодательством.

Под вымогательством понимается требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких [2].

Если рассматривать объективные и субъективные признаки, то можно обнаружить сходство с хищением, однако действующее уголовное законодательство РФ не относит вымогательство к одной из форм хищения и, пожалуй, больше относит

к посягательствам, примыкающим к хищениям. Обоснование этого исходит из следующих обстоятельств:

- вымогательство характеризуется передачей имущества (или права на имущество) в будущем, в то время как хищение заключается в непосредственном завладении имуществом;

- объективная сторона вымогательства состоит в том, что при выдвигении преступником требования потерпевший сам, «добровольно передает имущество», что не соответствует пониманию категории «завладение» (изъятие, обращение) при хищении;

- вымогательство отличается от хищения по объекту и предмету преступного посягательства [5].

При вымогательстве наблюдается противоправное вмешательство в жизнедеятельность личности через предъявление незаконных имущественных требований относительно передачи имущества, права на имущество или совершения других действий имущественного характера.

Особое внимание заслуживает характеристика такого способа, с которым сопряжено требование передачи указанных предметов, как угроза. Следует отметить, что угроза должна восприниматься потерпевшим как реальная. При вымогательстве угроза служит средством достижения цели виновным. Угроза, которая имеет место при вымогательстве, является незаконным средством, направленным на облегчение завладения имуществом либо получение прочих выгод имущественного характера [4].

Однако ни имущественное требование само по себе, ни угрозы не могут быть достаточными основаниями для квалификации преступления как вымогательства. Лишь в неразрывном единстве оба эти действия могут образовать объективную сторону состава преступления. Сам термин «требование» представляет собой решительную, категоричную просьбу.

Требование, применительно к вымогательству, означает выраженное в решительной форме предложение виновного к потерпевшему о передаче чужого имущества, права на имущество, либо же совершение последним действий имущественного характера. Два вышеуказанных признака объективной стороны вымогательства наиболее дискуссионные, и прежде всего ввиду своей сложности [6].

Так, в литературе С. Абросимов задаётся вопросом: а если требование передачи чужого имущества, прав на него или совершения других действий имущественного характера есть, а угрозы как таковой нет либо она носит иной характер, чем указано в диспозиции статьи? Значит, и состава преступления нет? Этим пробелом немедленно воспользовались вымогатели. Как показывают криминологические исследования, образовательный уровень вымогателей достаточно высок, при необходимости юридической помощи они обслуживаются, как правило, лучшими адвокатами. Поэтому, нащупав лазейку в норме уголовного закона, организованная преступность действует по-своему юридически грамотно и остаётся безнаказанной [3].

Вариаций вымогательства множество, поэтому целесообразно рассматривать этот состав ввиду определённых видов, которые сложились в статьях не только теоретиков права, но и сотрудников правоохранительных органов. Например, одним из таких видов является вымогательство взятки. Субъектом данного преступления является ни кто иной, как должностное лицо, а это значит, что подрывается не только репутация отдельного лица, но и репутация целого учреждения. Именно поэтому стоит помнить о том, что подобные преступления являются бичом государства и сегодняшняя уголовная политика направлена на искоренение подобных деяний.

Все обстоятельства, характеризующие вымогательство как преступное явление, могут дестабилизировать социально-психологическое состояние российского общества, мешать развитию предпринимательства, способствовать распространению страха перед преступностью и подрывать веру людей в возможность правоохранительных органов эффективно бороться с ней. Важно осознать опасность вымогательства, скоординировать деятельность законодателей и практиков, пересмотреть стратегию и практику выявления и расследования этого преступления, делая акцент на предупредительной деятельности.

Особую актуальность приобретает рассмотрение вопроса противодействия одному из наиболее опасных посягательств на государственную или общественную собственность, а также на личные интересы граждан – вымогательству, которое, принимая различные формы проявления, быстро распространяется, затрагивая всё большее количество граждан. Кроме того, развитие и широкое применение телекоммуникационных технологий в различных сферах жизнедеятельности человека может использоваться преступниками по-разному. Наибольшую опасность при этом представляет возможность шантажа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с учётом поправок, внес. Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30.12.2008, 30.12.2008, 05.02.2014, 21.07.2014 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант-Плюс». – М., 2017.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 07.03.2017 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант-Плюс». – М., 2017.

3. Абросимов, С. Проблемы ответственности за вымогательство / С. Абросимов // Законность. – 1999. – № 5. – С. 25–27.

4. Власова, И. В. К вопросу об уголовно-правовой природе вымогательства / И. В. Власова // Российский следователь. – 2007. – № 23. – С. 8–9.

5. Хилюта, В. В. Уголовное право и криминология / В. В. Хилюта // Евраз. юрид. журн. – 2010. – № 4 (23). – С. 66–70.

6. Чхвимиани, Э. Ж. Уголовно-правовая характеристика вымогательства / Э. Ж. Чхвимиани // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. – Вып. № 4. – 2009. – С. 98–101.

СОДЕРЖАНИЕ

Лосев В. В. Криминологическая экспертиза как мера предупреждения коррупции и преступности: организационно-правовые основы.....	3
Робак В. А. Сравнительная характеристика преступлений, предусмотренных ст. 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и стст. 295, 295 ¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь	7
Коросташова И. Н. Противодействие фальсификации лекарственных средств (международные стандарты и нормы национального законодательства).....	10
Храмов С. М. Классификация ошибок, возникающих при задержании лиц, совершивших преступление.....	17
Иванчина О. Н. Уголовно-правовая характеристика преступлений, непосредственно посягающих на религиозную безопасность	20
Макарова Е. А. Невменяемость вследствие психических расстройств как признак субъекта преступления по зарубежному уголовному законодательству	23
Кириченко А. А. Сущность и структура антикриминальной ответственности по новой доктрине ступенчатого сущностного видового деления юридической ответственности.....	27
Ланцедова Ю. А. Природа наук криминального блока по новой классификации юридических задач.....	32
Тунтула А. С. Сущность криминальных правонарушений по новой доктрине ступенчатого сущностного видового деления правонарушений.....	37
Свиб А. Ф. Применение принудительных мер безопасности и лечения в уголовном праве Республики Беларусь: юридический и медицинский аспекты.....	41
Резюк В. И. Бюджетная ответственность как вид юридической ответственности.....	44
Заранка И. А. Особенности назначения и проведения судебно-медицинской экспертизы в Республике Беларусь	46
Зинюк И. А. Уголовная ответственность за мошенничество при получении выплат .	50
Дувадах Э. Р. Роль прокурора при рассмотрении уголовных дел в особом порядке...	53
Скоробутов Е. П. Сравнительная уголовно-правовая характеристика объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 228 Уголовного кодекса Российской Федерации и ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь	57
Хлус А. М. Объектно-предметная область криминалистики и её тенденции в условиях транснациональной коррупции	61
Третьяков Г. М. Рейдерский захват как механизм противоправного передела собственности: криминалистический аспект	66
Калпинская О. Е. Повышение эффективности борьбы с бандитизмом	69
Р. Н. Ключко, Е. П. Фучеджи Уголовно-правовая характеристика объекта преступлений, связанных с незаконной миграцией.....	71
Е. А. Коротич, О. В. Чмыга Уголовно-правовая охрана отдельных прав человека в сфере применения современных медицинских технологий	73
Григорович В. Л. Применение голографии в уголовном судопроизводстве	78
Лапунин М. М. Некоторые посягательства в сфере компьютерной информации и понимание их общественной опасности	83
Медицкий И. Б. Проблема «последствий преступности» в международных юридических документах	88
Нечай Р. О. История появления и развития преступлений против информационной безопасности	91

Пашенко А. А. О значении выделения видов норм в Уголовном кодексе Украины для решения вопроса об их социальной обусловленности	94
Шпиляревич В. В. Меры наказания и уголовно-правовые меры безопасности в системе мер противодействия преступности.....	99
Луцевич Ж. А. Особенности уголовно-процессуального статуса таможенных органов Республики Беларусь	102
Сяргейчык А. М. Ультраактыўнае прымяненне крымінальнага закона.....	107
Гутич Ю. В. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными.....	108
Ермакович С. Л. Барьеры входа на рынок как объект правового регулирования.....	111
Байкова Е. С. Преступность среди несовершеннолетних	113
Гигевич А. И. Использование отдельных криминалистических учётов в розыске лиц, пропавших без вести.....	115
Гончаров А. Н. Назначение наказания лицам, заключившим досудебное соглашение.....	118
Егоров Д. А. Предупреждение правонарушений в сфере физической защиты объектов использования атомной энергии	121
Караваева В. А. Роль элементов содержания законодательной техники уголовного закона в процессе повышения его качества.....	125
Игнатенко А. С. Специальная дисциплинарная (служебная) ответственность военнослужащих и лиц, имеющих специальные звания.....	129
Катушонок О.В. Понятие и основные формы проявления внутрисемейного геронтологического насилия.....	132
Ковалёв А. В. Стадия возбуждения уголовного дела в уголовном процессе Республики Беларусь: правовое регулирование и возможные направления совершенствования	137
Костюкевич Д. В. Взаимодействие следователей с оперативными подразделениями органов внутренних дел.....	139
Красий М. Е. Уголовно-правовая и уголовно-процессуальная политика в контексте нарушения права на защиту	141
Крастина Я. Е. Институт экстрадиции: историко-правовой аспект.....	146
Крицкая И. А. Дефиниции понятия «вещественные доказательства» в уголовном процессуальном законодательстве Украины и некоторых зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ	148
Кузьменкова С. В. Особенности воспитательного воздействия ареста в отношении несовершеннолетних осуждённых	152
Лазукова О. В. Восстановление утраченных материалов досудебного расследования: проблемы правоприменительной практики и перспективы нормативного регулирования.....	155
Луцевич А. А. Особенности квалификации преступлений, связанных с нарушением правил пожарной безопасности	158
Резюк В. И. Бюджетные средства по законодательству Республики Беларусь: понятие, признаки	162
Севрюк Е. Ю. Характеристика объективных признаков торговли людьми.....	164
Сурженко Ю. А. Факторы, способствующие захватам заложников в местах лишения свободы	167
Сяргейчык А. М. Гуманітарна-рэвізійнае прымяненне крымінальнага закона.....	170
Хлус А. М. Анализ правовых и организационно-экономических факторов коррупции и роль криминалистики в их выявлении	175

Шабаль В. С. Ресоциализация осуждённых к лишению свободы: о содержании понятия	180
Шкробот А. А. Обоснованность ограничения прав граждан на неприкосновенность жилища при проведении обыска	185
Собакина Н. А. Особенности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации и Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь	187
Ильиногогорский Е. В. Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 208 Уголовного кодекса Российской Федерации	191
Рассомакин А. А. Объект преступления, предусмотренного ст. 107 Уголовного кодекса Российской Федерации	194
Ковшова А. Н. Особенности женской преступности в Республике Беларусь	197
Лосев И. В. О необходимости увеличения квалификационного размера ущерба в стст. 216, 231 и 243 Уголовного кодекса Республики Беларусь	199
Рябошлык В. В. Общая уголовно-правовая характеристика вымогательства	200

Научное издание

Редакционная коллегия:

О. Н. Иванчина,

заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин УО «БрГУ имени
А. С. Пушкина», кандидат философских наук, доцент (гл. ред.)

Г. И. Займист,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
УО «БрГУ имени А. С. Пушкина»

С. М. Храмов,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
УО «БрГУ имени А. С. Пушкина»

**Противодействие преступности : криминологические, уголовно-правовые
и уголовно-процессуальные аспекты :** сб. материалов Респ. науч.-практ. интернет-
конф., Брест, 23 марта 2017 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина; редкол.:
О. Н. Иванчина (гл. ред.) [и др.]. – Брест : БрГУ, 2017. – 206 с.

Техническое редактирование и компьютерная верстка:

О. Н. Иванчина,

Г. И. Займист,

П. А. Перников